ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Курс истории ВКП(б)

На правах рукописи

Академик Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

Глава I

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В РОССИИ

(1883—1901 годы)

Стенограмма лекций, прочитанных
в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б)
в 1940—1941 учебном году

МОСКВА 1941

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Курс истории ВКП(б)

На правах рукописи

Академик Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

Глава I

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В РОССИИ

(1883—1901 годы)

Стенограмма лекций, прочитанных
в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б)
в 1940—1941 учебном году

МОСКВА 1941

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ. ПОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА. ПЕРВЫЕ ШАГИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

I

Современное коммунистическое движение могло возникнуть и возникло во всех странах лишь тогда, когда на основе капиталистического производства сформировался новый класс, класс промышленного пролетариата. Поэтому возникновение и развитие рабочего класса в России, история этого развития имеют огромное значение для нас, изучающих историю нашей партии, как передового отряда коммунистического движения.

Рабочий класс России вырос и окреп, организовался и стал самой мощной силой революции в России лишь после того, как было отменено крепостное право и Россия прочно стала на путь буржуазного, капиталистического развития.

19 февраля 1861 г., когда было отменено крепостное право, является переломным днем в историческом развитии России. Основное значение реформы 1861 г. заключается в том, что она внесла глубокое изменение в экономическое и политическое развитие России, и «...это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию» [1].

Крепостной строй — основа царской России, ненавистный крестьянским массам и всей передовой России, уже давно уничтоженный во всех странах Европы, тяжелым ярмом давил всю страну и был сильнейшим препятствием на пути развития производительных сил России.

Против крепостного права боролись не только крестьяне, но и передовые революционные демократы даже из среды «дворянских революционеров», как называл Ленин декабристов.

Радищев, один из самых передовых людей, о котором Ленин писал, что мы гордимся тем, что из нашей среды, из среды великороссов, выдвинулся Радищев, — этот революционный демократ и просветитель конца XVIII в., писал в своей замечательной книге «Путешествие из Петербурга в Москву»:

---

[1] Ленин. Соч., т. XV, стр. 96.

«...О! если бы рабы тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим главы наши, главы безчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их, изторгнулися великие мужи, для заступления избитаго племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны. — Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие»[1].

Радищев был прав. То, о чем он мечтал и что он «зрил сквозь столетие», свершилось. Правда, лишь через 59 лет после смерти Радищева царизм вынужден был отменить крепостное право, но окончательно освободились крестьяне от помещиков только в 1917 г., в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Крепостное право пало в 1861 году:

«Порвалась цепь великая,
Порвалась — расскочилася:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»[2].

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» мы читаем:

«Царская Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития. До 60-х годов прошлого столетия в России было очень мало фабрик и заводов. Преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков. При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность. Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве. Весь ход экономического развития толкал к уничтожению крепостного права. Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право»[3].

Здесь по сути дела изложены все основные причины, которые привели к отмене крепостного права.

Ленин рассматривал реформу 1861 г. лишь, как «...один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим). Никаких иных историко-экономических элементов... в Положении нет»[4].

Среди причин, вызвавших отмену крепостного права, несомненно, на первом месте стоят причины экономические. Отсталость производственных отношений России сказывалась с каждым

---

[1] А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, стр. 387. Изд. «Академия», 1935.
[2] Н. А. Некрасов. Стихотворения, стр. 346. Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1938.
[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 5.
[4] Ленин. Соч., т. XV, стр. 93.

годом все острее. Все яснее становилось, что крепостническое ведение хозяйства невыгодно не только для промышленности, но и для земледелия. Очень важное значение имело то обстоятельство, что с конца XVIII в. в России происходил значительный рост городского населения. С 1779 по 1856 гг. население городов увеличилось с 802 тыс. до 5.684 тыс. человек, т. е. в 7 раз. Если в 1782 г. удельный вес городского населения составлял 3,1 проц., то в 1856 г. он возрос до 8,9 проц., между тем как все население России за это время увеличивалось гораздо медленнее.

Развитие промышленности в первой половине XIX в. и вызванный этим рост городского населения требовали усиленного производства хлеба, расширения земледелия, бо́льшей его интенсификации. Кроме того, росла внешняя торговля хлебом. В этот период на Западе особенно быстро развивалась промышленность, и Западная Европа не могла довольствоваться своим собственным хлебом, она требовала привозного хлеба.

Следовательно, все эти причины требовали расширения и интенсификации земледелия. Крепостная же форма земледелия препятствовала развитию сельского хозяйства. Барщинный труд был крайне непроизводителен. Вот что писал об этом рязанский крепостник-помещик Кошелев в 1847 году:

«...«Возьмем барщинскую работу... Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, работает сколько возможно меньше, — ему не дело делать, а день убить... С этою работою сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошего подрядчика. Здесь все горит: материалов не наготовишься, времени проработают они меньше барщинского крестьянина, отдохнут они более его, но наделают они вдвое-втрое. Отчего? — Охота пуще неволи» [1].

Даже помещики вынуждены были признать, что крепостной труд становится все более и более невыгодным. Правда, некоторые помещики пытались вводить улучшенную агротехнику, машины. Но при крепостном труде это не давало больших результатов. Декабрист Фонвизин в своей записке «О крепостном состоянии земледельцев в России» отмечал:

«Неудачи, испытываемые владельцами имений при введении в них улучшенных метод земледелия, и вообще системы рационального сельского хозяйства, несравненно многосложнейшего, происходят от невозможности согласить его с существованием крепостных работников» [2].

Еще более заинтересована была в отмене крепостного права быстро развивавшаяся промышленность. Промышленности требовались «свободные» рабочие руки. По данным 1804 г., на фабриках из

---

[1] Цитирую по книге — Е. А. Мороховец. «Крестьянская реформа 1861 г.», стр. 36. Соцэкгиз. 1937.

[2] М. А. Фонвизин. Обозрение проявлений политической жизни в России и другие статьи, стр. 112. Москва, 1907.

95.202 рабочих 45.625, т. е. около половины, уже тогда были вольнонаемными. Это были большей частью так называемые оброчные крестьяне, которые не работали на земле помещика, а уходили на фабрики, на отхожие промыслы и платили помещикам оброк.

Таким образом, нарастали противоречия между развивающимися капиталистическими отношениями, с одной стороны, и крепостническим строем — с другой. Крепостнический строй становился путами, мешающими развитию производительных сил. В отмене крепостного права были заинтересованы уже не только крестьяне, фабриканты и заводчики, но и многие помещики.

Другой коренной причиной отмены крепостного права было невыносимое положение крестьян (и крепостных рабочих на казенных и так называемых посессионных фабриках).

История крепостного права знает бесчисленное множество больших и малых восстаний крестьянства. Если взять только 30-летнее царствование Николая I (1825—1855 гг.), то, даже по самым неполным данным министерства внутренних дел, насчитывалось 674 случая крестьянских волнений, а с 1826 по 1860 г. таких зарегистрированных случаев было около 1.200.

Волнения в царствование Николая I все возрастали. Если в первые девять лет царствования Николая I ежегодно в среднем приходилось по 16 крестьянских волнений, то на следующие 10 лет их приходится в среднем 35. В первые шесть лет царствования Александра II произошло 474 волнения, т. е. 79 случаев в год, а в последний год перед отменой крепостного права, в 1860 г., их было 100 случаев. Несомненно, что крестьяне, часть которых уже работала на фабриках и заводах, не могли смириться с тем невыносимым, бесправным положением, в котором они находились. Крестьянские волнения как бы подхлестывали правительство, поторапливали его. Нередко усмирение их сопровождалось настоящей войной, посылкой карательных экспедиций, военными экзекуциями.

Среди крестьян ходило множество слухов о близости освобождения; правда, это были главным образом слухи об освобождении сверху. Так было в период наполеоновских войн, когда дворовые люди в Петербурге рассуждали между собой примерно так:

«Бонапарт писал государю, что, если он желает иметь мир, то освободил бы всех крепостных людей, чтобы крепостных не было, в противном же случае война будет всегда».

В Россию проникли слухи о Французской буржуазной революции конца XVIII в., которая вела к освобождению крестьян. Свое освобождение от крепостного права крестьяне связывали с именем Наполеона Бонапарта. На Бонапарта в начале его карьеры смотрели как на революционного полководца. Как известно, Наполеон I, начавший в 1812 г. войну с Россией, и не думал освобождать крепостных крестьян, он хотел поработить Россию, превратить ее в свою колонию.

Волнения среди крестьян усилились в царствование Александра II. Поэтому неудивительно, что он говорил дворянам: «Лучше

освободить крестьян сверху, иначе они освободят себя сами снизу».

Третьей причиной реформы 1861 г. была Крымская война. Война почти всегда обостряет классовые противоречия. Крымская война ускорила реформу 1861 г., война русско-японская (1904—1905 гг.) ускорила революцию 1905 г., а первая империалистическая война (1914—1918 гг.) ускорила падение царского самодержавия в 1917 году.

Что же послужило поводом для Крымской войны? Внешним поводом к возникновению войны между Россией и Турцией (Англия и Франция только впоследствии присоединились к Турции) явилась передача турецким султаном ключей от главного иерусалимского храма, ключей от «гроба господня», католической церкви. Николай I, считавший себя чем-то вроде православного патриарха, выступил как защитник православия — так как, мол, ключи от «гроба господня» должны находиться у православной церкви. На самом же деле Николай I стремился захватить Дарданеллы, Босфор и Константинополь и получить свободные и удобные пути для вывоза хлеба с юга России в другие страны.

Результатом этой захватнической войны явилось страшное потрясение всей политической и хозяйственной системы России.

На вопрос — какая сила заставила крепостников взяться за реформу? — Ленин отвечал: «Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу»[1].

Таким образом, Ленин считал Крымскую войну одной из важнейших причин, ускоривших отмену крепостного права.

Крымская война показала отсталость России во всех отношениях. Несмотря на изумительную храбрость русских солдат и наличие способных полководцев, особенно проявивших себя во время героической защиты Севастополя, царская армия потерпела поражение прежде всего потому, что она была плохо вооружена. Русская армия была вооружена кремневыми ружьями, которые заряжались с дула, и стреляли они всего на 300 шагов, в то время как английские ружья били на 500 шагов, а нарезные — даже на 1 000—1 300 шагов. Турки, англичане и французы имели дальнобойную артиллерию, паровой флот; русский флот был парусный. Русская армия пешком шагала через всю Россию в Крым. Железных дорог еще не было. Снабдить такую армию при отсутствии железных дорог силами гужевого транспорта было необычайно

[1] Ленин. Соч., т. XV, стр. 143.

трудно. Поэтому, несмотря на то, что русские солдаты храбро дрались, русская армия потеряла 128.669 человек, а союзники потеряли всего 63.600 человек, и Россия войну проиграла.

Маркс и Энгельс уделяли очень большое внимание этой войне. Отмечая особую храбрость русских солдат, Энгельс писал в послесловии к статье «О социальном развитии России»:

«...Армия погибла от гигантских размеров страны, от продолжительных переходов до театра войны; необходимо было уничтожить колоссальные расстояния, построив сеть железных дорог, отвечающую стратегическим целям. Но постройка железных дорог означает создание капиталистической промышленности и переворот в первобытном земледелии... немыслимо построить и эксплоатировать широкую сеть железных дорог, не имея отечественной промышленности, производящей рельсы, локомотивы, вагоны и т. д.» [1].

Энгельс был убежден в том, что такую промышленность в тогдашней России можно было создать «...лишь в одной форме, т.-е. в капиталистической, а не в какой-либо иной» [2].

Таким образом, поражение в Крымской войне со всей очевидностью выявило необходимость реформы.

В произведениях Ленина и Сталина мы находим исчерпывающую оценку реформы 1861 г. В 1911 г. в статье «Пятидесятилетие падения крепостного права» Ленин писал:

«В государствах Западной Европы последние остатки крепостного права были уничтожены революциями 1789 года во Франции, 1848-го в большинстве остальных стран. В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли. Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков» [3].

Но именно потому, что отмена крепостного права шла сверху, реформа 1861 г., по своему характеру буржуазная, оказалась половинчатой, проведенной не в интересах крестьян, а в интересах помещиков.

«Крестьян, — писал Ленин, — «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» так повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам.

Русских крестьян господа благородные помещики «освобождали» так, что свыше пятой доли крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, пóтом и кровью политые,

---

[1] Ф. Энгельс. О России, стр. 36—37. Изд. Пролетарий. 1923.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 298. Москва. 1922.
[3] Ленин. Соч., т. XV, стр. 108—109.

крестьянские земли крестьяне были обязаны платить **выкуп**, то-есть **дань** вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то-есть так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя. Крестьяне в большинстве губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало.

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России» [1].

Значительная масса крестьян при отмене крепостного права была обезземелена. Ленин неоднократно подчеркивал этот факт: «...обезземеление крестьян в 1861 году означало в большинстве случаев создание не свободного рабочего в капиталистическом производстве, а кабального (т.-е. фактически полукрепостного или даже почти крепостного) арендатора той же «барской», помещичьей земли. В действительности «наделы» 1861 года означали в большинстве случаев создание не свободного самостоятельного земледельца, а прикрепление к земле кабального арендатора, фактически вынужденного отбывать ту же барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выпас, за выгон, за луга, за необходимую пахотную землю и т. п.» [2].

Тем не менее даже эта «куцая реформа» 1861 г. имела огромное значение для развития народного самосознания, для развития революционного движения в России, ибо отмена крепостного права ускорила развитие капитализма, а значит и формирование самого революционного класса, могильщика буржуазии, — пролетариата. Именно поэтому Ленин отмечает и другую сторону этой реформы:

«После падения крепостного права в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы. В крупных городах, на фабриках и заводах все увеличивалось число рабочих. Постепенно стали складываться соединения рабочих для совместной

---

[1] Ленин. Соч., т. XV, стр. 109.
[2] Там же, стр. 94—95.

борьбы с капиталистами и с правительством. Ведя эту борьбу, русский рабочий класс помогал миллионам крестьянства подняться, выпрямиться, сбросить с себя привычки крепостных рабов»[1].

Товарищ Сталин в феврале 1906 г. написал прокламацию по случаю 45-летия реформы 1861 г. «Не царская реформа, а народная революция». В ней он дал всестороннюю марксистскую оценку манифеста 19 февраля 1861 г. Содержание этой прокламации очень важно для уяснения изучаемого вопроса.

«Сегодня исполнилось ровно 45 лет, — писал товарищ Сталин, — с того времени, как царь объявил народу «отмену» крепостных порядков.

Это было время, когда разбитое в Крымской войне царское правительство оставило на поле битвы свыше 50 000 сынов народа и, вернувшись к себе домой, встретило там возмущенное крестьянство, требовавшее от него земли и воли. Царь не любил крестьян, он не уважал их требований, но он боялся их возмущения и, не желая лишиться власти, решил уступочками успокоить волновавшееся крестьянство. Недаром говорил царь московским дворянам: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, пока крестьяне сами отменят его снизу». А чтоб народ не понял хитрости правительства, либеральные лакеи царя пустились трубить направо и налево об «освобождении народа сверху», о «даровании царской милости», о «царе-батюшке освободителе крестьян» и т. д. и т. д.

С тем большим нетерпением ждали крестьяне объявления царского манифеста.

И вот настало 19 февраля. Объявили манифест, призвав предварительно народ молиться за царя.

И что же? Выяснилось, что все эти обещания о «свободе», все эти крики о «царе-освободителе» — один обман, одни пустые слова и только!

Крестьяне требовали землю, исстари принадлежавшую им и орошенную их собственной кровью. Царь же отобрал у крестьян эту самую землю и передал дворянству, разрешив им выкупить лишь часть своей же земли, и то по самой дорогой цене! Таким образом, у крестьян стало еще меньше земли.

Крестьяне требовали волю, свободу от дворянских оков. Царь же, чуточку только облегчив им тяжесть этих оков, накинул на них более тяжелые оковы — оковы царя-самодержца! Таким образом, крестьянам пришлось работать под двойным ярмом дворян и царя.

Крестьяне требовали отмену дворянских податей. Царь же, уменьшив только эти самые подати, навязал им более крупные — государственные налоги, вконец подорвав, таким образом, основы крестьянского хозяйства!..

А чтобы доведенное до крайности крестьянство не восстало и не разнесло трон царского правительства, царь выдумал солдатчи-

---

[1] **Ленин.** Соч., т. XV, стр. 109.

ну, у крестьян же отнял он наилучших работников, переодел их в солдатские мундиры и заставил поклясться беспощадно стрелять в крестьян и рабочих, лишь только они осмелятся заговорить о своих человеческих правах!..

Правда, крестьянство добилось у правительства маленькой, личной свободы, заставив его тем самым считаться с силой народного возмущения — потому именно и празднуем мы 19 февраля, но что значит для крестьян одна только такая личная свобода без земли и без настоящей воли?..

Вот что называется у них «освобождением народа», вот как они пили кровь народа под фирмой «освобождения народа!».

Разве этого хотело многострадальное крестьянство? И не насмехаются ли над крестьянством, когда фарисейский манифест царского правительства называют «освобождением крестьян», а царя-пригнетателя — «освободителем»?

Нет! Не такое освобождение нужно исстрадавшемуся крестьянству!

У крестьян отняли землю, передав ее дворянам, — надо взять обратно всю эту землю без всяких выкупов и вознаграждений для дворян!

Крестьян заковали в двойные кандалы — дворян и царя-самодержца, — надо уничтожить и те и другие, предоставив крестьянам всю землю.

Крестьян обложили косвенными государственными налогами, разорив их хозяйство, — надо уничтожить эти самые налоги, обложив прямыми налогами только состоятельных!

Крестьянам навязали солдатчину и ежегодно отнимают у них наилучших работников — надо раз навсегда распустить солдат, провозгласив народное вооружение!

Вот какое освобождение нужно крестьянству!

И все это должен сделать не царь с его жалкими реформами, — а сам народ путем народной революции: ибо опыт прошлого и 19 февраля в особенности наглядно показал, что с чертогов царского правительства даются только оковы, что освобождение крестьян может быть делом лишь самих же крестьян и что, стало быть, насчет крестьян можно было бы сказать то же самое, что говорят насчет пролетариата европейские рабочие:

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой —
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой!..

Пусть помнят крестьяне эти дорогие слова рабочих, и пусть они знают, что, только сплотившись вокруг городских рабочих и двинувшись на старые порядки, добьются они настоящего освобожденья!..

Крестьяне должны сделать это, и они сделают!

А самодержавным разбойникам, старающимся и теперь обмануть крестьян обещаниями о «выкупных прирезках», не мешало бы помнить, что их бессмысленные планы разлетятся при криках революционных крестьян, руководимых революционным пролетариатом:

Долой остатки крепостных порядков!
Долой царские реформы!
Да здравствует народная революция!
Да здравствует демократическая республика!
Да здравствует революционный пролетариат!

Тифлисский объединенный комитет РСДРП.
Февраль 1906 г.»[1].

Вы видите, насколько оценка, данная товарищем Сталиным этой царской реформе, сходится с оценкой Ленина.

Что же представлял собой в экономическом отношении крепостной строй, отмененный манифестом 19 февраля 1861 г.? Пережитки крепостного строя давали себя знать вплоть до Октябрьской социалистической революции и послужили, с одной стороны, источником обострения классовой борьбы в России, а с другой стороны — явились тормозом развития производительных сил страны.

Сущность экономических отношений помещиков и крестьян при крепостном праве заключалась в том, что помещики, наделяя крестьян землей (иногда не только землей, но и лесом, скотом и т. п.), заставляли их работать на себя, прикрепляли крестьян к земле и путем принуждения превращали крестьян в лично зависимых от помещика. Ленин писал: «...Надел был тогда *формой заработной платы*, если говорить применительно к современным отношениям. В капиталистическом производстве заработная плата рабочему выплачивается деньгами. Прибыль капиталиста реализуется в виде денег. Необходимый и прибавочный труд (т. е. труд, оплачивающий содержание рабочего, и труд, дающий неоплаченную прибавочную стоимость капиталисту) соединены вместе в один процесс труда на фабрике, в один фабричный рабочий день и т. д. Иначе обстоит дело в барщинном хозяйстве. Необходимый и прибавочный труд есть и здесь, как есть он и в рабском хозяйстве. Но эти оба вида труда разделены во времени и в пространстве. Крепостной крестьянин три дня работает на барина, три дня на себя. На барина он работает на помещичьей земле или над помещичьим хлебом. На себя он работает на надельной земле, добывая сам для себя и для своей семьи тот хлеб, который необходим на содержание рабочей силы для помещика.

[1] Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 98—101. Госполитиздат. 1938.

Следовательно, крепостная или барщинная система хозяйства одинакова с капиталистической в том отношении, что в обеих работник получает лишь продукт необходимого труда, отдавая продукт прибавочного труда без оплаты собственнику средств производства. Отличается же система крепостного хозяйства от капиталистической в трех следующих отношениях. Во-первых, крепостное хозяйство есть натуральное хозяйство, капиталистическое же—денежное. Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудием эксплуатации является прикрепление работника к земле, наделение его землей, в капиталистическом же — освобождение работника от земли... В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть лично зависим от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как под принуждением. Система хозяйства порождает здесь «вне-экономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д.» [1].

По реформе 1861 г. барщинное хозяйство формально было отменено, а на деле оно сохранилось в виде отработков, в виде отработочной системы.

Ленин писал: «Отработки, это — прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки, это — переход от барщины к капитализму. Сущность отработков в том, что помещичьи земли обрабатывают крестьяне своим инвентарем за плату частью денежную, частью натурой (за землю, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.). Известная под именем испольщины форма хозяйства есть одна из разновидностей отработков. Для отработочного помещичьего хозяйства необходим наделенный землей крестьянин, имеющий хоть самый плохенький живой и мертвый инвентарь; необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала вместо свободного найма есть необходимый спутник отработков. Помещик выступает здесь не как предприниматель-капиталист, владеющий деньгами и всей совокупностью орудий труда. Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева» [2].

Еще при крепостном праве нередко помещики отказывались от прямой барщины и переходили к оброку. Так, пушкинский Онегин, помните: «Ярем он барщины старинной оброком легким заменил».

Оброк состоял в том, что крестьянин не отбывал барщину и мог заниматься на стороне промыслом, но за это был обязан платить оброк помещику, который иногда доходил до очень высокой цифры — свыше полутора тысяч рублей в год. Конечно, такие суммы платили те оброчные крестьяне, которые занимались торговлей или имели у себя мастерские, маленькие фабрики или за-

---

[1] Ленин. Соч., т. XII, стр. 226—227.
[2] Там же, стр. 227.

воды. Помещики, нередко годами, не выпускали из рук возможностей пользоваться такого рода данниками. Так, например, известный фабрикант Савва Морозов выкупился в 1820 г. на волю у помещика лишь тогда, когда стал уже фабрикантом и заплатил помещику за свою свободу 20 тыс. рублей золотом.

После падения крепостного права осталась отработочная система, фактически сохранился и оброк в виде выкупных платежей, которые крестьянство выплачивало десятки лет. Общая сумма выкупных платежей составляла около 2 млрд. рублей золотом. 49 лет крестьяне должны были выплачивать эти 2 млрд. рублей.

Ленин писал в статье «Рабочая партия и крестьянство» в «Искре» в 1901 г.: «И, взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными людьми: их оставили на двадцать лет временно-обязанными, их оставили — и они по сию пору остаются — низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства»[1].

И далее Ленин разъяснял, что «...все эти выкупные платежи — не что иное как прикрытое законными формами и чиновническими фразами ограбление крестьян помещиками и правительством, не что иное как дань крепостникам за освобождение их рабов»[2].

II

Какова же была классовая структура общества в России тотчас после отмены крепостного права? Товарищ Сталин указывал, что в пореформенной России наряду со старыми классами — крестьян и помещиков — существовали новые, с точки зрения развития капитализма, классы — капиталистов и рабочих.

До реформы 1861 г. основными классами в России были крестьяне и помещики. Но в недрах крестьянства и до 1861 г. нарождались и буржуазия и пролетариат.

Самым многочисленным классом как до 1861 г., так и после отмены крепостного права в России было крестьянство. Представляло ли крестьянство особый класс? На этот вопрос Ленин ответил в своей статье «Аграрная программа русской социал-демократии».

«Остатки старого крепостного порядка, — писал Ленин в этой статье, — страшно еще велики в нашей деревне. Это факт общеизвестный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром, — все это не исключение,

---

[1] Ленин. Соч., т. IV, стр. 100
[2] Там же, стр. 103.

а правило в русской деревне и все это является, в последнем счете, прямым переживанием крепостного порядка. В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок и поскольку он еще царит, — врагом его является все крестьянство как целое. Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться классом, именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т.-е. классом-сословием» [1].

Сословные черты имел и помещичий класс, сословный характер носило до реформы и купечество, которое образовало впоследствии вместе с фабрикантами и заводчиками класс буржуазии, и мещанство, являвшееся после реформы 1861 г. главной составной частью городской мелкой буржуазии. Мещанство, как особый разряд городского населения, не записанного в купеческое сословие, было образовано манифестом 17 марта 1775 г. При Екатерине II в 1775 г. была издана «Жалованная грамота» городам; по этой грамоте все городское население, кроме дворянства, духовенства и крестьян, делилось на 6 разрядов. Но впоследствии купцы и духовенство были выделены в особые сословия — купеческое и духовное. Мещанство же составило особое податное сословие, связанное круговой порукой и подлежащее по суду даже телесному наказанию.

После реформы 1861 г. мещанство утратило строго сословный характер. Оно стало расслаиваться, как и крестьянство, выделяя на одном полюсе буржуазию, на другом — ремесленный и фабричный пролетариат. Оно получило подобие самоуправления в виде выборных городских управ и мещанских старост, существовавших вплоть до Октябрьской революции 1917 г. И только после революции 1917 г. все эти сословия были ликвидированы.

Отмечая, что крестьянство было классом не капиталистического, а крепостного общества, т. е. классом-сословием, Ленин в статье «Аграрная программа русской социал-демократии» делает очень интересную сноску, в которой разъясняет, что «...в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе), и потому классы перестали быть сословиями. Деление общества на классы обще и рабскому и феодальному и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные» [2].

Ленин, вскрывая расслоение крестьянства в пореформенной де-

---

[1] Ленин, Соч., т. V, стр. 92.
[2] Там же.

ревне, объяснял, почему он даже самое слово крестьянство берет в кавычки:

«Мы ставим в кавычки слово крестьянство, — писал Ленин в этой же статье, — чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой жизни. Это — не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. Поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крепостные отношения, — постольку «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «поскольку — постольку» существует в действительности в виде крайне сложного сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне. Говоря терминами Маркса, отработочная, натуральная, денежная и капиталистическая ренты переплетаются у нас самым причудливым образом. Мы подчеркиваем это, всеми экономическими исследованиями России установленное, обстоятельство в особенности потому, что оно по необходимости, неизбежно является источником той сложности, запутанности, если хотите искусственности, некоторых наших «аграрных» требований, которая сильно поражает многих с первого взгляда» [1].

В своей замечательной брошюре «К деревенской бедноте» Ленин вновь объяснял, почему мы в некоторых случаях, несмотря на наличие внутреннего антагонизма в крестьянстве, на наличие различных прослоек в крестьянстве, все же считаем возможным обращаться к крестьянству как к целому.

«Но в России крестьяне все вместе, и богатые и бедные, остаются еще во многом по-прежнему крепостными: все они составляют низшее, черное, податное сословие; все они закрепощены полицейским чиновникам и земским начальникам; все они очень часто работают по-прежнему на барина за отрезные земли, за водопой, за выпас, за луг — точь в точь, как работали на барина и при крепостном праве. Все крестьяне хотят освободиться от этого нового крепостного состояния, все хотят быть полноправны, все ненавидят помещиков, которые до сих пор заставляют их на барщину ходить — «отрабатывать» господам дворянам и землю, и выпас, и водопой, и луга, и «за потравы» работать, и «за честь» посылать баб жать» [2].

---

[1] Ленин. Соч., т. V, стр. 92—93.
[2] Там же, стр. 299.

Вопрос о расслоении крестьянства после реформы 1861 г. имеет громадное значение для понимания всей дальнейшей тактики нашей партии по отношению к крестьянству. Поэтому Ленин очень кропотливо, тщательно работал над тем, чтобы показать, как идет это расслоение крестьянства. Он на основе анализа о данных военно-конских переписей (1888—1891 гг.) показал, что расслоение крестьянства через 30 лет после реформы зашло очень далеко. Ленин в своей глубокой по содержанию работе «Развитие капитализма в России» дает такую картину расслоения крестьянских дворов в 48 губерниях Европейской России.

Беднота	Безлошадных	2.765 970	дворов
	С 1 лошадью	2.885.192	„
Средние дворы	„ 2 „	2.240.574	„
	„ 3 „	1.070.250	„
Зажиточные	„ 4 и более	1.154.674	„
	Всего	10.116.660	„

«В общем и целом это значит, — писал Ленин, — свыше половины бедноты (5,6 милл. из 10,1), около трети средних дворов (3,3 милл. с 2—3 лош.) и немного более десятой части зажиточных (1,1 милл. из 10,1)» [1].

Реформа 1861 г. ускорила расслоение деревни, начавшееся еще в дореформенной России. Ростовщика, мироеда-кулака, скупщика, прасола — фигуру, ненавистную крестьянской бедноте, знала еще дореформенная Россия. Классовая борьба в деревне имела место и в крепостной России, хотя и не в развитой форме, как в пореформенной России.

Ленин в книге «Развитие капитализма в России» показал, как шло разложение крестьянства, его диференциация на различные хозяйственные экономические слои после реформы 1861 года.

В дореформенной России из крестьянства стал выделяться новый класс — пролетариат. Это был вначале крепостной пролетариат (до реформы 1861 г.), положение которого было не менее тяжелым, чем положение крепостного крестьянства, работавшего на земле. Еще до реформы 1861 г. на некоторых предприятиях рабочие насчитывались сотнями и даже тысячами. Особенно большой толчок развитию промышленности в России дал царь Петр I, при котором значительно выросли фабрики и заводы как казенные, так и вотчинные, посессионные. Но этот дореформенный пролетариат был в корне отличен от того пролетариата, который образовался после реформы, прежде всего потому, что и дореформенная промышленность не была капиталистической промышленностью, так как в этой промышленности не применялся еще свободный наемный труд. Это были либо рабочие казенных заводов с приписанными к ним крепостными, либо крепостные вотчинных мануфактур, т. е. фабрик и заводов, принадлежавших поме-

[1] Ленин. Соч., т. XI, стр. 336—337.

щикам, на которых применялся труд своих же крепостных крестьян, либо рабочие посессионных фабрик.

Посессионные фабрики создавались купцами при поддержке царского правительства, к ним также приписывали крестьян. Разница между посессионной и вотчинной фабрикой заключалась в том, что владелец вотчинной фабрики мог свою фабрику продать вместе с крестьянами, вместе с рабочими, но мог рабочих этой фабрики и отдельно продать на другую фабрику. А владелец посессионной фабрики мог продать всю фабрику только с этими рабочими, отдельно продавать рабочих он не имел права.

Развивая промышленность, царское правительство охотно разрешало и купцам пользоваться трудом крепостных, которых приписывали целыми селами к заводу. И эти приписные крестьяне подвергались не менее страшной эксплоатации, чем отбывающие барщину крестьяне-земледельцы. Приписные к заводу крестьяне должны были не только работать на заводе, но очень часто они должны были доставлять заводу дрова, возить руду. Так, алтайские крестьяне за год до отмены крепостного права заготовляли в год 85 тыс. сажен куренных дров, перевозили 270 тыс. коробов угля и более 4 млн. пудов руд на своих лошадях [1].

Положение этих рабочих было очень тяжелым. Демидовы, Сухозанеты и другие крупные промышленники мало чем отличались в своей жестокости по отношению к рабочим от крепостников-помещиков. Так, крестьяне Масленского острога и Барневской слободы жаловались в челобитной 1762 г.: «...«при заводской работе происходили нам... самые мучительные ругательства... Его, Демидова, приказчики и нарядчики, незнаемо за что, немилостиво били батожьем и кнутьями, многих крестьян смертельно изувечили, от которых побой долговременно, недель по шести и по полугоду, не зарастали с червием раны» [2]. Вот некоторые выписки из протоколов Томской и Салаирской конторы за время с 1770 г. по 1802 г. «За сделание для себя в заводской кузнице ножичка» рабочий наказан три раза плетьми; за леность — батожьем; «за чрезвычайно оставленные при рубке фашинника высокие пни» — три раза плетьми; за самовольную выпряжку лошадей — батожьем; за покушение на самоубийство — прутьями; за пьянство — «тростьми»... Четыреста—пятьсот розог считалось детским наказанием...» [3], а мастеру, заступившемуся за рабочего, дали три тысячи ударов.

За пять лет до отмены крепостного права на Кренгольмской мануфактуре (возле Нарвы, в Эстонии), на которой работало до 5—6 тыс. рабочих, была заведена особая фабричная полиция со своим собственным полицейским уставом, в котором перечислялись наказания, налагаемые полицией на рабочих:

---

[1] См. К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, т. I, стр. 30, Ленинград, 1925.
[2] Там же, стр. 196.
[3] Там же, стр. 203.

1) Денежный штраф в размере заработной платы от 1 до 10 дней;

2) телесные наказания до 50 ударов розгами;

3) содержание под арестом до 2 суток.

Только в 1872 г., т. е. через одиннадцать лет после отмены крепостного права, этот полицейский устав был отменен.

Однако в первые годы после отмены крепостного права положение рабочих очень мало изменилось. В 1869 г. появилась книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» (недавно она переиздана Соцэкгизом). Эта книга, обрисовавшая положение рабочих после реформы, обратила на себя внимание Маркса. Ему очень хотелось прочесть книгу Флеровского. Маркса глубоко интересовало все, касавшееся положения рабочего класса во всех странах. Книга вышла в 1869 г., а в 1870 г. Маркс принимается изучать русский язык, и уже в феврале 1870 г. он прочитал 150 страниц на русском языке и даже приводит по-русски одну выдержку из этой книги.

«Из книги Флеровского я прочел первые 150 страниц... Это — первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России. Человек этот — решительный враг так называемого «русского оптимизма». У меня никогда не было радужных представлений об этом коммунистическом Эльдорадо, но Фл[еровский] превосходит все ожидания»[1].

Говоря о коммунистическом Эльдорадо, Маркс высмеивал народников, наивно рисовавших крестьянскую полукрепостническую общину как форму коммунистической организации.

Маркс выписывает обратившую его внимание фразу из книги Флеровского:

«...«У нас пролетариев мало, но зато масса нашего рабочего класса состоит из работников, которых участь хуже, чем участь всякого пролетария»[2].

Обратите внимание на терминологию Флеровского. Народники, впоследствии Михайловский и в особенности Лавров, очень часто называют работником и крестьянина-батрака, и ремесленника, и фабрично-заводского рабочего, объединяют их, переводя французское слово ouvrier — рабочий, работник. Они под это понятие подводят самые разнообразные категории трудящихся.

Маркс писал Энгельсу о книге Флеровского: «Во всяком случае, это — самая значительная книга, какая только появилась после твоего произведения о «Положении рабочего класса в Англии»[3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 286—287.
[2] Там же, стр. 287.
[3] Там же.

Двумя месяцами позднее, 24 марта 1870 г., Маркс написал письмо членам русской секции I Интернационала в Женеве, в котором он вновь дал отзыв об этой книге.

«Несколько месяцев тому назад, — писал Маркс, — мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского «Положение рабочего класса в России». Это — настоящее открытие для Европы. Русский оптимизм, распространенный на континенте даже так называемыми революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении. Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической. Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления рабочего класса.

Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века».

Вот чем ценна эта книга. Правда, Флеровский в значительной мере находился под влиянием Прудона. Выход из тяжелого положения рабочего класса он видел в создании товариществ, в которых рабочие и капиталисты участвуют на паях. Это была чистейшая утопия. Но книга ценна тем, что она дала замечательный материал, который показал, что и после реформы 1861 г. положение рабочих в промышленности оставалось очень тяжелым, полурабским. Кроме того, Флеровский разоблачал ложь, будто бы у нас нет того, что в Западной Европе, будто в царской России народ благоденствует. Он показал, что подобное мнение выдумано, что оно распространяется чиновниками и их лакеями. «Долг первой и самой крайней необходимости, — писал он, — перевернуть вверх дном все эти ложные понятия и взгляды; общество должно убедиться, что самая святая и неприкосновенная вещь — это право собственности труда над его произведениями» [1].

Это было первое серьезное исследование о положении рабочего класса в России.

После этой книги появился ряд других исследований. В 90-х годах появились работы Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет», Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем». В 1899 г. был издан замечательный труд Ленина «Развитие капитализма в России», где на огромном цифровом материале был дан анализ различных капиталистических форм хозяйства в России, показано положение рабочего класса.

---

[1] Флеровский. Положение рабочего класса в России, стр. 141. Соцэкгиз. 1938.

Таким образом, к тем двум классам, которые составляли основу дореформенной России — крестьянам и помещикам, — в пореформенной России прибавился и оформился новый класс, находившийся раньше в зародышевом состоянии — класс пролетариата.

После реформы оформляется по-настоящему, консолидируется, если можно так выразиться, и класс капиталистов.

В пореформенной России мы видим, таким образом, четыре основных класса: с одной стороны, рабочий класс и крестьянство, с другой стороны, помещики и капиталисты.

Однако следует подчеркнуть, что современный промышленный пролетариат — это был уже новый класс, «...в корне отличавшийся от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности, как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами» [1].

О быстром росте капитализма (а следовательно, и численности пролетариата) Ленин писал, что «...после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [2].

Следующие две таблицы дают понятие о том, как росло число фабрик и заводов, число рабочих, занятых на этих предприятиях, как шел рост производства по трем крупнейшим отраслям тяжелой промышленности: по выплавке чугуна, добыче каменного угля и добыче нефти.

Развитие промышленности и рост числа рабочих (в Европейской России в 1867—1891 гг.) [3].

Годы	Число фабрик и заводов	Сумма производства в тыс. руб.	Число рабочих
1867	7 082	239 350	315 759
1870	7 853	318 525	356 184
1874	7 612	357 699	411 057
1876	7 419	361 616	412 181
1885	17 014	864 736	615 598
1890	17 946	1 033 296	719 634
1891	16 770	1 108 770	738 146

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 7.
[2] Ленин. Соч., т. XV, стр. 143.
[3] См. Ленин. Соч., т. III, стр. 471.

Отсюда видно, что число фабрик и количество занятых на них рабочих выросло больше чем в два раза.

Еще более значителен был рост рабочего класса в 90-х годах. В 1890 г. в крупных капиталистических предприятиях (в том числе в горной промышленности и на железных дорогах) по всей России насчитывалось уже 1.433 тыс. рабочих, а через 10 лет, в 1900—1903 гг., лишь по 50 губерниям Европейской России было 2.207.000, почти вдвое больше, а по всей России — 2.792.000, количество рабочих выросло в два с половиной раза за десятилетие.

Соответственно этому отмечается рост производства по главнейшим отраслям промышленности: по выплавке чугуна, добыче каменного угля, добыче нефти и, в особенности, по железнодорожному строительству.

Выплавка чугуна, добыча каменного угля и нефти[1]

Выплавка чугуна		Добыча каменного угля		Добыча нефти	
Годы	В тыс. пуд.	Годы	В милл. пуд.	Годы	В милл. пуд.
1867	17 028	1867	26,7	1870	1,7
1877	24 579	1877	109,1	1875	5,2
1887	37 389	1887	276,8	1885	116,0
1897	114 782	1897	683,9	1895	384,0

Этот быстрый рост промышленного пролетариата и концентрация его на крупных фабриках и заводах имели громадное значение для развития классового самосознания пролетариата. Хотя Россия вступила на путь капиталистического развития позднее многих других стран, но возможность применения в сравнительно широких размерах техники передовых капиталистических стран, разворот железнодорожного строительства (только за десять лет, с 1890 по 1900 г., было выстроено свыше 21 тыс. верст новых железнодорожных путей) и огромный приток иностранного концессионного капитала способствовали быстрому развитию пролетариата, и уже в 80—90-х гг. промышленный пролетариат России начинает играть видную роль во всей общественной жизни.

Именно это обстоятельство и создало почву для возникновения в России организованного рабочего движения. К этому времени в Россию стало уже проникать учение марксизма и возникли первые рабочие организации. Все это создало почву для постановки вопроса о создании самостоятельной рабочей партии в России.

[1] См. Ленин. Соч., т. III, стр. 380—382.

Пролетариат, который образовался и сформировался после 1861 г., являлся особым пролетариатом, отличным от крепостного; однако для всей дальнейшей судьбы революционного движения в России большое значение имело то обстоятельство, что наряду с пролетариатом, потерявшим связь с земледелием, более или менее значительный слой пролетариата еще не совсем оторвался от своей крестьянской пуповины и многочисленные пережитки крепостничества задерживали этот процесс.

В России, — писал Ленин в своей брошюре «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», — остатки средневековых, полукрепостнических учреждений бесконечно еще сильны (сравнительно с Зап. Европой), они гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах.

Россия, несмотря на развитие в ней капитализма, была страной аграрной, отсталой в экономическом отношении.

Тяжелое положение крестьянства, которое было ограблено при отмене крепостного права, заставило наиболее обездоленных, безземельных и малоземельных итти на фабрики и заводы. В городах около фабрик и заводов всегда был избыток рабочей силы. Несмотря на то, что число фабрик и заводов росло очень быстро — за одно только 25-летие, с 1865 по 1890 г., фабрики России, которые вырабатывали хлопок, увеличили производство в 5 раз; добыча каменного угля поднялась в 10 раз; выплавка чугуна — в три раза. Количество рабочих за это 25-летие возросло с 670 тыс. до 1.032 тыс., т. е. больше чем в полтора раза.

«Краткий курс истории ВКП(б)» также отмечает это постоянное пополнение фабрично-заводского пролетариата новыми элементами, которых выталкивала на фабрику деревня.

«Остатки крепостнического хозяйства, громадные подати и выкупные платежи помещикам, которые нередко превышали доходность крестьянского хозяйства, вызывали разорение, обнищание крестьянских масс, заставляли крестьян уходить из деревень в поисках заработка. Они шли на фабрики и заводы. Фабриканты получали дешевую рабочую силу» [1].

Надо особенно подчеркнуть, что рабочий класс не был однородным по своему составу. Именно неоднородность рабочего класса, наличие в нем мелкобуржуазных элементов, полумещанских, полукрестьянских и создало почву для влияния на рабочий класс меньшевиков, эсеров, анархистов. Оппортунизм рабочей партии питается как раз этой неоднородностью рабочего класса.

Об этом товарищ Сталин говорил на VII расширенном пленуме ИККИ.

«Это, во-первых, давление буржуазии и буржуазной идеологии на пролетариат и его партию в обстановке борьбы классов, — давление, которому нередко поддаются наименее устойчивые слои

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 6.

пролетариата, а значит — и наименее устойчивые слои пролетарской партии. Нельзя считать, что пролетариат является совершенно изолированным от общества, стоящим вне общества. Пролетариат является частью общества, связанной с его разнообразными слоями многочисленными нитями. Но партия есть часть пролетариата. Поэтому и партия не может быть свободной от связей и влияния разнообразных слоев буржуазного общества. Давление буржуазии и ее идеологии на пролетариат и его партию выражается в том, что буржуазные идеи, нравы, обычаи, настроения нередко проникают в пролетариат и его партию через известные слои пролетариата, так или иначе связанные с буржуазным обществом.

Это, во-вторых, разнородность рабочего класса, наличие разных слоев внутри рабочего класса...

Естественно, что при каждом повороте в развитии классовой борьбы, при каждом обострении борьбы и усилении трудностей разница во взглядах, в навыках и в настроениях различных слоев пролетариата должна неминуемо сказаться в виде известных разногласий в партии, а давление буржуазии и ее идеологии неминуемо должно обострить эти разногласия, дав им выход в виде борьбы внутри пролетарской партии» [1].

Очень важно отметить и другой процесс, которому Ленин и Сталин придавали громадное значение. Это — концентрация производства: быстрее всего росли крупные фабрики и заводы, а вместе с концентрацией производства происходила и концентрация рабочего класса. С 1866 по 1879 гг. число крупных фабрик увеличилось на 32 проц., а число рабочих — на 68 проц. Значит, число рабочих росло гораздо быстрее, чем число фабрик и заводов.

Говоря об особенностях рабочего класса в России, товарищ Сталин отмечает небывалую концентрацию русской промышленности накануне революции: «Известно, напр., что в предприятиях с количеством рабочих свыше 500 чел. работало в России 54% всех рабочих, между тем как в такой развитой стране, как Северная Америка, в аналогичных предприятиях работало всего 33% всех рабочих» [2].

История капиталистического накопления во всех странах показала, что крупный капитал побеждает мелкий и накопление капитала происходит в руках немногих капиталистов, которые вытесняют с рынка в порядке конкуренции мелких предпринимателей, подчиняя их крупному капиталу. Этот процесс происходил в России более интенсивно, чем в некоторых странах Европы и Америки. Этому процессу способствовал и приток иностранного концессионного капитала. Высокие оградительные пошлины, таможенные тарифы обеспечивали капиталистам получение баснословных при-

---

[1] Доклад товарища Сталина на VII расширенном пленуме ИККИ — Внутрипартийные вопросы ВКП(б), сборник «Пути мировой революции», т. II, стр. 4—5. ГИЗ, 1927.

[2] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 38. Изд. 11.

былей. Дешевая рабочая сила и естественные богатства России привлекали иностранный капитал. В 80-х—90-х годах происходит огромный рост иностранных концессий и приток иностранных капиталов. Их привлекает бакинская, грозненская нефть, уголь Донбасса, золото и серебро Сибири, постройка железных дорог и других предприятий.

Политика империалистических стран тесно сплеталась с политикой царской России, с политикой царизма. Иностранный капитал был заинтересован в сохранении того порядка, который в России существовал до 1917 г. Империализм был заинтересован в сохранении реакционной политики царизма. Всевозможные «Собачеевки», которые остались в наследство от Юзовых и других концессионеров капитала; старый «Черный город» в Баку, который оставили в наследство Нобели, Ротшильды и прочие представители иностранного капитала, — это памятник «цивилизаторской» миссии иностранного капитала в России.

Каково же было положение рабочих после реформы 1861 г.? В 60-х, 70-х и 80-х годах это положение было, мало сказать, тягостным, — оно было невыносимым. В первом десятилетии после реформы 1861 г. рабочие работали на заводах и фабриках по 13—15 и больше часов. Например, к началу 80-х годов по трем уездам Московской губернии продолжительность рабочего дня была такой: [1]

Меньше 12 часов	10,0%	всех фабрик
12 — 12½ ч.	— 29,0%	»
13 — 13½ ч.	— 44,0%	»
14 — 14½ ч.	— 11,6%	»
15 и более...	— 5,4%	»

Таким образом, огромное число рабочих работало больше 12—13 часов. Общая средняя продолжительность рабочего дня по всей России была не менее 12 часов. Для текстильной промышленности она составляла 13—14 часов. Этим объясняется, что текстильщики были застрельщиками массового рабочего движения в России. На рогожных и ватных фабриках, в костопальных, парусино-ткацких заведениях, на некоторых винокуренных заводах работали по 16—18 часов. В горячую пору рабочий день доходил до невероятных цифр — 21½ часов. Ночные работы были обычным явлением, иногда они тоже продолжались 12 часов. День на многих предприятиях разбивался на две равные части с перерывом в 6 часов, так что рабочий никогда не мог выспаться. Никакой охраны труда фактически не было. В старой песне ткачи пели:

«Маслом прогорклым воняет удушливо,
В воздухе клочья хлопка.

---

[1] См. Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, стр. 90. Москва. 1897.

Эй, вы, хозяин, злые надсмотрщики!
Да, жизнь ткача нелегка».

Рабочие золотых промыслов пели:

«Там не любят шутить шутки,
Там работали мы в сутки
Двадцать два часа!» [1].

Вот, например, описание перчаточной фабрики Простова: «...пахнет не лучше, чем в общественных и притом никогда не дезинфицируемых писсуарах (отхожих местах), потому что кожи на этой фабрике вымачиваются в открытых чанах, наполненных полусгнившей мочей. Мочу доставляют, конечно, сами рабочие, для чего в помещении в нескольких углах находятся особые чаны, ничем не прикрытые. — В небольших кожевенных заведениях люди спят и едят в тех же зловонных мастерских, где воздух не лучше, чем в плохом анатомическом театре» [2].

Фабриканту незачем было заботиться о здоровье рабочих, к его услугам всегда был избыток дешевой рабочей силы, а закон стоял на его стороне. Обычным явлением были жестокие увечья, калечение, смерть вследствие отсутствия охраны труда. Из 19 тыс. фабрик, подчиненных фабричной инспекции, врачебную помощь своим рабочим оказывала только пятая часть. В случае потери работоспособности или увечья рабочего фабрикант отделывался какой-нибудь трехрублевой подачкой. Бесчеловечное отношение к рабочим доходило до того, что когда в 1882 г. на Хлудовской фабрике загорелся громадный пятиэтажный корпус, то администрация не выпускала рабочих из горящего здания, заставляя их «лучше тушить» пожар. После пожара из этого здания вывезли 7 возов трупов.

Никакой охраны женского и детского труда не было, а женщин тогда работало около 30 проц. в производстве; в некоторых же отраслях промышленности, как, например, в текстильной — до 40 проц. и больше. Очень широко применялся детский труд до 14-летнего возраста, причем громадное большинство рабочих поступало на фабрики и заводы в возрасте от 10 до 14 лет. Дети получали в среднем одну треть, подростки — половину, а женщины — две трети заработка взрослого мужчины.

Несколько ограничили эту эксплоатацию законы 1882 и 1885 гг., изданные в результате решительной стачечной борьбы. Однако и на эти законы фабриканты и заводчики на деле мало обращали внимания, так как фабричная инспекция, суд и полиция были на стороне хозяев. Обычным явлением было то, что женщи-

[1] К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, стр. 110. Изд. 1908.
[2] Там же, стр. 23.

ны, поступая на фабрику, продавали не только свой труд, но и свое тело. Зарплата в течение долгого времени была очень низкая.

В начале 80-х годов заработная плата для квалифицированных рабочих на машиностроительных и литейных заводах составляла 30—35 рублей в месяц, на производстве золотых и серебряных вещей это был самый высокий заработок. Нередко месячный заработок опускался до 7 рублей и даже ниже. По вычислениям Дементьева, средний заработок мужчины равнялся 14 р. 16 к., женщины — 10 р. 35 к. в месяц[1]. Часто рабочие даже не знали, сколько получат за работу, так как все зависело от произвола хозяина и мастера. Выплата зарплаты производилась не регулярно, а «под большие праздники» — под пасху, рождество и т. д. Когда же зарплату выдавали «до срока», то с рабочего за это брали ростовщические проценты — до 10 проц. выдаваемой суммы.

Всяческими мерами снижали заработок рабочего: выдавали заработную плату не деньгами, а бонами фабричной лавочки. Часто рабочий в течение года не видел ни копейки из своего заработка. Донимали рабочих штрафами. Штрафная система была разработана хозяином во всех подробностях. Штрафы достигали громадных размеров. Например, Савва Морозов получал больше 20 тыс. рублей в год одних штрафов, причем никакими законами эти штрафы не регулировались. Тут были штрафы: за опоздание, за поломку инструментов, нетрезвое поведение, грубость, курение, песни, шум, свист, хождение в контору, штраф за то, что рабочий прошелся крадучись по двору.

Или, например, на фабрике Пешкова в Московской губернии было вывешено такое объявление: «Кто поступил на фабрику работать, тот не имеет права выходить за ворота, за нарушение правил штраф 1 руб.».

Или другое объявление: «Так как фабричные дозволяют себе беспокоить хозяина — просить денег, то предупреждаю, выдачи денег ближе 20 ноября (срок расплаты 22 октября) не будет, осмелившийся спросить раньше, будет разочтен совсем».

На одной фабрике был установлен штраф в 3 рубля за «неприличные слова».

На московских фабриках был введен штраф «за нехождение в церковь», причем половина штрафов — в пользу «доказчика». Тот, кто докажет, что такой-то не ходит в церковь, получит половину штрафа.

На кирпичном заводе Якунчикова в Москве было вывешено правило: «Если рабочий ляжет не в назначенном для этого месте — штраф от 50 копеек до 1 рубля».

На многих фабриках имелась только одна статья: «Замеченные в нарушении фабричных правил штрафуются по усмотрению хозяина».

---

[1] См. Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, стр. 165. Москва. 1897.

Кроме штрафов, заработок рабочих уменьшался всевозможными вычетами: на медицинскую помощь, за расчетные книжки, за прописку паспортов, на содержание дворника, чистку уборных, за воду из куба, уголь для самовара и т. п.

Поэт-пролетарий И. Фролов писал об этих порядках:

«Жмет фабричнаго контора,
Как в тюремном замке вора;
Цен сбавляют, пишут штраф,
На защиту нету прав.
И не охни, не вздохни,
Спорить, — Боже сохрани!
Кто не хочет подчиниться,
Надо с фабрикой проститься...» [1].

Около двух третей рабочих жили в тех же мастерских, где работали, или в казармах, на фабриках, в так называемых «каморках», где постели были сделаны в три яруса. Комнаты были почти без света. Иногда постель служила по очереди двум сменам рабочих — она не успевала остыть; никаких спальных принадлежностей, кроме рогожи, не было. Теснота, духота, насекомые — вот что предоставляли фабриканты и заводчики рабочим в такого рода «жилищах».

Почти никаких культурных развлечений для рабочих не было; очень редко заводчик или фабрикант устраивал нечто вроде театра, в который попадали только верхушки рабочих и главным образом служащие. Зато вокруг всех фабрик и заводов пристраивались всевозможные шинки, кабаки и церкви. Подавляющее большинство рабочих знало только кабак и церковь — и то и другое одурманивало и притупляло сознание масс.

Лишь в 1882 г. был издан закон о труде малолетних. По этому закону запрещался доступ на фабрику детям до 12 лет, а для подростков от 12 до 15 лет устанавливался 8-часовой рабочий день.

В 1884 г. был издан закон о школьном обучении малолетних, а в 1885 г. запрещена ночная работа женщин и подростков до 17 лет, и только в 1886 г., после ряда массовых стачек, особенно после морозовской стачки, было издано постановление, которое регулировало наем рабочих на фабрики, взаимоотношения хозяев и рабочих. Однако этих правил фабриканты и заводчики не выполняли, а добились в 1890 г. внесения целого ряда поправок, которые были для них очень выгодны.

III

Безудержная эксплоатация, бесправие рабочих не могли не вызвать чувства протеста, попыток дать отпор этому систематическому над ними издевательству. Еще в дореформенный период не-

---

[1] А. Рябинин. Из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенском промышленном районе, стр. 465. Журнал «Минувшие годы» № 5—6, 1908.

редки бывали упорные стачки, участники которых предавались жесточайшим экзекуциям. Рабочим рвали ноздри, их клеймили каленым железом, заковывали в кандалы, приковывали к рабочему месту, ссылали в рудники. Однако в ту пору организованным это движение не могло быть.

В 60-х годах многие стачки рабочих были обусловлены не столько тяжелым их положением на заводах, сколько тем, что значительная часть рабочих была связана с землею, и, ограбленные реформой, они волновались вместе с крестьянами. Но уже и в эти годы рабочие иногда выступали с чисто рабочими требованиями. Так, на Лысьвенском заводе в мае 1861 г. произошла упорная стачка; рабочие предъявили требование повышения заработной платы и прекратили стачку только тогда, когда появилась военная сила. В том же 1861 г. на Дугенском чугунноплавильном заводе Калужской губ. рабочие забастовали, выставив требование организации медицинской помощи, прекращения воскресных и праздничных работ.

В апреле 1861 г. вспыхнули волнения на Людиновском и Сукремовском заводах Мальцева в Калужской губ. Один из вожаков этой стачки — Равский доказывал рабочим, что народное собрание — собрание рабочих или крестьян — вправе отменить наказание, назначенное полицией. Рабочие, руководимые им, потребовали освобождения арестованных участников стачки. Генерал, производивший расследование, до того испугался, что в этом требовании рабочих увидел «коммунистическую идею». Он писал, что «от решения настоящего случая зависеть будет искоренить ее, как гибельную, или допустить укорениться и предать Россию демократии».

Все же в 60-х годах большинство стачек носило еще стихийный характер. При этом следует вспомнить высказывания Ленина, что стихийный характер рабочего движения, в особенности, на первых порах, вовсе не означал его слабости. Стихийность движения иногда означает силу, потому что в движение вовлекаются непосредственно широкие массы.

В 70-х годах рабочее движение делает шаг вперед по сравнению с предыдущим десятилетием. Прежде всего отмечается значительный численный рост стачек. По всей России зарегистрировано 176 стачек и 49 рабочих волнений, причем на 1879 г. приходится уже 41 стачка. Центрами движения в то время являлись Петербург и Центральная промышленная область. Из общего количества 225 стачек и волнений на Петербург приходится 63, на Центральную область — 62, причем в этот период застрельщиками движения являются рабочие текстильщики, на втором месте идут металлисты, а за ними — строители, транспортники, горнорабочие и другие.

Каков характер этих конфликтов? 33 проц. рабочих выступлений связано с борьбой за заработную плату, 22 проц.—из-за задержек в

расчете и неправильных расчетов, 14 проц. вызвано незаконными вычетами и штрафами, 7 проц. — недовольством рабочих чрезмерной продолжительностью рабочего дня и нарушением праздничного отдыха. Конечно, выдвигались и другие требования: тяжелые жилищные условия, грубое обращение администрации, недоброкачественность пищи и т. д.

Стачки 70-х годов принимают уже более организованный характер. Крупной стачкой была стачка 22 мая 1870 г. на Невской бумагопрядильне в Петербурге. Поводом к стачке явилось требование 63 прядильщиков об увеличении заработной платы. Им было отказано. Тогда около 800 рабочих приняли участие в стачке. На эту стачку обратили тем большее внимание, что это был период развертывания деятельности I Интернационала, это был канун Парижской Коммуны. Либеральные «Русские Ведомости» писали по поводу этой стачки: «Рабочие стачки — явление еще новое для России и в таком размере, как стачка невских рабочих, еще небывалое».

Какие же меры предлагала либеральная буржуазия для предотвращения возникновения стачек?

«Прямое призвание власти, — писали «Русские Ведомости», — ограждать личность, семью и достояние, насилуемое партией рабочих, а также иметь вдвойне бдительный надзор за сохранением общественного порядка в том пункте, где произошла стачка, так как такому порядку в случае забастовки грозит бо́льшее нарушение от праздничной толпы людей, чем в обычное время. Местных полицейских средств в подобных случаях бывает недостаточно, а поэтому в том пункте, где произошла забастовка, в помощь полиции посылаются войска. Такова, нам кажется, роль подавляющей власти при стачках».

Таким образом, либеральная буржуазия при первом же возникновении организованного рабочего движения призвала царскую власть к применению вооруженной силы против рабочих. Это надо запомнить для уяснения в будущем роли либеральной буржуазии.

Царское правительство также почувствовало в этом выступлении рабочих новое явление. Обер-полицеймейстер Трепов передал дело о стачках в суд на срочное рассмотрение. Он докладывал царю: «Можно надеяться, что впечатление, которое быстрое наказание виновных произведет на всю массу столичного рабочего населения, будет благодетельно».

Однако суд, ознакомившись с невыносимыми условиями жизни рабочих, вызвавшими стачку, ограничился присуждением 4 руководителей стачки к 7 дням ареста и 54 участников — к 3-дневному аресту. Тогда царское правительство исправило это решение суда и выслало «зачинщиков» стачки из столицы в административном порядке. Одновременно был издан циркуляр о мерах борьбы против забастовок. Циркуляр отмечал стачки рабочих «как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего насе-

ления». Правительство предписывало губернаторам «самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением и в особенности за всеми теми неблагонамеренными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу». Так что уже в этот период на фабриках и заводах появились «злонамеренные элементы».

Учитывая опыт неудачного суда над стачечниками, правительство предписало, чтобы впредь до суда дело не доводить, а просто расправляться с зачинщиками, высылая их в отдаленные края.

Второй замечательной стачкой была стачка на Кренгольмской мануфактуре в 1872 г. Выше уже упоминались существовавшие на этой фабрике чудовищные правила. Когда представители рабочих, пришедшие для переговоров с администрацией, были арестованы, то за них вступилась вся фабрика. Стачка эта была подавлена военной силой. 27 участников было присуждено к каторге, к арестантским ротам, многие были сосланы. Эта стачка произвела громадное впечатление на население, и обер-полицеймейстер Трепов докладывал, что о нарвских беспорядках и бездействии войск «толки ходят в столице, что весьма вредно действует на фабричных рабочих». Интересно отметить, что руководителями этой стачки были участники подпольных революционных кружков.

Стачки 70-х годов были не случайными выступлениями, а явились показателем пробуждавшегося классового сознания рабочих, которые уже не мирились со своим бесправным положением. Стачки эти вызывали тревогу в рядах врагов рабочего класса, тем более, что и количество участников по тому времени было уже очень значительно — в среднем на одну стачку 700 человек. Конечно, и в этих стачках было еще много стихийного, но стихийность характерна не только для первых шагов стачечного движения в России, она наблюдалась и во всех других странах. Достаточно вспомнить, например, стачку ткачей в Германии в 30—40-х годах.

«...Сначала, — писал Ленин в брошюре «О стачках», — рабочие часто не понимают даже, чего они добиваются, не сознают, *зачем* они это делают: они просто ломают машины, разрушают фабрики. Они хотят только дать почувствовать фабрикантам свое возмущение, они пробуют свои совместные силы, чтобы выйти из невыносимого положения, не зная еще, отчего именно их положение так безнадежно и к чему они должны стремиться»[1].

Стачечная борьба рабочих в этот период имела громадное политическое значение. Во-первых, она *воспитывала солидарность рабочих, сознание общности интересов*; во-вторых, *выделились вожаки рабочего движения*; в-третьих, *на рабочих обратили внимание революционные организации*.

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 573.

Передовые рабочие начинают понимать, что для успешной борьбы с капиталистами нужна организация. Стали возникать первые рабочие организации. В этих рабочих организациях мы встречаем имена людей, которые в дальнейшем играют крупную роль в рабочем движении: Виктор Обнорский, Степан Халтурин, Петр Алексеев, Семен Агапов, Сергей Виноградов, Василий Волков, Дмитрий Смирнов, Петр Моисеенко и ряд других рабочих, впоследствии ставших вожаками рабочего движения.

Народники связываются с кружками рабочих, даже организуют их. Однако следует отметить очень интересную черту: уже в эти годы рабочие нередко резко выступают против народников, расходясь с ними по ряду принципиальных вопросов.

Зимой 1873—1874 гг. в Петербурге происходит общее собрание рабочих кружков и создается нелегальная рабочая касса взаимопомощи или противодействия, которая ставила своей целью помощь рабочим, увольняемым за участие в стачках.

Первая крупная рабочая организация «Южно-российский союз рабочих» возникла в Одессе, организатором ее был пропагандист-интеллигент Евгений Заславский. По своему составу это была рабочая организация. Одним из деятельных участников организации был Виктор Обнорский, который совершил ряд поездок в Западную Европу, связался с деятелями I Интернационала, привозил литературу и, несомненно, имел большое влияние на выработку устава «Южно-российского союза рабочих» и на всю практическую деятельность этого союза. Союз имел крепкое основное ядро в 50—60 человек, и вокруг этого ядра сорганизовалось около 300 рабочих.

Устав, выработанный союзом, носил явные следы влияния Международного товарищества рабочих — I Интернационала. Устав признавал необходимость насильственного ниспровержения царского правительства, он призывал подготавливать революцию, которая должна уничтожить все привилегии и преимущества и сделать труд основой общественного и личного благосостояния.

В задачи Союза входило:

«Пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов.

Объединение рабочих Южно-Российского края для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком».

Однако нельзя так представлять себе дело, что это была организация I Интернационала. На организаторов этого Союза большое влияние имели также взгляды русских народников, и поэтому в самом уставе нет четкого определения роли рабочего класса. Тем не менее эта организация сыграла большую роль. Она показала, что рабочее движение является наиболее организованным движением и что оно направляется в России по тому же пути, по которому шло рабочее движение других стран.

В конце 1875 г. «Южнороссийский союз рабочих» был разгромлен. Пятнадцать его участников, в том числе Заславский, Сквери, Рыбицкий, Наддачин, очутились на скамье подсудимых, и многие из них были приговорены к каторге.

Этот процесс произвел громадное впечатление на царское правительство: оно увидело, что впервые в России создана крупная рабочая организация, большинство руководителей которой — рабочие. Таким образом, рабочий вопрос, который так тщательно замалчивали и замазывали тогда всякого рода либеральные писатели, а также и царское правительство, уже нельзя было игнорировать: он существовал и в России, как он существовал во всех капиталистических странах.

В 1878—1879 гг. в Петербурге вспыхнул ряд стачек. Особенно крупной была стачка на «Новой бумагопрядильне», которая продолжалась с конца февраля до 20 марта 1878 г. В организации ее большое участие принимали Плеханов и Моисеенко. Стачка эта была хорошо организована. Толпа рабочих направилась к наследнику престола, жившему в Аничковом дворце, с просьбой, содержавшей в себе прямую угрозу: «Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас, и мы должны положиться на себя и на свои руки». Вот какого рода эта была «просьба»!

Через год рабочие «Новой бумагопрядильни», не добившись удовлетворения своих требований, начали снова борьбу. На этот раз к ним присоединились рабочие других фабрик. Стачка была подавлена. Многие рабочие были избиты, сотни рабочих высланы. Тем не менее эта стачка имела большое влияние на дальнейшее развитие рабочего движения: она вызвала большое оживление в революционной среде рабочих. В результате этого оживления в конце 1878 — начале 1879 г. был организован в Петербурге «Северный союз русских рабочих». Организаторами этого союза были слесарь Виктор Обнорский и рабочий столяр Степан Халтурин.

Правда, «Северный союз русских рабочих» также еще не вполне освободился от народнического влияния. Только влиянием народников можно объяснить наличие в программе этого союза такого пункта, как учреждение свободной народной федерации общин с полным внутренним самоуправлением на началах русского общинного права.

Но в то время, когда среди народников еще шли споры о необходимости и целесообразности политической борьбы, программа «Северного союза» уже выдвинула требование политической свободы для рабочих, свободы слова, печати, собраний, уничтожения сословий и привилегий; введения обязательного бесплатного обучения, сокращения постоянного войска и полной замены его народным вооружением. Таким образом, рабочие пошли дальше своих интеллигентских народнических руководителей.

Программа «Северного союза русских рабочих» уже более определенно ставила вопрос о роли рабочего класса. Обращаясь к рабочим, программа «Северного союза русских рабочих» говорила:

«Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны... Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой вы бы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врагу. Но мы, рабочие-организаторы Северного Союза, даем вам эту руководящую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем вам ту организацию, в какой нуждаетесь вы»[1].

Больше того, программа союза прямо указывала на то, что Северный союз рабочих тесно примыкает «...по своим задачам к социально-демократической партии Запада...»[2].

Плеханов поэтому был прав, когда он в своих воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении» писал: «К началу 1879 года рабочее движение переросло народническое учение на целую голову»[3].

Важно отметить, что «Северный союз» организовал уже собственную нелегальную типографию, в которой напечатан был единственный номер его органа «Рабочая Заря».

«Северный союз русских рабочих» выступал и против народнической недооценки значения политической борьбы и по этому вопросу дал решительную отповедь народникам. «Северный союз русских рабочих» охватывал в одном Петербурге около 200 членов и оказал большое влияние вне Петербурга. Он имел большое значение для дальнейшего развития всего революционного рабочего движения в России.

В этом союзе воспитался и рабочий Петр Анисимович Моисеенко, который в 1885 г. вместе с Василием Волковым организовал крупную стачку в Орехово-Зуеве.

80-е годы являются уже новым этапом в развитии стачечного движения. С 1881 г. по 1886 г. насчитывается 48 более или менее крупных стачек с 80 тысячами бастовавших рабочих, т. е. на одну стачку приходится в среднем 1 666 бастующих. На самом деле бастовавших было гораздо больше.

В 1880 г. вспыхнула стачка на фабрике Хлудова. Этот паук-эксплоататор, получавший миллионные прибыли, пожертвовал 120 тыс. рублей на печатание богослужебных книг и решил возместить эту сумму за счет снижения заработной платы рабочим на 10 проц.

Рабочие, положение которых и без того было необычайно тяжелым, возмутились и объявили забастовку. На помощь миллионеру Хлудову прибыл губернатор, были вызваны войска. Стачка

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 611.
[2] Там же, стр. 610.
[3] Плеханов. Соч., т. III, стр. 184.

была подавлена. 11 зачинщиков были арестованы, 800 человек были высланы этапным порядком на родину.

В том же 1880 г. происходит стачка в Киевском арсенале, где ко всем гнусностям эксплоатации прибавились еще побои рабочих администрацией. В 1883 г. вспыхнули стачки на Жирардовской и Вознесенской мануфактурах, на фабриках Московской губернии. И здесь также вызывались войска, которые стреляли в безоружную толпу, убили и ранили многих рабочих. Это вызвало огромное возмущение рабочих. Стачка охватила 8 тыс. человек. Она была подавлена военной силой. В 1884 г. на Вознесенской и Жирардовской мануфактурах стачки возникают вновь. В 1885 г. была крупнейшая, самая важная по своему историческому значению стачка на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве. В этом же году были стачки на пяти фабриках Иваново-Вознесенска и целый ряд стачек в Твери, Таганроге, Рыбинске, Херсоне, Варшаве.

В 1886 г. была забастовка на фабриках Паля и Максвеля и на чугунном заводе в Петербурге. В 1887 г. вновь — забастовка на фабрике Максвеля в Петербурге, забастовки в Костроме, Белостоке, на шахтах. В 1888 г. бастуют 4 фабрики в Шуе, забастовка в Вильно. В 1889 г. — забастовки на фабриках Иваново-Вознесенска.

Среди этих стачек особое место занимает стачка на фабрике Морозова в 1885 г. Это был год наибольшего обострения экономического и промышленного кризиса. Фабрикант Морозов отличался особой изобретательностью в эксплоатации рабочих. Он взыскивал с рабочих штрафы, отнимая нередко до 50 проц. заработка рабочего; пять раз в течение 1884 г. снижал он заработную плату рабочих и в то же время увеличивал штрафы. Дело доходило до того, что рабочие, после вычета всех штрафов, получали иногда у Морозова 2 р. 50 к. в месяц.

7 января на фабрике Морозова началась стачка, которая сразу приняла широкий размах. Стачка была заранее организована. Руководил этой стачкой Петр Моисеенко. Он прошел школу подпольных кружков, участвовал в стачке на «Новой бумагопрядильне», был близко знаком с Плехановым и Халтуриным, арестовывался, сидел 17 месяцев в тюрьме, был в ссылке в Восточной Сибири. В 1883 г. вернулся в Россию, где снова связался с рабочими. Вместе с ним активное участие в организации стачки принимал Василий Сергеевич Волков. Забастовало 8 тысяч рабочих. Накануне стачки Моисеенко с группой передовых рабочих выработал ряд требований к фабриканту. Рабочие прежде всего требовали прекращения грабительских штрафов. Из Владимира для усмирения рабочих были вызваны войска. Прибыл губернатор Судиенко. И когда фабриканты объявили, что будут обратно принимать рабочих только на определенных условиях, рабочие вывесили очень интересное объявление: «Объявляется Савве Морозову, что за сбавку ткачи и прядильщики не соглашаются работать, а если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти нас по пасху, а то, если не разочтешь по пасху, мы будем бунтовать до самой пас-

хи. Ну, будь согласен на такую табель, а ежели не согласишься, то и фабрику вам не водить».

Несколько сот рабочих было арестовано и выслано из Орехово-Зуева. Зачинщики были преданы суду, но перед судом присяжных развернулась такая возмутительная картина обсчетов, эксплоатации, что суд присяжных оправдал всех участников процесса. Реакционные «Московские Ведомости» Каткова, полные злобы против рабочих, писали об этом процессе иронически: «Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался 101-й салютационный выстрел (это значит, что перед судом присяжных был поставлен 101 вопрос, и он на все вопросы ответил положительно для рабочих) в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса. Итак, да здравствует рабочий вопрос и партия труда!».

Морозовская стачка способствовала, с одной стороны, выдвижению из рабочей среды талантливых руководителей, а с другой стороны — заставила царское правительство издать закон, ограничивающий штрафы. Даже такие реакционеры, как редактор «Московских Ведомостей» Катков, предостерегали, что нельзя без конца натягивать струны. «С народными массами шутить нельзя»,— писал Катков. Фабричный закон 3 июня 1886 г. прямо был продиктован страхом, который нагнала Орехово-Зуевская стачка на правительство. В основу этого закона легли требования рабочих, переданные рабочим Волковым губернатору Судиенко. Была признана обязательной выдача заработной платы не реже одного раза в месяц, запрещалось расплачиваться товарами или купонами, хозяин обязывался объявлять рабочим о расчете за две недели, штрафы за прогулы не могли быть выше 1 руб. Наконец, было предписано употреблять штрафные деньги на пользу рабочих. Все эти требования были предъявлены во время стачки морозовскими ткачами.

Но как понималась «польза рабочих» фабрикантами? Иногда фабриканты строили на штрафные деньги церковь.

Плеханов, описывая Орехово-Зуевскую стачку, писал во французской газете «Социалист», что морозовская стачка начинает новый фазис рабочего движения в России. Об этой же стачке писал Ленин в своей брошюре: «О штрафах». Приведя сообщение реакционной газеты «Новое время» об этой стачке, Ленин писал: «Значит, не только хозяева морозовской фабрики должны были изменить безобразные порядки, когда рабочие сообща потребовали их отмены, но даже соседние фабриканты пошли на уступки, боясь у себя погромов»[1].

На опыте Морозовской и других стачек, рабочие поняли, что они многого могут добиться организованной борьбой.

Подводя итоги этому периоду, необходимо сказать, что развитие рабочего движения и создание первых рабочих организаций подготовили почву для распространения марксистских идей в России.

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 368.

Распространение марксистских идей началось в России уже в конце 40-х годов, когда кружок Белинского познакомился со статьями Маркса в «Deutsch-Französische Jahrbücher».

Но распространение марксизма в России тогда было весьма ограничено. Лишь в 80-х годах, с возникновением группы «Освобождение труда», марксизм получил более широкое распространение.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ. НАРОДНИЧЕСТВО И МАРКСИЗМ В РОССИИ. ПЛЕХАНОВ И ЕГО ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА». БОРЬБА ПЛЕХАНОВА С НАРОДНИЧЕСТВОМ

I

Прежде всего необходимо ответить на естественно возникающий вопрос: почему с первых же моментов развития и распространения марксизма в России мы уделяем столько внимания народничеству и критике его?

Ответ на этот вопрос дает Краткий курс истории ВКП(б):

«До появления марксистских групп революционную работу в России вели народники, являвшиеся противниками марксизма».

Ленин в статье «Памяти Герцена» различает в революционном движении XIX в. до появления рабочей партии в России три класса, три основные группы: дворянских революционеров (так называл Ленин декабристов), революционеров разночинцев, к которым Ленин относит и революционных народников, революционное движение рабочего класса.

В чем состояла революционная работа народников? Почему их борьба не имела успеха, почему народничество должно было отступить перед марксизмом и как шла борьба марксизма с народничеством?

Народничество сошло со сцены не сразу после появления первых марксистских групп.

Марксистские группы в России могли возникнуть и возникли только в борьбе против народничества. Ленин отмечает, что вся история русской революционной мысли за последнюю четверть XIX в. есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом. И первым, кто начал эту борьбу против русского народничества, когда в России еще не было никаких марксистских групп, были Маркс и Энгельс.

Марксизм в отличие от утопического социализма народников, в отличие от крестьянского и мещанского социализма народников является научным социализмом, является учением пролетарского социализма. Марксизм исходит из научного познания законов и путей развития обще-

ства. Народники же заменяли научное понимание общественного развития идеалистическими пожеланиями.

Прежде чем перейти к характеристике деятельности народников и первой марксистской группы в России — группы «Освобождение труда», ознакомимся несколько более подробно с теми взаимоотношениями, которые установились между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и народниками, с другой.

Учение Маркса стало проникать в Россию и было известно отдельным представителям русской интеллигенции еще в 40-х годах прошлого столетия. Так, Белинский в переписке с Герценом описывает впечатление, которое на него произвело чтение тетрадей журнала «Deutsch-Französische Jahrbücher», в которых были помещены статьи Маркса и Энгельса. Затем в 1849 г. в России вышел «Справочный энциклопедический словарь» Старчевского, в котором под рубрикой «Философия современная» Маркс и Энгельс назывались «главнейшими проповедниками нового материализма». В библиотеке революционного кружка петрашевцев имелась «Нищета философии» Маркса, а в «Современнике», который издавали Чернышевский и Добролюбов, печатались статьи Шелгунова с выдержками из работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Но, конечно, самым важным событием в деле распространения марксизма в России было издание на русском языке I тома «Капитала» Маркса в 1872 г. Однако при отсутствии революционной марксистской организации распространение марксизма до 1883 г. в России было очень ограничено. Для Маркса и Энгельса распространение марксизма в России имело исключительно большое значение, они видели, что центр революционного движения, в особенности после Парижской Коммуны, перемещается на Восток.

Можно привести целые страницы выдержек из переписки Маркса и Энгельса, которые показывают, какой огромный интерес они проявляли к событиям в России.

В библиотеке Института Маркса — Энгельса — Ленина можно видеть ряд русских книг из библиотеки Маркса. У него имелась почти вся русская революционная литература, которая выходила в то время, и почти вся сколько-нибудь значительная литература по вопросам экономики России.

В последние три года, перед реформой 1861 г., в России нарастало огромное недовольство крестьянства, и царское правительство начинало понимать, что если оно не освободит крестьян сверху, то народ сам покончит с крепостническим строем.

В переписке Маркса и Энгельса мы находим высказывания о том, что Россия близка к революции.

В январе 1860 г. Маркс писал в письме к Энгельсу:

«По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти [Джона] Брауна, с другой стороны — движение рабов в России... Так открылось «социальное движение» на Западе

и Востоке. Вместе с предстоящим крахом в центральной Европе это будет грандиозно»[1].

Борьба Маркса и Энгельса против анархиста-народника Бакунина, против деятелей народничества Нечаева, Ткачева, Лаврова и др. привела великих основоположников марксизма к самому тесному соприкосновению с разнообразными группами русских революционеров, живших за границей, не разделявших или не вполне разделявших взгляды Бакунина и других теоретиков народничества.

В прошлой лекции я уже упоминал, что Маркс изучал русский язык, чтобы читать в подлиннике Флеровского и Чернышевского.

Маркс хотел знать литературные произведения ряда русских писателей по подлинникам. Через три месяца после начала занятий Маркс уже читал по-русски книгу Герцена «Тюрьма и ссылка». По этой книге учился русскому языку и Энгельс.

Маркс и Энгельс вступили в тесные взаимоотношения с некоторыми народниками, которые занялись переводом их сочинений, например, с переводчиком первого тома «Капитала» Даниельсоном (больше известен в экономической литературе под псевдонимом Николай-он).

Почему же Маркс и Энгельс, критически и отрицательно относившиеся к народничеству, поддерживали связь с отдельными народниками?

Объяснения надо искать в том, что никаких других революционных организаций в 60—70-х и в начале 80-х годов, кроме народнических, в России не было.

Маркс и Энгельс придавали огромное значение свержению царизма в России.

Они считали, что свержение царизма в России должно дать толчок к развитию революции во всей Европе, так как царизм был сильнейшим оплотом не только европейской, но и международной реакции. Царизм был европейским жандармом, тюрьмой народов.

И недаром Ленин впоследствии указывал на то, что свержение царизма в России является самой грандиозной задачей, которая была поставлена историей перед русской революцией, перед марксистами. Именно борьбой против царизма народники привлекли к себе внимание Маркса и Энгельса.

Маркс, получивший приглашение от русской секции социалистов в Женеве, даже согласился быть ее представителем в I Интернационале, так как женевскую секцию возглавляли и двигали люди (Дмитриева, которая была корреспондентом Маркса во время Парижской Коммуны в Париже, Утин, Трусов), не разделявшие взглядов Бакунина, боровшиеся против него. Они помогали Марксу вести ожесточенную борьбу против Бакунина.

Для Маркса уже этого было достаточно, чтобы связаться с группой, принять ее предложение. 24 марта 1870 г. Маркс писал об этом Энгельсу в несколько ироническом тоне: «Забавное положение для меня — выступать в качестве представителя молодой Рос-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 474.

сии! Человек никогда не знает, до чего он может дойти и в какой странной компании может оказаться... Но чего я никогда не прощу молодцам, это то, что они превратили меня в «достопочтенного». Они, очевидно, думают, что мне от восьмидесяти до ста лет»[1].

Маркс и Энгельс не только изучили Чернышевского, но пытались помочь ему организовать побег. Об этом писал в своих показаниях в феврале 1871 г. генерал-губернатору Синельникову народник Герман Лопатин, который должен был организовать побег Чернышевского, но был арестован.

«...«Во время пребывания моего в Лондоне я сошелся там с некиим Карлом Марксом, одним из замечательнейших писателей по части политической экономии и одним из наиболее разносторонне образованных людей в целой Европе. Лет пять тому назад этот человек вздумал выучиться русскому языку, выучившись русскому языку, он случайно натолкнулся на примечания Чернышевского к известному трактату Милля и на некоторые другие статьи того же автора. Прочитав эти статьи, Маркс почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения, что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем, что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы и т. д., и т. д.»[2].

Опубликована в настоящее время обширная переписка по вопросу об отношениях Маркса к Чернышевскому, которая показывает, какой в самом деле огромный интерес проявлял Маркс к Чернышевскому, как экономисту и революционеру.

Известно, что Добролюбова и Чернышевского Маркс и Энгельс называли социалистическими «Лессингами», т. е. социалистическими просветителями.

Но особенно важным событием во взаимоотношениях Маркса и Энгельса с народниками был перевод на русский язык и выход первого тома «Капитала». Уже 12 октября 1868 г. Маркс сообщает в письме к Кугельману, что несколько дней тому назад один петербургский книгоиздатель обратился к нему с предложением перевести «Капитал» на русский язык и даже поразил его известием, что книга его уже печатается. Маркс отмечал при этом, что в течение 25 лет он беспрерывно боролся против ошибок русских революционеров, «не только по-немецки, но и по-французски и по-английски».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 310.

[2] Летописи марксизма. (Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса). Вып. V, стр. 19—20. Изд. 1928.

Он придавал очень большое значение тому, что «первым переводом «Капитала» на иностранный язык оказывается перевод на русский язык».

Уже в 60-х и 70-х годах ряд произведений Маркса был переведен на русский язык, главным образом за границей, и произведения эти, хотя в очень незначительном количестве, стали проникать в Россию.

Вот неполный список произведений Карла Маркса на русском языке до 1883 г., т. е. до образования плехановской группы:

1868 г. К. Маркс. Устав Международного товарищества рабочих.
1869 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии.
1870 г. К. Маркс. Первый манифест Международного товарищества рабочих (1864 г.). Издание первой русской секции Международного товарищества рабочих.
1871 г. К. Маркс. Гражданская война во Франции (1870—1871 г.). Перевод с немецкого. Женева, 1871 г., стр. 50.
1872 г. К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии, т. I, кн. I. Перевод с немецкого (Н. Даниельсона — Николай-она). СПб., Н. П. Поляков, 1872, 678 стр.
1883 г. К. Маркс. К критике политической экономии. (Последняя глава). Перевод Н. И. Зибера, СПб., изд. Л. Ф. Пантелеева, 1883 г.

Может возникнуть вопрос, почему царская цензура дала в то время разрешение на издание «Капитала» Маркса?

Когда дело дошло до царской цензуры — разрешать или не разрешать издание «Капитала» Маркса, то цензор Скуратов дал такой отзыв о книге:

«Как и должно было ожидать, в книге заключается не мало мест, обличающих социалистическое и антирелигиозное направление пресловутого президента «Интернационального общества», но как ни силен и ни резок отзыв Маркса об отношении капитализма к рабочим, цензор не полагает, чтобы он мог принести значительный вред, так как он, так сказать, тонет в огромной массе отвлеченных, частью темных, политико-экономических аргументов, составляющих содержание этой книги. Можно утвердительно сказать, что ее немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее».

Ясно, что цензор Скуратов попал, как говорят, пальцем в небо. Напрасно он утешал себя трудностью изложения, а также и тем, что книга касается главным образом капиталистического развития Европы, преимущественно Англии, что выводы Маркса не приложимы к России, так как развитие последней идет по иному руслу, и государственное вмешательство здесь ограничивает свободную конкуренцию. Цензор обманулся. Три тысячи экземпляров первого тома «Капитала» разошлись в несколько месяцев.

Как отнеслась тогда печать к появлению перевода «Капитала»?

Целый ряд журналов отзывался о «Капитале», как об очень значительном произведении, но вместе с тем высказывались взгляды, что произведение Маркса не имеет никакого отношения к России. Так, например, в «Русском Вестнике» Щебальский писал:

«Пролетариат! Но его вовсе нет в России. Наши крестьяне-землепашцы имеют собственность, а число фабричных работников пока еще ничтожно у нас, да и те состоят, главным образом, из крестьян собственников, которые, следовательно, не находятся в рабской зависимости от капитала!» [1].

А народники? Как встретили они появление перевода основного труда Маркса? Ряд воспоминаний революционных народников того времени — Кропоткина, Дейча, Ковалика, Аксельрода и других — показывает, что марксизмом народники очень заинтересовались, но либо не поняли его, либо считали, что учение это неприложимо к России.

Вот что пишет народник Ковалик в своих воспоминаниях:

«...«В 1870 г. появился в русском переводе первый том «Капитала». Стройностью системы и глубиною критики Маркс произвел на интеллигентную молодежь большое впечатление, которое по силе можно сравнить разве с тем, которое в свое время вызвал Дарвин. Немногие, конечно, одолели Маркса, но идеи его, изложенные в «Капитале», стали входить в общий оборот...» [2].

Но тут же Ковалик сознается, что и по прочтении «Капитала» он попрежнему остается на точке зрения утопического социализма. Чтение «Капитала» для него было впустую, он его не понял.

Другой народник — Русанов вспоминал:

«...«Но в это время [начало 70-х годов], как пороховая дорожка, начала бежать среди русской интеллигенции из столиц в большие провинциальные центры, из центров по всем городам и весям весть о новой великой книге «Капитал» Маркса, которая как бы отменяет весь старый экономический завет и вводит новый. Заметьте, мы в первой половине 70-х годов. На русский язык «Капитал» был переведен года три или четыре назад, но наша официальная наука обратила на него мало внимания. Статья о нем Кауфмана в «Вестнике Европы» прошла почти незамеченной, а Маркса читал в то время лишь Н. И. Зибер в Киеве и только приготовлялся читать А. И. Чупров в Москве. Но чуткая молодежь, отчасти под влиянием вестей от эмиграции и от своих товарищей, живших за границей, особенно в Цюрихе, скоро поняла значение этой книги. Жандармы с удивлением начали почти при всех обысках рядом с чисто агитационной литературой находить «Капитал» Маркса». «Надо было садиться за Маркса и нашему кружку [Орел]. Толстая книга в красноватой обложке была прислана нам старшими товарищами из Москвы с аттестацией: «Трудно, особенно вначале,

---

[1] «Русский Вестник» 1871 г., т. VII, стр. 626—646.

[2] Летописи марксизма, вып. I (XI), стр. 145. ГИЗ. 1930.

но необходимо», благоговейно разрезана и по общему решению передана мне» [1].

Первые удары народничеству до возникновения марксистских групп в России нанесли сами основоположники научного социализма Маркс и Энгельс. Они резко критиковали теории народников. Известна борьба Маркса и Энгельса против Бакунина— виднейшего теоретика народников, чьи взгляды имели наибольшее распространение среди землевольцев, так называемых «бунтарей». Известна борьба Маркса и Энгельса против Ткачева, который был бланкистом, не понимал классовой сущности царского правительства, движущих сил революции и считал возможным захват власти небольшой группой революционеров без народа.

Чрезвычайно интересная критика дана взглядам Ткачева в статье Энгельса «Об общественных отношениях в России», напечатанной в журнале «Volksstaat» в 1875 г. в ответ на открытое письмо Ткачева Фридриху Энгельсу.

Ткачев в своем письме к Энгельсу пытался доказать, что Энгельс не понимает политических событий в России. В этом письме Ткачев излагал свой взгляд на вопрос о завоевании власти. Он утверждал, что в России гораздо легче совершить социальную революцию, чем в Западной Европе, потому что, говорил он:

«У нас нет городского пролетариата... но зато у нас нет и буржуазии... Нашим рабочим предстоит борьба лишь с политической властью: власть капитала у нас еще в зародыше. А вам, милостивый государь, небезызвестно, что борьба с первой гораздо легче, чем борьба с последней» [2].

Ткачев «доказывал» внеклассовое происхождение царской самодержавной власти и утверждал, что она не имеет никакого основания в экономическом строе России, что она «висит в воздухе». Энгельс же в своем ответе доказал, что в воздухе висит не царское самодержавие, а утопическая народническая теория Ткачева и «сам господин Ткачев».

Известна борьба Маркса и Энгельса против Лаврова — третьего идеолога народничества, которого Маркс и Энгельс критиковали как человека, искусственно смешавшего различные теории, эклектика, не понимавшего необходимости более решительной борьбы против Бакунина.

Учение Маркса стало великой силой, которая в значительной степени уже преодолела к тому времени в мировом рабочем движении буржуазные, мелкобуржуазные, анархистские и другие учения.

Чтобы занять господствующее положение в революционном движении России, марксизм должен был разгромить народничество.

---

[1] Летописи марксизма, вып. I (XI), стр. 146—147. ГИЗ. 1930.

[2] К. Маркс, Избр. произв., т. II, стр. 539. 1940.

Маркс и Энгельс, рассматривая борьбу классов на всем протяжении человеческой истории, показали, что эта борьба превращается в открытую революцию, и пролетариат, путем насильственного низвержения буржуазии, кладет основание своему господству. Народники же и так называемые «марксисты» — оппортунисты II Интернационала стремились доказать, что Маркс никогда всерьез не ставил вопрос о диктатуре пролетариата. Каутский уверял даже, что у Маркса случайно сорвалось «словечко» о диктатуре пролетариата.

Между тем Маркс неоднократно подчеркивал, что учение о диктатуре пролетариата есть именно то новое, что он внес в учение о борьбе классов.

В письме Вейдемейеру 5 марта 1852 г. Маркс разъяснял, что борьба классов, как и самое деление современного общества на классы, описана еще до него буржуазными историками. «То, что я сделал нового, — писал Маркс, — состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к бесклассовому обществу»[1].

Маркс и Энгельс писали, «... что первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил...

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[2].

Следовательно, на первый план в учении марксизма выдвигается идея господства пролетариата, гегемония пролетариата в революции, пролетарская диктатура как результат социалистической революции. А народники боялись роста пролетариата, не видели, что концентрация капитала в руках немногих магнатов создает на другом полюсе могильщика буржуазии, то, что так ярко показал Маркс в «Капитале»: «Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплоатации, но

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 146.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 53, 55. Госполитиздат. 1939.

вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»[1]. Эта концепция Маркса была совершенно чужда народникам.

Маркс и Энгельс накануне революции 1848 г. в Германии создали «Союз коммунистов», дали первой международной коммунистической партии устав и написали для нее программу — «Манифест Коммунистической партии», который товарищ Сталин справедливо называет «Песнью песней коммунизма». Маркс и Энгельс создали затем в 1864 г. первую международную организацию пролетариата «Международное товарищество рабочих» — I Интернационал.

Девизом Маркса и Энгельса было: «Освобождение рабочих есть дело самих рабочих». А народники так переделали этот девиз Маркса: «Освобождение народа есть дело самого народа».

Как уже упоминалось выше, в 60-х годах произведения Маркса и Энгельса, издаваемые различными революционными группами, проникали в Россию. Но они не были поняты народниками. Учение Маркса и Энгельса получило организованную поддержку в России лишь тогда, когда потерпело крушение революционное народничество в лице партии «Народной воли».

II

Почему народники, ознакомившись с произведениями Маркса, не стали на путь марксизма, а повели борьбу против марксистских идей?

Ленин дает объяснения, почему народники не восприняли учение Маркса. В силу отсталости России, в силу слабости пролетариата в ней были живучи идеи мелкобуржуазного утопического социализма. Ленин указывает, что в течение очень долгого времени, по крайней мере около четверти столетия, и в Западной Европе в ряде стран, отсталых в капиталистическом отношении, в силу недостаточного развития рабочего движения идеи Маркса не встретили поддержки большинства, там еще в очень немногих рабочих организациях имели хождение идеи марксизма, они еще не утвердились окончательно.

В статье «От какого наследства мы отказываемся» Ленин вскрывает самую суть народничества.

---

[1] К. Маркс. «Капитал», т. I, стр. 714. Партиздат. 1937.

«— Под народничеством мы разумеем систему воззрений, заключающую в себе следующие три черты: 1) Признание капитализма в России упадком, регрессом. Отсюда стремления и пожелания «задержать», «остановить», «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев и т. п. реакционные вопли. 2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности. К русским экономическим отношениям не считают нужным применять выработанные современной наукой понятия о различных общественных классах и их конфликтах. Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация «устоев». Среди крестьянства отрицаются и затушевываются те же противоречия, которые свойственны всякому товарному и капиталистическому хозяйству, отрицается связь этих противоречий с более развитой формой их в капиталистической промышленности и в капиталистическом земледелии. 3) Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов»[1]. Как известно, народники считали, что интеллигенция является надклассовой силой, что она чуть ли не является особым классом, со своими особыми интересами.

Эта характеристика народничества, данная Лениным в 90-х годах, дополнена им в период первой революции.

«Народничество было до известной степени цельным и последовательным учением. Отрицалось господство капитализма в России; отрицалась роль фабрично-заводских рабочих как передовых борцов всего пролетариата; отрицалось значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедывался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с ее мелким сельским хозяйством»[2].

«Краткий курс истории ВКП(б)» считает, что главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и социал-демократического движения в то время, т. е. в 70-х и начале 80-х годов, были народнические взгляды, преобладавшие тогда среди передовых рабочих и революционно настроенной интеллигенции.

Эти взгляды мешали революционерам найти правильный путь борьбы. Огромное значение для революционной партии имеет ясное понимание законов общественного развития, знание и понимание движущих сил революции.

Народники считали себя большими знатоками народа. Однако они как раз не понимали, как это показал весь последующий их путь, какой класс в России способен совершить революцию и на какой класс можно опереться в революционной борьбе. Главной

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 321.
[2] Ленин. Соч., т. VIII, стр. 361.

революционной силой они считали не рабочий класс, а крестьянство. Этому учили их Герцен и Бакунин, и Лавров, и Ткачев, и другие теоретики народничества.

Вот что писал Герцен в письме к французскому историку Мишле в 1851 году:

«Жизнь русского народа до сих пор ограничивалась общиною; только в отношении к общине и ее членам признает он за собою права и обязанности. Вне общины все ему кажется основанным на насилии... Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательств власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе.

Это обстоятельство бесконечно важно для России...

Из всего этого вы видите, какое счастие для России, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастие для русского народа, что он остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации, которая, без сомнения, подкопала бы общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания... Мы, русские (Герцен имеет в виду интеллигенцию. — **Ем. Я.**), прошедшие через западную цивилизацию, мы — не больше, как средство, как закваска, как посредники между русским народом и революционной Европой. Человек будущего в России — мужик, точно так же, как во Франции работник»[1].

Эта точка зрения стала господствующей во всей устной и печатной пропаганде народников.

Даже тогда, когда рабочий класс создал свои первые замечательные рабочие организации, как «Северный союз русских рабочих» и «Южнороссийский союз рабочих», даже после того, как рабочие участвовали в первой открытой политической демонстрации у Казанского собора в 1876 г. народники продолжали считать рабочих в лучшем случае подсобной силой во время революции и только в городах.

А между тем уже первые выступления рабочих в 70-х годах показали, что:

«С развитием капитализма в России рабочий класс становился могучей передовой силой, способной к организованной революционной борьбе. (Разрядка моя. — **Ем. Я.**). Но передовой роли рабочего класса не понимали народники. Русские народники ошибочно считали, что главной революционной силой является не рабочий класс, а крестьянство, что власть царя и помещиков можно свергнуть путем одних лишь крестьянских «бунтов». Народники не знали рабочий класс и не понимали, что без союза с рабочим классом и без его руководства одни крестьяне не смогут победить царизм и

---

[1] **А.** И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. VI, стр. 445, 447, 449, 450.

помещиков. Народники не понимали, что рабочий класс является самым революционным и самым передовым классом общества» [1].

Как известно, уже в то время среди рабочих выделялись такие замечательные деятели, как Петр Алексеев, Степан Халтурин, Семен Агапов, Виктор Обнорский, Петр Моисеенко и ряд других. Достаточно напомнить пророческую речь Петра Алексеева на процессе пятидесяти. Заканчивая эту речь, он сказал:

«Из всего мною вышесказанного видно, что русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи.

Председатель (вскакивает и кричит): «Молчите! Замолчите!».

Петр Алексеев (возвысив голос, продолжает): она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значат и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма, угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших собратьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока (говорит, подняв руку) подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда...

Председатель (волнуется и, вскочив, кричит): «молчать! молчать!».

Петр Алексеев (возвышая голос)... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!..» [2].

Другой замечательный пропагандист — рабочий Семен Агапов, тоже участник процесса пятидесяти, говорил на суде:

«Я много думал о средствах улучшения быта рабочих и, наконец, сделался пропагандистом. Цель моей пропаганды заключалась в том, чтобы подготовить рабочих к социальной революции, без которой им, по моему мнению, никогда не добиться существенного улучшения своего положения.

...Я не раскаиваюсь в своих поступках: я твердо убежден в том, что не сделал ничего дурного, только исполнил свой долг, долг всякого честного рабочего, искренне, всей душой преданного интересам своих бедных, замученных собратьев».

Если сравнить эти две речи с речью Софьи Бардиной на том же

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 12.

[2] Две речи, стр. 13—14. Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. Петроград. 1918.

процессе (70-х годов), которая говорила, что настанет время, когда и нынешнее сонное общество проснется и стыдно ему станет, что оно позволяло так долго угнетать себя, то станет ясным, какая огромная разница между рабочими и интеллигентскими руководителями: интеллигенты возлагали надежды на «общество», которое проснется и ему станет стыдно, — рабочие же, Семен Агапов и Петр Алексеев, надежды свои возлагали на социалистическую революцию, на пролетариат, на восстание пролетариата.

Очень показательна и первая демонстрация рабочих в 1876 г., на которой впервые выступил с речью Георгий Валентинович Плеханов. Мысль об устройстве в Петербурге противоправительственной демонстрации возникла среди самих рабочих. Перед этим состоялась студенческая демонстрация на похоронах студента Чернышева, и рабочие решили провести еще более мощную политическую демонстрацию; они добились разрешения на такую демонстрацию у руководителей-народников, в то время считавших еще, что политическая борьба отвлекает от настоящего революционного дела.

6 декабря 1876 г. около 250 рабочих собрались у Казанского собора В обвинительном акте по делу «О преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади в Санкт-Петербурге», мы читаем:

«1876 г. 6 декабря. Казанский собор был переполнен молящимися, в числе которых резко отличались по своей внешности, поведению и отсутствию благоговения молодые люди обоего пола, привлеченные, повидимому, в храм каким-то посторонним молитве побуждением... Городовой Есипенко собирался уже отправиться с докладом к приставу о сборище молодежи в соборе, но был оттиснут ею от двери, в которую она выходила скученной массой... В это время из толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступил высокий блондин, снял шапку и начал громко говорить, горячась и размахивая руками. Молодой человек говорил... о гнете правительства, его несправедливости, о ссылках лучших людей, о бедственном положении русского народа, у которого для взыскания податей продают последнюю корову, причем было окончено при криках «браво», «браво» и аплодисментах толпившейся около говорившего молодежи. В этот же момент был выкинут над этой толпой красный флаг с надписью: «Земля и воля».

Молодой человек, выступивший на демонстрации 1876 г., был студент Георгий Валентинович Плеханов, через 7 лет после этого ставший основателем первой марксистской группы в России, группы «Освобождение труда».

Я остановился подробнее на описании этой демонстрации, потому что это была первая открытая политическая демонстрация в России, в которой принимали участие рабочие.

Демонстрация эта имела громадное значение для всей России,

для пробуждения политической сознательности в рабочем классе.

Однако народники не придали ей значения. Они не понимали, не видели, что именно рабочий класс является самым революционным классом, единственно способным возглавить революцию.

III

Что же дала работа народников в крестьянстве? Может быть, народническая пропаганда имела успех в крестьянстве? Может быть, оправдались их идеалистические надежды на «врожденный социализм» у крестьян?

Хождение в народ землевольцев, т. е. посылка нескольких сот агитаторов и пропагандистов организации «Земля и воля» в деревни, само по себе могло явиться очень серьезным революционным мероприятием, если бы шедшие в деревню были подготовлены к этому, если бы они действительно знали народ, поставили перед ним правильную программу действий и создали массовую организацию. Но крестьянства народники не знали, не понимали. Воспитанные на идеалистической проповеди утопистов-социалистов, народники считали крестьян готовыми социалистами, даже коммунистами.

Бакунин доказывал, что крестьян нечему учить, что крестьянство надо только взбунтовать. Народники жили воспоминаниями о старых крестьянских восстаниях Болотникова, гайдамацких восстаниях на Украине, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Они мечтали о повторении таких восстаний в России. Но они забывали, что соотношение классов в России иное, чем во времена Разина и Пугачева. В России развивался капитализм, рос революционный пролетариат — руководитель крестьян в их борьбе с царизмом, помещиками и капиталистами.

Что же дала пропаганда социалистической революции в крестьянстве? Она вызвала прежде всего глубокое разочарование среди самих народников. Выяснилось, что крестьяне и слышать не хотят ни о каком социализме. Крестьяне мечтали о возвращении земли, отнятой у них помещиками при проведении реформы 1861 г. Они мечтали вернуть отрезки, приобрести землю в частную собственность. Народники шли в деревню, уверенные в том, что крестьяне представляют собой одно целое, а на самом деле оказалось, что крестьянство неоднородно: внутри общины среди крестьянства идет расслоение на кулаков и бедняков. Это расслоение игнорировали, не хотели замечать народники. Выяснилось, что внутри крестьянской общины и крестьянских артелей, которые народники считали исходной основой «народного производства», т. е. социалистического хозяйства, существовала эксплоатация. Народники на практике убедились в бесплодности своих мечтаний — через общину построить социализм. Часть из них решила, что для успеха их дела необходима более прочная связь с деревней, и селилась в деревне под видом мельников, сапожников.

«Деревенщики», то-есть сторонники длительной работы в деревне, стали устраивать более прочные «поселения», старались приспособиться, опроститься, подделаться под народ. Так, например, народник Михайлов, который работал среди раскольников, рассказывает: «К деятельности среди раскольников я относился чрезвычайно любовно и решился побеждать великие трудности. Мне пришлось сделаться буквально старовером, пришлось взять себя в ежовые рукавицы, ломать себя с ног до головы. Я должен был во всем подделаться под эту среду, чтобы, стоя на одной ноге с нею, иметь возможность влиять на нее».

Многих ли сторонников удалось привлечь народникам такого рода деятельностью? Их успехи были ничтожны. Деревенские поселения также не дали успеха как и «хождение в народ».

Видная деятельница «Народной воли» В. Н. Фигнер об этом рассказывает: «Я прожила в Петровском уезде 10 месяцев, мои ближайшие товарищи в Вольском уезде немного более, и я утверждаю, что *к ним за все время не присоединился ни один человек*, хотя устроиться на местах при уже заведенных связях было чрезвычайно легко. *Можно было прийти в отчаяние от революционного одиночества*, в котором мы жили. Можно было удивляться, как мы, живые, энергичные люди, так долго терпели это положение...».

Все это впоследствии привело большинство народников к убеждению, *что работать в крестьянстве при современных условиях — это все равно, что биться, как рыба об лед*. Эта беспочвенность народников, это разочарование в социалистической, по понятию народников, природе крестьянства особенно ярко отразились в так называемом «Чигиринском деле».

Одна из групп народников-«землевольцев», приведенная в отчаяние равнодушием крестьян к народнической пропаганде, решилась посредством обмана вызвать крестьян на «бунт». Крестьяне тогда еще верили в «царя-батюшку» и считали, что царю мешают дворяне. Среди крестьян ходило много легенд про расположение царя к крестьянам.

Народники Стефанович, Бохановский, Дейч и другие решили использовать в своей работе эту веру крестьян в царя. Приехав в деревню Чигирино, они убедились, что крестьяне мечтают только о прирезке земли и даже отправляют в столицу ходоков с просьбой об этом. Народники решили тогда, под видом ходока от крестьян, к царю отправить Стефановича и привезти крестьянам ответ в форме непосредственного обращения якобы самого царя к крестьянам, в котором будет сказано, что царь-де хочет отдать землю крестьянам, но помещики и чиновники ему в этом мешают, и он, царь Александр II, призывает, будто бы, крестьян организовать тайное братство для борьбы с помещиками. Вот до чего додумались народники, когда убедились в бесплодности своей работы в

деревне, увидели, что крестьяне не воспринимают их народнического утопического социализма.

Задуманный план был Стефановичем выполнен. Он изготовил манифест — «высочайшую данную грамоту» — якобы от царя Александра II и привез эту грамоту будто бы из Петербурга в Чигирино. В грамоте говорилось о том, что в 1861 г. царь велел оставить помещикам только усадьбы «и такое же количество земли и леса, какое придется бывшему их крепостному по равному подушному разделу». Но виноваты, мол, дворяне, которые вместе с наследником Александром Александровичем хитростью и обманом захватили себе земли крестьян и обложили их непосильным выкупом.

Дальше в грамоте этой говорится: «Непрестанная 20-ти летняя борьба наша за вас с дворянством убедила нас, наконец, что мы единолично не в силах помочь вашему горю и что только вы сами можете свергнуть с себя дворянское иго и освободиться от тяжелых угнетений и непосильных поборов, если единодушно с оружием в руках восстанете против ненавистных вам врагов и завладеете всей землей. Руководствуясь сим убеждением, всем вам, крестьянам, а также и мещанам, верным нам, а не недостойному наследнику нашему Александру Александровичу с его союзниками дворянами и великими князьями, повелеваем: соединяйтесь в тайные общества, именуемые «Тайные дружины», с тем, чтобы подготовиться к восстанию против дворян, чиновников и всех высших сословий. Всякий, кто готов положить жизнь свою за великое дело, обязан дать присягу на верность обществу «Тайной дружины». «Сии общества, — поучает крестьян грамота, — должны держать себя в самой строгой тайне от дворянского начальства и попов, этих, по большей части, шпионов панских, а не достойных пастырей стада божия. Изменников не должно щадить, и каждый, кто умертвит предателя, совершит доброе и благотворное дело».

Грамота обещала, что «вся земля с лесами и сенокосами станет таким же бесплатным достоянием вашим, как вода, свет солнечный и всякий другой дар божий, созданный для человека; не будет ненавистного вам дворянского начальства, не знающего сострадания к вам, и воцарится тогда свобода и благоденствие на земле русской...

Итак осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови благословение божие на святое дело твое. Помни, како заповедь, сии слова, сказанные тебе царем-доброжелателем твоим».

Кроме этой грамоты, Стефанович привез «Устав крестьянского общества «Тайная дружина», якобы «высочайше утвержденный его императорским величеством государем императором Александром Николаевичем». К уставу был приложен текст присяги, где приводилась клятва крестьян с оружием в руках бороться против помещиков, чиновников и других врагов крестьянства.

«Клянусь, — говорилось в присяге, — по приказу Александра Николаевича, бороться с оружием в руках с помещиками, чинов-

никами и всякими моих собратий и моего государя Александра Николаевича врагами, погубившими нашу волю и отнявшими у нас землю, врученную нам самим богом и государем Александром Николаевичем в вечное и бесплатное пользование... Ежели нарушу сию мою клятву, то призываю гнев господа бога и всех святых его на меня и на все мое потомство, и да поразят меня всякие беды и несчастья, и да не щадит меня рука брата-дружинника. Аминь».

Крестьяне не сразу поверили этой грамоте, но постепенно слух о ней начал распространяться, и крестьяне потребовали от Стефановича, чтобы он первый принес присягу.

Стефанович так об этом рассказывает: «Я с товарищем охотно согласились. В клуню (амбар) принесли стол, накрыли его скатертью, положили икону и зажгли восковую свечу, не забыли также воткнуть крестообразно два ножа. Мы прочли текст присяги, проверяемой по печатному листу атаманом. Все были, очевидно, довольны: «От теперь ми своими очима бачимо, що ви таки ж дружинники, як и ми, — заявляли нам».

Так удалось организовать несколько сот человек крестьян. Но организация эта просуществовала недолго, она была провалена предателем, прежде чем она принялась за какие-нибудь революционные действия. Участники ее были арестованы, и большая часть сослана на поселение, на каторгу.

«Чигиринское дело» показывает прежде всего всю бесплодность и беспочвенность народнических мечтаний о возможности поднять крестьянство на социалистическую крестьянскую революцию вне пролетарской революции.

Важно отметить, что большинство землевольцев, по свидетельству Плеханова, отнеслось к этой затее очень положительно, и даже впоследствии народнический журнал «Черный передел», помещая материалы о «Чигиринском деле», считал, что здесь была только тактическая ошибка, а не то, что принципиально недопустим такой обман народа.

Разочарование в возможности крестьянской революции, жестокое преследование царским правительством землевольцев за всякую, самую мирную пропаганду привело в июне 1879 г. на съезде народников-землевольцев в Воронеже к расколу организации «Земля и воля». Плеханов был единственным народником на съезде, который резко выступил против уже наметившегося решительного поворота на путь народовольческого террора. Он заявил, что на кончике кинжала нельзя удержать тактику партии, и клеймил решения народовольческого съезда, как измену делу народа. Часть землевольцев, оставшаяся верной своему прежнему знамени, выделилась в организацию «Черный передел», организацию, не имевшую сколько-нибудь серьезного влияния в революционном движении.

Очень характерно, что в произведениях Ленина, в которых так много уделяется внимания народничеству различных направлений, чернопередельцам уделено буквально несколько строк. Во всем собрании сочинений Ленина и всех ленинских сборниках чернопередельцы упоминаются вскользь в «Что делать?» и в предисловии к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.».

Упоминая письмо Маркса, Ленин приводит высказывания Маркса о чернопередельцах: «Анархические элементы в их взглядах верно схвачены Марксом, и — не зная и не имея возможности знать тогда о грядущей эволюции чернопередельцев-народников в социал-демократов — Маркс нападает на чернопередельцев со всей силой своего бичующего сарказма:

«Эти господа, — пишет Маркс, — против всяких политических революционных выступлений. Россия, по их плану, должна сделать скачок прямо в анархически-коммунистически-атеистическое тысячелетие. Скачок же этот они тем временем подготовляют скучнейшим доктринерством. Так называемые принципы их доктрин взяты у покойного Бакунина»[1].

Вот буквально все, что мы найдем в 30 томах сочинений Ленина о «Черном переделе».

Группа эта интересна главным образом как этап перехода группы народников (Плеханов, Дейч, Аксельрод, Засулич) на социал-демократические позиции — к группе «Освобождение труда».

Но неправильно назвать, как это делают меньшевики, группу «Черного передела» звеном идейного перехода народничества к марксизму вообще. Неправильна и попытка связать историю возникновения большевистской партии с народовольчеством, как это делал С. И. Мицкевич, доказывавший, что если Плеханов произошел от «Черного передела», то Ленин — от народовольцев.

Противоречит марксизму его утверждение, будто «большевизм является синтезом, дополнением элементов народнического движения».

Если уже говорить о предшественниках социал-демократии, то, конечно, гораздо ближе к ней стоят великие русские просветители: Белинский, Добролюбов, Чернышевский.

На самом деле Плеханов и другие чернопередельцы сами сознавали, что их взгляды оставались в значительной степени народническими.

...«Черный передел» не внес ничего нового и оригинального, — вспоминает чернопеределец О. Аптекман, — все старое, землевольческое, начиная с социалистических предпосылок и кончая деталями тактики... Это значит, что «Черный передел» исчерпал себя... Его необходимо было заполнить новым содержанием, что время его прошло,

[1] Цитирую по Ленину. Соч., т. XI, стр. 117.

то-есть революционное народничество завершило уже полный круг своего существования — сошло со сцены».

Таково же мнение и самого Плеханова. В предисловии к «Истории революционного движения в России» проф. Туна Плеханов писал:

«Когда редакция «Черного Передела» заявляла, что экономические отношения признаются ею «основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов»; когда она повторяла, что «в основе общества лежат, главным образом, отношения экономические, которыми по преимуществу и определяются остальные отношения — государственные, юридические, нравственные и пр.», то она высказывала лишь тот взгляд, который раньше ее выражал вслед за Марксом—Бакунин. Но она принимала этот взгляд в том же искаженном его виде, который придал ему автор «Государственности и анархии». Она строила на нем чисто анархическое отрицание «государственности»[1].

Можно найти ряд высказываний Плеханова в журнале «Земля и Воля», которые показывают, что в отдельных вопросах, в особенности в вопросе об оценке террора, Плеханов приближался к марксизму. В письме к Лаврову Плеханов писал, что социализм школы Маркса во многом расходится «с русским социализмом», что «русский социализм» до сих пор еще носит очень длинную бакунинскую косу за своей спиной».

Бакунизм представлял собой пеструю смесь всяких идеалистических народнических теорий с искаженными идеями диалектического материализма. Заслуга Плеханова заключается в том, что он и его товарищи в начале 80-х гг. отрезали у себя эту «бакунинскую косу». Но совершенно неправильно характеризовать бакунизм, как идеологию, близкую к диалектическому материализму. Плеханов впоследствии исправил это и писал, что Бакунин «софистизировал» Маркса, т. е. извратил его.

В 1879 г. большая часть народников вошла в организацию «Народная воля», которая целиком сосредоточила свои силы на террористическом единоборстве с царизмом.

Это единоборство с царизмом народники сначала объясняли как акт мести за повешения, убийства царем крупных революционеров.

Затем народовольцы стали объяснять террор как самооборону против преследований царизма. Но вся их практика привела к тому, что террор фактически стал единственным средством борьбы народовольцев против царизма.

Террористическая борьба отняла все силы этой партии, и народники забросили не только пропаганду среди крестьян, но свернули

---

[1] Тун. История революционных движений в России, стр. 21. Изд. Пролетарий. 1924.

и рабочие организации, вовлекая выросших уже организаторов из рабочей среды в террористическую борьбу, уделяя лишь незначительные силы для работы среди офицерства. Таким образом, народники задерживали развитие и образование самостоятельных рабочих организаций. «Народники, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — заставили одного из крупнейших революционеров того времени — Степана Халтурина прекратить работу по организации революционного рабочего союза и целиком заняться террором.

Народники отвлекали внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей бесполезными для революции убийствами отдельных представителей этого класса. Они тормозили развитие революционной инициативы и активности рабочего класса и крестьянства.

Народники мешали рабочему классу понять его руководящую роль в революции и задерживали создание самостоятельной партии рабочего класса» [1].

Фактически вышло так, что народовольцы не разбудили крестьянские массы и в то же время мешали рабочему классу создать свою пролетарскую организацию. Между тем уже в тот период в рабочем классе выделились влиятельные вожаки рабочих, которые стояли на целую голову выше своих интеллигентских народнических представителей. Эти вожаки и созданные ими организации тяготели к западноевропейскому рабочему движению, к I Интернационалу, к программе революционной социал-демократии, к массовой политической борьбе.

В начале 80-х гг. народовольцы стали развивать идею «детонации»; все, по их мнению, готово в России к социалистическому устройству жизни, мешает только штык царского правительства, приставленный к груди народа, и нужно-де отвести руку, держащую этот штык, чтобы разразилась социалистическая революция.

Сосредоточив внимание на политическом единоборстве с царизмом, узкая заговорщическая партия народовольцев целиком растратила свои силы на террористические мероприятия.

Убийство царя Александра II 1 марта 1881 г. было высшей точкой народовольческого движения, высшей точкой успеха партии «Народная Воля». Но 1 марта 1881 г. показало в то же время бессилие «Народной Воли». Дело не в том, что большинство членов Исполнительного Комитета «Народной Воли» было арестовано, а в том, что когда был убит Александр II, то не оказалось ни одной группы ни в крестьянстве, ни в рабочем классе, ни в армии, которая была бы способна реагировать в этот момент политически и организованно.

Вся теория и практика народовольчества мешала массовой революционной борьбе против царизма, мешала созданию массовой организации.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 13.

Характеризуя террористическую деятельность народовольцев и оценивая значение убийства Александра II, Ленин в «Докладе о революции 1905 года» швейцарской молодежи указывал, что «...своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть» [1].

Они не создали и не могли в силу своей тактики индивидуального террора создать организацию, которая могла бы в обстановке растерянности царского правительства на другой день после убийства Александра II поднять массы рабочих и крестьян на борьбу.

«Народная воля», убедившись, что за ней не стоят организованные общественные силы, на которые она могла бы опереться, проявила величайшую растерянность.

Когда на другой день после убийства Александра II рабочие петербургских заводов обратились к оставшимся на воле членам Исполнительного Комитета «Народной воли» с вопросом, что им делать, народовольцы не могли дать им определенного ответа.

Документы «Народной воли» особенно подчеркивают это бессилие, беспочвенность, растерянность. В прокламации «От рабочих» (2 марта 1881 г.) народовольцы писали: «Помните, братья, что покоряться мучителям тяжкий грех, через это терпит горе весь народ. Братья-рабочие! Довольно мучилась русская земля. Настала пора, когда правда воцарится на земле».

Что же нужно для того, чтобы воцарилась правда на земле? Оказывается: «Нужно только, чтобы русский народ действовал смело, как действовал Петр Алексеев, Пресняков, Тихонов, Ширяев, Окладский» (мимоходом заметим, что Окладский был провокатором). «Народная воля» уверяла, что если все будут действовать так, то «тогда все выйдет хорошо и не будет на русской земле ни нищеты, ни слезного горя».

Никакого конкретного призыва к революционной массовой борьбе «Народная воля» в то время перед рабочими выдвинуть не могла. В другой прокламации — от 3 марта 1881 г. это неверие в массовую борьбу проявилось еще больше.

«Царь должен быть пастырем добрым, — читаем мы в этой прокламации, — душу свою за народ полагающим. Александр II был лютым волком, и страшная смерть покарала его. Русские рабочие! Теперь вступает на престол новый царь — Александр III. Нужно, чтобы он не пошел в отца, пусть он призовет народных выборных от всех деревень, фабрик и заводов, пусть узнает он мужицкое горе и нужду народную и впредь царствует по правде. Пусть у него в сенате советниками будут народные выборные. Тогда царь даст мужику землю, подати уменьшит и волю даст народу».

С трудом верится, что это воззвание писали люди, считавшие себя революционерами и социалистами. Кажется, что эти выдержки из какой-то поповской проповеди, что это писал какой-то оппозиционно настроенный архиерей.

---

[1] Ленин. Соч., т. XIX, стр. 348.

Переводя содержание этой прокламации на политический язык, можно сказать, что «Народная воля» сеяла конституционно-монархические иллюзии, будто в самом деле может быть такой добрый царь Берендей, у которого сидят в сенате «народные» выборные, и этот царь раздает мужикам земли, уменьшает подати, дает народу волю и т. п. От рабочих требовалось только одно — «не допустить», чтобы Александр III, воспитанный на царских конюшнях и превзошедший в жестокости своего отца, Александра II, — «не пошел в отца». Народовольцы выдумали такого царя, которого никогда в жизни не бывало и быть не могло. Народовольцы добивались от царя лишь конституционной монархии.

В 1905 г. потомки либералов-народников — «социалисты-революционеры» — выпустили на Урале листовку под названием: «Какой нам нужен царь?».

В этой прокламации доказывалось, что «нам нужен царь добрый, который бы заботился о народе, а Николай II плохой царь, такой царь нам не нужен».

Таким образом, через четверть века эсеры повторяли те же самые идеи, какие были у народников в 1881 году.

Правда, в прокламации «К русскому рабочему народу» от 24 августа 1881 г. есть уже призыв к рабочим запасаться оружием и... ждать... В ней говорится о том, что «мы будем готовить восстание, а вы приготовьте оружие. Когда все будет готово, мы вам скажем».

Но и здесь роль рабочего класса — подсобная. Исполнительный комитет все сам сделает, рабочему классу нужно только организоваться в «кружки», никакой партии рабочего класса создавать не нужно. Изучение документов «Народной воли» того времени показывает, что и в отношении других демократических элементов русского общества народовольцы не смогли выдвинуть стройной программы, действенных лозунгов.

Было выпущено воззвание к «Славному казачеству войска донского, уральского, оренбургского, кубанского, терского, астраханского, сибирского и иных войск», в котором заключались те же бессильные призывы.

Может быть, народовольцы нашли настоящие слова пламенного призыва, когда обращались к крестьянам—основной силе, на которую рассчитывало народничество? Может быть, они крестьянам дали действенный лозунг борьбы? Воззвание «К честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому» являлось таким же беспомощным, бессильным и по сути даже безнадежным, бесперспективным.

«Великий грех на душе царя, когда он не заботится о своем народе. Великий грех и на его советниках, министрах да сенаторах: окружили они царя и не допускают до него мужицких слез. Ныне вступает на престол новый царь Александр III. Он должен загладить грех отца своего и облегчить несносную народную тяготу. Православные крестьяне! Подавайте всем миром государю прошение, по-

сылайте к нему ходатаев, откройте государю, как на Руси мужик мается, хуже чем в татарской неволе. Собирайтесь всем миром и пишите прошения. Прошения такие: 1) пусть государь прикажет новую нарезку земли без всякого выкупа; 2) пусть уменьшит подати; 3) пусть в мирские дела не вступают ни чиновники, ни полиция; 4) пусть государь призовет в сенат для совета и указания выборных мирских людей от деревень и от всего народа, чтобы впредь царскими советниками были не господа, а крестьяне; и пусть без совета этих выборных царь ничего не делает, — ни податей не назначает, не ведет войн. Православные! Когда царь уважит эти наши прошения, воссияет правда на земле, исчезнет кривда и горе».

И здесь опять этот слащавый поповский тон и те же самые призывы исправить грех и т. п.

Опять те же надежды на какого-то царя Берендея, который может так устроить, что «воссияет правда на земле, исчезнет кривда и горе». Трудно придумать что-либо более бессильное в политическом смысле. Это показывает беспочвенность деятельности народовольцев. И в час, когда они достигли своей тактикой, казалось, самого высшего успеха, они проявили большую растерянность.

После убийства Александра II они встали на путь либеральных заявлений царю Александру III, брали на себя роль советников царя. В обращении к царю Александру III Исполнительный комитет «Народной воли» писал: «Или революция совершенно неизбежная, которую нельзя предупредить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный Комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести, вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы... Итак, ваше величество, решайте! Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же можем только просить судьбу, чтобы ваши разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страною».

Вот до какого либерализма докатилась «Народная воля».

Большинство народовольцев стало поворачивать на путь либерализма. Поэт-народоволец Якубович говорил на суде:

«Чем мы становимся старше и более зрелыми, тем минимальнее становятся наши требования. Посмотрите на то, что требовала партия «Народной воли» в самом начале нашего существования, к чему она стремилась. Еще в 8—9 номере своего органа она заявила, что цель ее — захват власти. И что же? В настоящее время иного народовольца такая фраза заставляет улыбаться. Наша формула ста-

ла иная: призыв народа с высоты трона, поколебленного ударами революционеров».

IV

После того, как мы подробно ознакомились с теорией и практикой народничества 60-х и 70-х годов и начала 80-х годов и знаем, почему потерпело крушение это движение «героев-неудачников», как называет их «Краткий курс истории ВКП(б)», мы переходим к борьбе марксизма с народничеством.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» мы читаем:

«Хотя тайная организация народников была разбита царским правительством, народнические взгляды долго еще держались среди революционно настроенной интеллигенции. Остатки народников упорно сопротивлялись распространению марксизма в России, мешали организации рабочего класса.

Поэтому марксизм в России мог вырасти и окрепнуть лишь в борьбе с народничеством»[1].

Систематическая борьба марксизма с народничеством в России началась с 1883 г., когда организовалась первая марксистская организация — группа «Освобождение труда».

В 1883 г., т. е. к концу жизни Маркса, появилось объявление об издании Плехановым и Аксельродом «Библиотеки современного социализма». Еще до появления «Библиотеки современного социализма» Плеханов в 1882 г. написал предисловие к «Коммунистическому манифесту», из которого видно, что он стал на точку зрения марксизма.

Это верно. В предисловии к «Коммунистическому манифесту» Плеханов писал: «...«Манифест» начал новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма».

«Я стал марксистом не в 1884 году, а уже в 1882», — писал Плеханов Рубакину в октябре 1910 года.

Незадолго до того, как Плеханов и его товарищи открыто выступили с заявлением об основании группы «Освобождение труда», они вели еще переговоры с народовольцами относительно участия в «Вестнике народной воли». Чернопередельцы разошлись и порвали с народовольцами в 1883 г. формально отнюдь не из-за разногласий принципиального характера. Велись переговоры относительно вступления Плеханова и его группы в организацию «Народной воли», причем чернопередельцы настаивали, чтобы «Народная воля» включила в свой состав «Черный передел» как самостоятельную группу, а не как отдельных лиц. Они хотели, войдя самостоятельной группой, вести внутри партии «Народной воли» борь-

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 13.

бу с народническими взглядами. Народовольцы отказались включить чернопередельцев в свою организацию на правах самостоятельной группы. Это и было главной причиной разрыва. Чернопередельцы во главе с Плехановым организовали летом 1883 г. за границей первую марксистскую группу, назвав ее группой «Освобождение труда».

Большое значение для возникновения группы «Освобождение труда» имели три обстоятельства: во-первых, крушение теории и практики народовольчества; жизнь показала несостоятельность теории и практики народничества;

во-вторых, рост во второй половине 70-х годов рабочих стачек, в которых пролетариат проявил себя как самостоятельная революционная сила;

в-третьих, близкое знакомство Плеханова и его группы с западноевропейским рабочим движением и переход их на позицию марксизма.

Группа «Освобождение труда» развернула значительную литературную деятельность не только в 80-х годах, но и в 90-х годах. В 1891 г. вышел отчет Плеханова по международному конгрессу в Брюсселе и его же «Ежегодный всемирный праздник рабочих»; в 1892 г. — брошюра «1-е мая 1891 года» с приложением адреса Шелгунову и предисловием Плеханова, четвертая книга «Социал-демократ», «Русский рабочий в революционном движении» Плеханова, его же «Всероссийское разорение» и «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» и затем брошюры Энгельса «Людвиг Фейербах» в переводе Плеханова и «Развитие научного социализма» с приложением: «Диалектика в современном естествознании» и «Теория насилия»; Плеханова и Засулич — «Задачи русской социал-демократии».

Создаются и другие издательские группы, например, «Социал-демократическая библиотека» и «Группа популярной рабочей библиотеки». Ряд книг, брошюр, статей, написанных членами группы «Освобождение труда», имел огромное значение для идейного разгрома народничества и популяризации идей марксизма. В особенности же большую роль в этом отношении сыграли такие литературные работы Плеханова, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». На этих книгах Плеханова воспитывались марксисты в России. Эти работы расчистили почву для развития марксизма в России. На книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», излагавшей основы марксизма, изданной в 1895 г., «...воспиталось целое поколение русских марксистов...» [1].

Об этой и других философских работах Плеханова Ленин в 1921 г. писал: «...уместным мне кажется заметить для молодых

[1] Цит. по Ленину. Соч., т. XIV, стр. 347.

членов партии, что нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» [1].

Первая крупная работа Плеханова «Социализм и политическая борьба» имела огромное значение. Ленин высоко ценил работу Плеханова, назвав ее символом веры русского социализма. В 1889 г. Ленин писал:

«Первое profession de foi всемирного социализма, «Коммунистический Манифест», установил уже ту, ставшую с тех пор азбучной, истину, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, что рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится классовым движением, когда переходит к политической борьбе. Первое profession de foi русского социализма, брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба», вышедшая в 1883 г., подтвердила эту истину в применении к России и показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы» [2].

Интересно, как сам Плеханов оценивал значение этой работы. Через 34 года после ее выхода Плеханов писал в предисловии к брошюре «Социализм и политическая борьба»:

«Если бы мне предложили указать главную мысль этой брошюры, то я сказал бы, что в ней я рекомендовал социалистическое учение Маркса и Энгельса, как своего рода нить Ариадны, способную вывести нас из лабиринта наших тогдашних политических и практических противоречий. Кроме того, опираясь на это учение, я доказывал, что Л. Тихомиров и другие теоретики «Народной Воли» ошибались, считая возможным совпадение у нас момента низвержения старого порядка с моментом социалистического переворота» [3].

В своем капитальном труде «Наши разногласия» Плеханов, устанавливая, что между социал-демократами и народниками существуют разногласия, приводит следующие пункты этих разногласий:

1. Пролетарская революция не может вырасти из того мещански-крестьянского социализма, который проповедывали народники.

2. Сельская община вовсе не стремится к коммунистическим формам общественной жизни и хозяйства, а к буржуазным, так как она основана на личном владении средствами и орудиями производства, на частной собственности.

3. Переход к коммунизму произойдет не через крестьянскую общину; во всяком случае не крестьянская община возьмет на себя почин в этом деле.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXVI, стр. 135.
[2] Ленин. Соч., т. XXX, стр. 2.
[3] Плеханов, т. I, ч. II, стр. 155.

4. Почин коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс.

5. Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» мы читаем:

«Плеханов первый дал марксистскую критику ошибочных взглядов народников. Нанося меткие удары народническим взглядам, Плеханов одновременно развернул блестящую защиту марксистских взглядов» [1].

В чем заключались основные ошибочные взгляды народников, которым Плеханов нанес сокрушительный удар?

«...народники утверждали, что капитализм в России представляет «случайное» явление, что он не будет развиваться в России, следовательно, не будет расти и развиваться и пролетариат» [2].

Еще до возникновения группы «Освобождение труда» Маркс и Энгельс доказали, что в России уже развивается капитализм. Неоднократно народники обращались к Марксу с вопросом: возможно ли миновать путь капитализма, возможно ли некапиталистическое развитие России? Все ответы Маркса можно свести к одному, что, во-первых, капитализм в России уже развивается и сделал значительные успехи и нет никакого основания думать, что развитие России пойдет по другому пути. Маркс писал, что единственным условием для некапиталистического развития России является революция в России, поддержанная революцией на Западе.

Народники не считали рабочий класс передовым классом, главной руководящей силой в революции и мечтали о достижении социализма без пролетариата. Это было одной из главных причин того, что их революционная работа потерпела поражение.

У народников был совершенно неправильный взгляд на закон экономического и политического развития России. «Они были в этом отношении совершенно отсталыми людьми. По их мнению, историю делают не классы и не борьба классов, а лишь отдельные выдающиеся личности — «герои», за которыми слепо идут масса, «толпа», народ, классы» [3].

Народник Лавров создал целую теорию «критически мыслящей личности», которая творит историю.

«Но как же шла история? Кто ее двигал?» — спрашивал Лавров. И отвечал: «Одинокие борющиеся личности» [4].

В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин проводит мысль, что вожди воспитываются целыми десятилетиями, что именно народ воспитывает вождей, массы их выдвигают. У Лаврова выходило иначе, что историю двигают отдельные «критически мыслящие личности». В дальнейшем теорию Лаврова

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 13.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 14.
[4] П. Л. Лавров. Избр. соч., т. I, стр. 252.

развил другой теоретик народничества — Н. К. Михайловский, разработав теорию «героев» и «толпы».

Когда хождение в народ потерпело крушение и народники перешли к террористической практике, они тоже исходили из теории о «героях» и «толпе», о личностях, которые делают историю. Они считали, что массы поднять нельзя, крестьянство на революцию не идет, рабочий класс на революцию не идет, остаются «герои», «критически мыслящие личности», которые могут изменить весь ход истории.

Группа «Освобождение труда» камня на камне не оставила от этих народнических теорий.

Плеханов, беспощадно критикуя взгляды народников, развил и обосновал марксистский материализм, он доказывал, что в основе развития общества лежит развитие материальных условий существования народа, изменение способа производства материальных благ, которые необходимы для существования общества, и что развитие общества определяется «...борьбой классов за роль и место в области производства и распределения материальных благ» [1].

Плеханов нанес удар идеалистическому учению народников, заключавшемуся в том, будто «миром правят идеи».

Было бы неправильно, однако, сделать заключение, что марксисты отрицали и отрицают роль передовых идей в развитии общества. Передовые общественные идеи не падают в готовом виде с неба. Они проверяются на фактах борьбы. В передовых идеях могут предугадываться некоторые черты будущего общества, освещаться, как прожектором, путь борьбы того или иного класса. Самые передовые идеи нашей эпохи — идеи марксизма-ленинизма, идеи научного социализма подытоживают и обобщают опыт революционной борьбы пролетариата за освобождение от эксплоатации, за социализм; они освещают путь дальнейшей борьбы за социализм; они помогают рабочему классу осознать свое место в истории, свою роль в борьбе.

Вопреки фантазиям народников о том, что капитализм в России — явление наносное, искусственно насаждаемое правительством, вопреки их мечтаниям «задержать» развитие капитализма, Плеханов показал в «Наших разногласиях», «...что Россия *уже вступила* на путь капиталистического развития и что нет такой силы, которая могла бы ее с этого пути свернуть.

Задача революционеров была не в том, чтобы *задержать* развитие капитализма в России, — этого они все равно не смогли бы сделать. Задача революционеров заключалась в том, чтобы опереться на ту мощную революционную силу, которая порождается развитием капитализма, — на рабочий класс, развивать его

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 16.

классовое сознание, организовать его, помочь ему создать свою рабочую партию» [1].

Вопрос о роли рабочего класса в революции был одним из важнейших вопросов, по которому Плеханов дал бой народникам. Мы уже знаем, что народники отрицали за пролетариатом значение главной движущей силы революции и его передовую роль в революционной борьбе. В лучшем случае они отводили ему роль подсобной силы и только в городах. Многие народники прямо боялись пролетарской революции. «Народники рассматривали появление пролетариата в России как своего рода «историческое несчастье», писали о «язве пролетариатства». Плеханов, защищая учение марксизма и его полную применимость к России, доказывал, что, несмотря на количественное преобладание крестьянства и сравнительную малочисленность пролетариата, — именно на пролетариат, на его рост должны революционеры возложить свои главные надежды» [2].

Еще в 1906 г. товарищ Сталин писал об этом споре между народниками и марксистами в грузинской газете «Ахали цховреба», № 2/3 от 21. VI. 1906 года:

«В 80-х годах XIX столетия в среде русской революционной интеллигенции возник замечательный спор. Народники говорили, что главная сила, которая может взять на себя «освобождение России», — это бедное крестьянство. Почему? — спрашивали их марксисты. Потому, — говорили они, — что крестьянство многочисленнее всех и в то же время беднее всех в русском обществе. Марксисты отвечали: правильно, что крестьянство сегодня составляет большинство и очень бедно, но разве дело в этом? Крестьянство уже давно составляет большинство, но до сих пор оно без помощи пролетариата никакой инициативы не проявляло в борьбе за «свободу». А почему? Потому, что крестьянство, как сословие, изо дня в день разрушается, распадается на пролетариат и буржуазию, тогда как пролетариат, как класс, *изо дня в день* растет и крепнет. И бедность не имеет тут решающего значения: «босяки» беднее крестьян, но никто не может сказать, что они возьмут на себя «освобождение России»...» [3].

Народники выражали интересы не самого передового, революционного класса — пролетариата, а выражали интересы крестьянства.

Они стремились удержать от распада отсталое мелкое крестьянское хозяйство, вернее сохранить его, несмотря на его отсталость и неизбежную гибель. Они игнорировали тот факт, что:

«Крестьянство не только не растет, как класс, а, наоборот, *распадается* из году в год на буржуазию (кулаки) и бедноту (пролетарии, полупролетарии). К тому же оно труднее поддается

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 14.
[2] Там же.
[3] Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 116. Госполитиздат, 1938.

организации в силу своей распыленности и менее охотно идет в революционное движение в силу своего мелкособственнического положения, чем пролетариат»[1].

Народники обижались, когда их называли буржуазными революционерами. Но на самом деле они были такими. Сами они, конечно, были уверены, что они являются социалистами, что они ничего общего с буржуазией не имеют. На деле же теория народников отражала лишь явления жизни мелкого производителя — крестьянства.

Плеханов в предисловии к русскому изданию книги Туна «История революционных движений в России» в связи с притязаниями народников на звание социалистов приводит слова Маркса о том, что в Германии «в конце 1847 г. вряд ли был хоть один выдающийся политический деятель среди буржуазии, который не провозгласил бы себя «социалистом» для обеспечения симпатии пролетарского класса». «Передовые представители мелкой буржуазии в России,—писал Плеханов, — «интеллигенты» всяких званий и призваний, — тоже чуть не поголовно причисляли себя к социалистам. Делалось это у нас не за тем, чтобы обманывать пролетариат, самое существование которого почти не признавалось тогда «интеллигенцией», а просто потому, что передовая часть «общества» привыкла отождествлять с «социализмом» всякое стремление к общественному благу и всякое сочувствие народу... Но тут опять приходится вспоминать Маркса, который говорит: «Этикетки, наклеиваемые на систему, тем отличаются от этикеток, наклеиваемых на другие товары, что они обманывают не только покупателя, но и самого продавца»[2].

Народники и сами обманывались и думали, что раз они себя называют социалистами, они и являются социалистами.

«Народники утверждали, что в России социализм придет не через диктатуру пролетариата, а через крестьянскую общину, которую они считали зародышем и базой социализма. Но община не была и не могла быть ни базой, ни зародышем социализма, так как в общине господствовали кулаки, «мироеды», эксплуатировавшие бедняков, батраков, маломощных середняков. Формально существовавшее общинное землевладение и происходившие время от времени переделы земли по душам нисколько не меняли дела. Землей пользовались те члены общины, у которых были рабочий скот, инвентарь, семена, то-есть зажиточные середняки и кулаки. Безлошадные крестьяне, бедняки и вообще маломощные вынуждены были отдавать землю кулакам и итти в наймиты, в батраки. Крестьянская община была на самом деле удобной формой для прикрытия кулацкого засилия и дешевым средством в руках царизма для сбора налогов с крестьян по принципу круговой поруки. Потому-то царизм не трогал крестьянскую общину. Смешно

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 15.

[2] Тун. История революционных движений в России, стр. 33—34. «Пролетарий». 1924.

было бы считать такую общину зародышем или базой социализма»[1].

Конечно, как это отмечал Ленин, в этих теориях народников нет ни грана социализма.

Указывая на то, что между мелкой и крупной буржуазией существовал антагонизм, что крестьяне боролись против помещиков, Ленин разъяснял в 90-х годах, что класс мелкой буржуазии «...является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т.-е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении»[2].

С одной стороны — борьба народников против царизма, против крепостников-помещиков была прогрессивным явлением. С другой стороны, поскольку народники боролись за сохранение основ существования мелкой буржуазии, старались задержать, потянуть назад общее развитие страны, считали наличие самого революционного класса — пролетариата — «язвой пролетариатства», историческим несчастьем, — они являлись реакционным течением.

Заслуга Плеханова в том, что он вскрыл всю беспочвенность, несостоятельность теории народников о том, что крестьянская община является или может явиться основой социалистического развития.

Книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» — первый труд, в котором Плеханов блестяще обосновал точку зрения марксистского диалектического и исторического материализма и нанес сокрушительный удар идеалистическим теориям народников.

Плеханов нанес удар народническим взглядам на роль личности в истории. Марксисты не отрицают роли личности в истории, но, по учению марксистов, «не герои делают историю, а история делает героев». Следовательно, не герои создают народ, а народ создает героев и двигает вперед историю.

«Плеханов развил и обосновал точку зрения марксистского материализма. Согласно марксистского материализма, он доказывал, что развитие общества определяется в конечном счете не пожеланиями и идеями выдающихся личностей, а развитием материальных условий существования общества, изменениями способов производства материальных благ, необходимых для существования общества, изменениями взаимоотношений классов в области производства материальных благ, борьбой классов за роль и место в области производства и распределения материальных благ. Не идеи определяют общественно-экономическое положение людей, а общественно-экономическое положение людей определяет их идеи. Выдающиеся личности могут превратиться в ничто, если

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 15.
[2] Ленин. Соч., т. I, стр. 184.

их идеи и пожелания идут вразрез с экономическим развитием общества, вразрез с потребностями передового класса, и—наоборот—выдающиеся люди могут стать действительно выдающимися личностями, если их идеи и пожелания правильно выражают потребности экономического развития общества, потребности передового класса.

На утверждения народников о том, что масса есть толпа, что только герои делают историю и превращают толпу в народ, марксисты отвечали: не герои делают историю, а история делает героев, следовательно, — не герои создают народ, а народ создает героев и двигает вперед историю. Герои, выдающиеся личности могут играть серьезную роль в жизни общества лишь постольку, поскольку они сумеют правильно понять условия развития общества, понять, — как их изменить к лучшему. Герои, выдающиеся личности могут попасть в положение смешных и никому ненужных неудачников, если они не сумеют правильно понять условий развития общества и начнут переть против исторических потребностей общества, возомнив себя «делателями» истории.

К разряду таких именно героев-неудачников и принадлежали народники» [1].

Так «Краткий курс истории ВКП(б)» определяет суть спора по вопросу о массах и толпе, о роли личности в истории.

Появление плехановской группы «Освобождение труда» явилось поворотным пунктом в развитии революционного движения в России. Самое появление этой группы показало, что в России имеется уже налицо революционный класс, на который могут опереться марксисты. Начавшийся в народническом лагере поворот к либерализму, отказ от революционных методов борьбы пошел быстрее после появления марксистского движения в России, так как наиболее революционные элементы интеллигенции стали переходить на путь марксизма. Работы Плеханова и его группы очень сильно подорвали влияние народников среди революционной интеллигенции.

Однако далеко еще было до полного идейного разгрома народничества. «Эта задача — добить народничество, как врага марксизма — выпала на долю Ленина» [2].

Отмечая ряд заслуг группы «Освобождение труда», необходимо остановиться и на ее ошибках.

Группа придавала непомерно большое значение социалистической интеллигенции, признавала индивидуальный террор как средство политической борьбы. В проекте программы группы «Освобождение труда», написанном в 1884 г., указано, что группа «признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Народная воля» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 15—16.
[2] Там же, стр. 16.

и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса».

Группа «Освобождение труда» поддерживала неправильное положение о непосредственном народном законодательстве, т. е., что народу нет надобности выбирать своих представителей в какие бы то ни было парламенты и т. д., а что весь народ непосредственно сам создает для себя законы. Эти неверные взгляды были отрыжкой народничества и даже сознательной уступкой народовольцам, идеи которых еще пользовались большим влиянием в то время.

В проекте программы группы «Освобождение труда» было выставлено неверное требование «государственной помощи производительным ассоциациям». Это требование взято у немецкого социалиста Лассаля, который вел борьбу с марксистской теорией и тактикой. Маркс высмеял эти лассальянские идеи, в особенности в своей книге «Критика Готской программы».

Группа «Освобождение труда» составила два проекта программы русских социал-демократов.

В 1887 г. она выпустила второй проект программы, уже значительно исправленный и более близкий к программе социал-демократической партии.

В 1900 г. Ленин писал об этом проекте программы: «Несмотря на то, что он издан почти 15 лет тому назад, он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной с.-д-ой теории» [1].

В какой части Ленин считал проект программы группы «Освобождение труда» удовлетворительным? В проекте программы точно указан класс, последовательно до конца борющийся за социализм, — пролетариат; цель, которую ставит себе этот класс, — коммунистическая революция; предварительное условие — захват пролетариатом политической власти, международная солидарность рабочего класса; указаны особенности социальных отношений в России — двойной гнет капитализма и помещичьего хозяйства, ближайшие задачи; указаны средства борьбы. В этом большая заслуга первой марксистской организации в России — группы «Освобождение труда». Однако Ленин подверг критике и этот проект, который не был свободен от некоторых неверных положений, в особенности в вопросе о роли крестьянства в революции.

Плеханов недооценивал роль крестьянства.

Во втором проекте программы группы сказано: «Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства» [2].

В 1890 г. Плеханов писал: «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации» [3].

---

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 511.
[2] Цит. по Ленину. Соч., т. II, стр. 618. Приложения.
[3] Плеханов. Соч., т. III, стр. 120.

Отрицая революционную роль крестьянства, руководство пролетариата крестьянской борьбой, Плеханов в 1891 г. писал: «Пролетарий и «мужичок» — это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка» [1].

Уже в 1895 г. между Лениным, с одной стороны, и Плехановым и Аксельродом, — с другой, наметились серьезные разногласия по вопросу об отношении к либералам. «Вы, — говорил Плеханов, — поворачиваетесь к либералам спиною, а мы — лицом».

Плеханов считал, что в России есть только две революционные силы — пролетариат и буржуазия. Таким образом, уже тогда в работах группы «Освобождение труда» формировались оппортунистические идеи. Ошибочные взгляды Плеханова были зародышем его будущих меньшевистских взглядов.

Особенно неправильны были взгляды Плеханова и группы «Освобождение труда» по вопросу о диктатуре пролетариата и гегемонии пролетариата. Деятели группы «Освобождение труда», и в первую очередь Плеханов, ставили вопрос о передовой роли пролетариата в революции, но понимали эту роль неверно. «Социал-демократы говорили, — писал Плеханов, — что социалистическая революция может быть совершена только силами пролетариата». Эта точка зрения совершенно противоположна точке зрения Ленина, который писал, что без свободного союза беднейших крестьян с пролетариатом непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование. Товарищ Сталин дает следующее объяснение отрицательному отношению партий II Интернационала и их вождей к союзникам пролетариата: «Оно объясняется прежде всего тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти; а кто боится революции, кто не хочет вести пролетариев к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции, — для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, неактуальным» [2].

Кроме того, Плеханов, стоявший впоследствии за соглашение пролетариата с буржуазией, не мог бороться за гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции, потому что гегемония пролетариата требовала борьбы с буржуазией, а не соглашения с ней.

Вместе с тем необходимо помнить, что 80-е годы были периодом ломки в России старых отношений, когда старое бесповоротно у всех на глазах рушилось, а новое только зарождалось, и это, конечно, нашло также отражение и в идеологии первых марксистских групп России. Было бы неправильно, ломая и искажая историческую перспективу, считать, что уже тогда группа «Освобождение труда» была вполне сложившейся меньшевистской группой.

---

[1] Плеханов. Соч., т. III, стр. 386.
[2] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 36, Изд. 11.

Каково историческое значение группы «Освобождение труда» и других марксистских групп 80-х годов?

Ленин отмечает, что «...в общем потоке народничества пролетарски-демократическая струя не могла выделиться. Выделение ее стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма (группа: «Освобождение Труда», 1883 г.) и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895—96 годов)» [1].

Огромное значение имело то, что начавшийся критический поворот от народничества к марксизму, после разгрома «Народной воли» царизмом, получил поддержку со стороны группы «Освобождение труда». В Россию стала проникать в большом количестве марксистская литература: произведения Маркса и Энгельса — «Коммунистический манифест», «Развитие социализма от утопии к науке», «Наемный труд и капитал», сборники «Социал-демократ» и целый ряд книг и брошюр, изданных марксистами.

Группа «Освобождение труда» была первой, но не единственной социал-демократической группой в этот период. Несомненно, появление социал-демократической литературы в России дало толчок к возникновению и других социал-демократических кружков. Параллельно с группой «Освобождение труда» и часто совершенно независимо от нее в этот период возникает ряд социал-демократических групп. Особенно большое значение имела возникшая в 1884 г. в Петербурге «Партия русских социал-демократов». По имени основателя своего,—впоследствии виднейшего деятеля болгарского рабочего движения Дмитрия Благоева, — она называлась также «группой Благоева». В 1884 г. эта группа выработала программу, организовала подпольную типографию и издавала журнал «Рабочий».

Группа эта вела пропаганду среди рабочих и в 1885 г. вступила в соглашение с группой «Освобождение труда». Группа не была свободна от ряда принципиальных ошибок, примерно таких же, как у группы «Освобождение труда». Послушаем, как сам Дмитрий Благоев определяет направление этой группы:

«Каковы же были первоначальные взгляды группы до окончательного соглашения с группой «Освобождение труда»? Не может быть никакого сомнения, что наши взгляды и программы чрезвычайно отличались от современных социалдемократических взглядов и программ. Они представляли смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите, с лавризмом... В основе наших взглядов и программы лежал общий принцип социалдемократии, а именно, что рабочий класс России должен выделиться в самостоятельную политическую партию, конечная цель которой должна состоять в преобразовании общества на социалистических началах, на коллективном владении средствами производства, что для приближения к этой цели рабочему классу России необходимо

[1] Ленин. Соч., т. XVII, стр. 342.

прежде всего добиться конституции и что в России конституционное управление останется мечтой до тех пор, пока не явится сильная рабочая партия с самостоятельными от буржуазии задачами. Поэтому, насколько помнится, в первой передовице № 1 газеты «Рабочий», писанной мною, настаивалось больше всего на том, что рабочим в России необходимо бороться, как за ближайшую задачу, за конституционное управление... Политическую свободу мы считали первым необходимым условием для того, чтобы можно было бороться для социалистического переворота. А этот последний мы представляли себе по Лассалю, то-есть через рабочие ассоциации, субсидируемые государством».

Деятельность остатков этой группы, разгромленной жандармами, продолжалась до 1887 года.

Почти одновременно с этой группой организовалась и действовала «группа Точисского». Основатель ее — Павел Людвигович Точисский в 1885—1886 гг. организовал в Петербурге «Общество содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочих». Проще — эта группа называлась «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». В идейном отношении эта группа дальше отошла от народовольцев, чем группа Благоева. Группа просуществовала до 1889 года.

На рубеже 80-х и 90-х годов создается замечательная социал-демократическая группа М. И. Бруснева. Эта группа как бы накапливала силы для организации, созданной уже в середине 90-х годов под руководством В. И. Ленина, — «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Не только в Петербурге, но и в других крупнейших рабочих центрах — в Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Екатеринославе, Казани в этот период возникают социал-демократические группы.

В Казани под руководством Николая Евграфовича Федосеева возник марксистский кружок, в котором получил свое первое марксистское воспитание основоположник нашей партии Владимир Ильич Ленин.

Подводя итоги деятельности Плеханова и созданной им группы «Освобождение труда», мы приходим к следующим выводам:

1. Плеханов, организатор этой группы, будучи еще народником, боролся против увлечения террором. На съезде партии «Земля и воля» он заявил, что переход к террору является изменой революционному делу.

2. Плеханов, будучи еще народником, придавал огромное значение пропаганде среди рабочих и считал, что рабочее движение стоит на голову выше движения народнической интеллигенции.

3. Плеханов, создав организацию «Черного передела», начал, хотя и непоследовательно, критику народнических взглядов на роль рабочего класса и значение политической борьбы.

4. Плеханов первый дал в России стройное изложение учения диалектического и исторического материализма в замечательной работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

5. Группа «Освобождение труда» Плеханова выполнила огромную роль по распространению идей марксизма и тем самым подготовила первые марксистские кадры.

6. Группа «Освобождение труда» нанесла в России первые удары народничеству и дала первую программу социал-демократической рабочей партии.

7. Группа «Освобождение труда» вела борьбу не только против народничества, но и против извращений марксизма в лагере марксистов, вела борьбу против легальных марксистов и против экономистов.

Мы указали на ряд существенных недостатков и ошибок в деятельности группы «Освобождение труда». Но не следует забывать, что и «...группа «Освобождение труда» и марксистские кружки того времени не были еще связаны практически с рабочим движением. Это был еще период возникновения и упрочения в России теории марксизма, идей марксизма, программных положений социал-демократии. Социал-демократия за десятилетие 1884—1894 годов существовала еще в виде отдельных небольших групп и кружков, не связанных или очень мало связанных с массовым рабочим движением. Подобно еще неродившемуся, но уже развивающемуся в утробе матери младенцу, социал-демократия переживала, как писал Ленин, «процесс утробного развития»[1].

«Основание русской соц.-демократии — главная заслуга Группы «Освобождение Труда», Плеханова, Аксельрода и их друзей»[2], — писал Ленин.

Как высоко ценил Ленин Плеханова, лучше всего видно из того, что Ленин писал в «Критических заметках по национальному вопросу» в 1913 г.: «Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова»[3].

«Группа «Освобождение труда» «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» [4], — указывал Ленин».

Задачу соединения марксизма с рабочим движением в России, а также исправления ошибок группы «Освобождение труда» разрешил великий основоположник нашей партии, гениальный мыслитель и мастер революции В. И. Ленин.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 17.
[2] Ленин. Соч., т. II, стр. 535.
[3] Ленин. Соч., т. XVII, стр. 143.
[4] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 17.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНА. ПЕТЕРБУРГСКИЙ «СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

I

Необходимо коротко напомнить некоторые основные моменты из жизни молодого Ленина.

Владимир Ильич Ульянов родился в 1870 г. в г. Симбирске, ныне Ульяновске. Лениным он стал называться позже, когда стал этим именем подписывать свои статьи и книги. Многие его статьи первого периода подписаны «Н. Ленин». Заметьте: Н. Ленин, а не В. Ленин. Лишь значительно позже он стал подписываться: В. И. Ленин. В 1887 г. Владимир Ильич поступил в Казанский университет. Этот год, 1887, когда он кончал гимназию, был для него в значительной степени и решающим годом в смысле определения его политического направления, его политического лица. В 1887 г. был казнен брат Владимира Ильича А л е к с а н д р У л ь я н о в, который участвовал вместе с целой группой народовольцев в организации убийства Александра III и был арестован как раз в момент его подготовки — 1 марта 1887 г. Вы помните, что и убийство Александра II произошло тоже 1 марта 1881 года.

Когда до Владимира Ильича дошла весть об аресте брата, то он, по словам близких, сказал: «Мы этим путем не пойдем, мы пойдем другим путем». Следовательно, в этот момент Ленин уже определял для себя и н о й п у т ь борьбы, чем путь народовольческого террора, на какой стал его брат. Путь Ленина был определен тем, что он уже в тот период был знаком с основными идеями Маркса. Некоторые данные указывают на то, что и Александр Ульянов неплохо знал «Капитал» и другие произведения Маркса, что на эту тему Владимир Ильич, будучи гимназистом, не раз беседовал со своим братом и становился убежденным социал-демократом. Александр Ульянов и вся его народовольческая группа стояли на перепутье. С одной стороны, Александр Ульянов считал правильными основные положения марксизма, с другой — признавал индивидуальный террор полезным и действенным средством борьбы. А вы знаете, что и марксистская группа «Освобождение труда» в своем первом проекте программы еще признавала террор, как средство борьбы с царизмом.

В 1887 г. Ленин, окончив гимназию, поступил в Казанский университет.

В университете Владимир Ильич принимал самое активное участие в революционных сходках, устраиваемых в виде протеста против режима, и через несколько месяцев был арестован. Вот что рассказывал он позже о своем разговоре с приставом, который отвозил его после ареста в тюрьму:

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена, — сказал ему пристав.

— Стена, да гнилая, ткни — и развалится, — ответил Владимир Ильич.

Ленин был исключен из Казанского университета и выслан в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани. Здесь он очень много читал, принялся основательно изучать «Капитал» Маркса. Это был 1888 год. Ленину тогда было 18 лет.

Осенью 1888 г. Ленин вернулся в Казань. Здесь он близко сошелся с членами марксистского кружка, который был организован очень видным тогда марксистом Н. Е. Федосеевым.

Федосеев был для своего времени образованным марксистом, он вел резкую полемику с народниками, опубликована его переписка с виднейшим теоретиком народничества Михайловским. Из этой переписки видно, что Федосеев отстаивал те самые взгляды, которые впоследствии Ленин развил в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Вот как Федосеев в марте 1894 г. в письме к Н. К. Михайловскому формулировал задачи русских социал-демократов:

«Русские марксисты в наличных материальных условиях экономического строя имеют почву для активной революционной деятельности.

Русские марксисты ближайшей целью своей деятельности ставят достижение политической свободы, в смысле гарантии социальных прав трудового населения.

Борьба за политическую свободу в этом смысле составляет общее дело пролетариата и крестьянства.

С момента организации революционной партии русские марксисты превращаются в политических вождей социалдемократической партии.

Программа этой партии не может быть копией с какой-либо из существующих или существовавших программ западно-европейских социалдемократических партий.

Она должна быть выработана сообразно с существующими социально-экономическими и политическими условиями русской жизни.

(Важнейшей ближайшей политической задачей этой программы должно сделаться уничтожение всех остатков старого феодального (крепостнического) режима как в государственных, так и в общественных отношениях).

Кардинальным пунктом программы и идеалом деятельности служит организация народного производства на базисе коллективного крупного машинного производства и ее (организации) логическое следствие—уничтожение классов и государственной власти.

Но на пути к достижению этого идеала русскому пролетариату, как и всякому другому во всех капиталистических странах, придется бороться за свои ближайшие экономические интересы (сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы (это у нас очень важно), уменьшение налогов, протест против милитаризма, протекционизма и пр.).

Экономические интересы русского пролетариата находятся в тесной связи с интересами класса мелких собственников. Поэтому борьба социалдемократической партии за ближайшие экономические интересы русского рабочего класса выразится, между прочим, в борьбе за возможное улучшение положения мелкого земледельца и кустаря (ослабление, смягчение процесса первоначального капиталистического накопления). Роль политических представителей социалдемократической партии будет заключаться, при этом, также в устранении всех попыток, ведущих к стеснению личности крестьянина и кустаря, которые имеют место в настоящее время и могут быть в будущем, во имя поднятия экономического благосостояния»[1].

В этом письме Федосеев ставит вопрос о завоевании политической свободы, т. е. о свержении царского самодержавия, о том, что должна быть создана партия, отличная от существовавших в Европе социал-демократических партий.

Вот об этом периоде, когда Ленин изучал «Капитал» Маркса, Анна Ильинична Ульянова-Елизарова, сестра его, рассказывает:

«Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. Помню его, как сейчас, сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находя новые пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников. Таких сторонников, молодых людей, изучавших также марксизм и революционно настроенных, он скоро нашел себе в Казани»[2].

Ленин оказал огромное влияние на передовую казанскую студенческую молодежь, он стал организатором революционно настроенной молодежи, помог ей стать на путь марксизма.

В следующем, 1889 г. Ленин переехал в Самару. Здесь он прожил около $4^1/_2$ лет. Вел большую теоретическую работу по

---

[1] Журнал «Пролетарская революция» № 1, стр. 197. М. 1933.

[2] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче, стр. 32—33. Молодая гвардия. 1935.

изучению марксизма, пропагандировал его среди самарской молодежи. Большое влияние в революционных кругах имел самарский марксистский кружок, члены которого не только изучали произведения Маркса, читали марксистские рефераты среди самарской молодежи, но и выезжали с докладами в Нижний-Новгород, Казань и другие города. Выезжал с этими докладами и Владимир Ильич.

Он усиленно в этот период изучал экономику России, рабочий и крестьянский вопросы, причем крестьянский вопрос Ленин изучал не только по книжкам. Живя в Кокушкино, он внимательнейшим образом изучал земельные отношения, взаимоотношения крестьян и помещиков. У Владимира Ильича накопился громадный материал — теоретический, статистический и личные наблюдения. Ленин изучал народничество во всех его проявлениях. К этому времени относится и знакомство Ленина с произведениями Плеханова и других членов группы «Освобождение труда».

В 1891 г. — 21 года Ленин был уже подготовлен к революционной деятельности. Он глубоко изучил Маркса, Энгельса, политическую экономию, историю революционного движения, рабочий и крестьянский вопросы. Он изучил хорошо три языка — французский, немецкий и английский, что давало ему возможность пользоваться разносторонней литературой, а впоследствии облегчало его деятельность в международном движении. В 1891 г. Ленин получил разрешение сдать экстерном за юридический факультет государственные экзамены при Петербургском университете. Экзамен он выдержал прекрасно. Это был его первый приезд в Петербург. Во время пребывания в Петербурге Ленин познакомился с рядом марксистов, игравших уже довольно видную роль в революционном движении.

Это был период увлечения революционной интеллигенции марксизмом и ожесточенной борьбы с народничеством. Вот как А. М. Горький в «Моих университетах» описывает одно из тогдашних подпольных собраний, на котором развертывается борьба с народническими взглядами. Горький на этом собрании знакомится с Федосеевым. «Молча перелезаем через забор, идем густо заросшим садом, задевая ветви деревьев, крупные капли воды падают на нас. Остановясь у стены дома, тихо стучим в ставень наглухо закрытого окна, — окно открывает кто-то бородатый, за ним я вижу тьму и не слышу ни звука.

— Кто?

— От Якова.

— Влезайте.

В кромешной тьме чувствуется присутствие многих людей, слышен шорох одежд и ног, тихий кашель, шопот. Вспыхивает спичка, освещая мое лицо, я вижу у стен на полу несколько темных фигур.

— Все?

— Да.

— Занавесьте окна, чтобы не видно было свет сквозь щели ставен.

Сердитый голос громко говорит:

— Какой это умник придумал собрать нас в нежилом доме?

— Тише!

В углу зажгли маленькую лампу. Комната — пустая, без мебели, только — два ящика, на них положена доска, а на доске — как галки на заборе — сидят пятеро людей. Лампа стоит тоже на ящике, поставленном «попом». На полу у стен еще трое и на подоконнике один — юноша с длинными волосами, очень тонкий и бледный. Кроме его и бородача я знаю всех. Бородатый басом говорит, что он будет читать брошюру «Наши разногласия», ее написал Георгий Плеханов, «бывший народоволец».

Во тьме на полу кто-то рычит:

— Знаем!

...Комнату наполняет глуховатый бас, отчетливо произнося слова.

— Ер-рунда, — снова рычит кто-то из угла...

В комнате гудят пониженные голоса, они сцепились в темный хаос горячих слов, и нельзя понять, кто что говорит. С подоконника над моей головой, насмешливо и громко спрашивают:

— Будем читать или нет?

Это говорит длинноволосый бледный юноша. Все замолчали, слышен только бас чтеца. Вспыхивают спички, сверкают красные огоньки папирос, освещая задумавшихся людей, прищуренные или широко раскрытые глаза...

Как-то сразу, неожиданно пресекается голос чтеца, и тотчас же комната наполнилась возгласами возмущения:

— Ренегат!

— Медь звенящая!..

— Это — плевок в кровь, пролитую героями.

— После казни Генералова, Ульянова...

И снова с подоконника раздается голос юноши:

— Господа, — нельзя ли заменить ругательства серьезными возражениями, по существу?..

Юноша, наклонясь с подоконника, спрашивает меня:

— Вы — Пешков, булочник? Я — Федосеев. Нам надо бы познакомиться. Собственно — здесь делать нечего, шум этот — надолго, а пользы в нем мало. Идемте?

О Федосееве я уже слышал, как об организаторе очень серьезного кружка молодежи...»[1].

Эта картинка довольно характерна для тогдашней провинции, когда шли очень горячие споры марксистов с народниками по поводу появившихся работ Плеханова, в особенности такой работы,

[1] М. Горький. Мои университеты. Соч., т. XVIII—XX, стр. 52—53. ГИХЛ, 1933.

как «Наши разногласия». Об одном таком столкновении марксистов с народниками рассказывает Анна Ильинична Елизарова-Ульянова. В январе 1894 г. в Москве Ленин участвовал в дискуссии с народником Воронцовым (В. В.) на нелегальной вечеринке, которая была устроена, по одним данным, на Воздвиженке где-то, а по другим данным — в доме Гирша на Малой Бронной, где тогда жило студенчество. Вот как рассказывает об этой вечеринке, на которой выступил Ленин, Анна Ильинична:

«Вечеринка эта имела место «в Гиршах» (дом Гирша, где-то на Бронных, кишевший тогда студентами). Квартира из трех, помнится, комнат была набита народом. Преобладало студенчество, но и интеллигентские кружки Москвы были сильно представлены...

Помню, что брат, тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischenruf'ов (реплик. — **Ем. Я.**), заставивших всех — большинство очень неодобрительно — повернуть головы в его сторону, а затем взял слово...

Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне. И враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него, как на серьезного противника. Надо сказать, что доклад читал тогда известный народник Воронцов, подписывавший свои статьи двумя буквами — «В. В.». Марксистское меньшинство ликовало, особенно после второго, в ответ солидному народнику, слова Владимира Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника... Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и, наконец, стушевался.

Марксистская часть молодежи торжествовала победу...

— С кем это я спорил? — спросил, по словам тов. Голубевой, Владимир Ильич, с которой он вышел в переднюю.

— Да с В. В.

Он страшно рассердился.

— Что же вы мне не сказали раньше? Если бы я знал, что это В. В., я бы спорить не стал, — сказал Владимир Ильич.

— Я помню тоже, — продолжает Анна Ильинична, — что диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которой Владимир Ильич переубедил и убедил и толкнул на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли

головы, а имя «петербуржца», разделавшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах»[1].

Этот факт не прошел и мимо полиции. Через некоторое время московские жандармы доносили в Петербург в департамент полиции об этой вечеринке. В донесении писалось, что на вечеринке выступал известный народоволец Воронцов. Местная группа марксистов, социал-демократов, которая там присутствовала, не имела достаточно солидного оппонента, но им помог приехавший в Москву какой-то молодой присяжный поверенный, Владимир Ильич Ульянов, и «я сообщаю об этом, — писал жандармский корреспондент, — чтобы за ним последить, — человек очень деятельный». С этого момента Владимир Ильич попадает под *особое наблюдение* жандармов.

Водовозов в своих воспоминаниях впоследствии писал, что в вопросах политической экономии и истории знания Ленина поражали солидностью и разносторонностью. Ленин в 21 год производил уже впечатление человека политически вполне законченного и сложившегося.

Владимир Ильич приехал в Петербург, когда в революционных кружках марксизм пользовался довольно большим успехом. Это был 1893 год. Влияние народничества в значительной степени было подорвано. Некоторые народовольческие кружки вели работу среди рабочих и сами искали связи с марксистами для того, чтобы с ними сговориться о совместной работе. Например, один из виднейших потом большевиков товарищ Михаил Степанович Ольминский (Александров) считался в то время народовольцем, но настолько уже отошел от народовольцев и сблизился с марксистами, что ему дали возможность работать в одном из кружков, организованном марксистами.

Владимир Ильич производил на всех, с кем он сталкивался, очень глубокое впечатление. Г. М. Кржижановский, бывший в то время одним из пропагандистов марксистских кружков, рассказывает, что «...уже первые рефераты Ленина при его появлении в Петербурге в 1893 г. производили на нас неотразимое впечатление. Никто из нас не умел с таким совершенством применять глубокое знакомство с Марксом к волновавшим нас всех вопросам российской экономики. Никто из нас не был знаком в такой степени с первоисточниками изучения этой экономики, с богатейшим материалом нашей земской статистики. Никто из нас не мог соперничать с ним по широте и глубине классового анализа действующих сил».

Воспоминания другого члена Петербургского кружка марксистов В. В. Старкова, впоследствии видного члена петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», также рисуют молодого Ленина как стоявшего на голову выше остальных его сотоварищей.

---

[1] На заре рабочего движения в Москве. А. И. Елизарова. «Первое выступление В. И. Ленина», стр. 144—145. Изд. Политкаторжан. 1932.

Владимир Ильич, — писал Старков, — «...появился в Петербурге (в 1893 году) тогда, когда мы сравнительно еще маленькой группой начали работу по пропаганде среди питерских рабочих и в интеллигентских кругах. На меня и на всех моих товарищей по работе Владимир Ильич с самого начала произвел глубочайшее впечатление. Во-первых, я должен сказать, что все мы, несмотря на юный возраст, были большими книжниками в смысле теоретической научно-литературной подготовки. К этому вынуждали нас условия нашей работы. Нам — юнцам, адептам нового общественно-революционного течения, приходилось при нашей работе, при борьбе за сферу влияния, сталкиваться с корифеями русской общественной мысли, обладающими большим научным багажом. Это вынуждало и нас, в свою очередь, быть хорошо подкованными. И, тем не менее, Владимир Ильич поразил нас всех, хотя он был таким же юнцом, как и все мы, тем литературным и научным багажом, которым он располагал. Особенно резко проявилось это при наших дискуссиях с Струве, Потресовым и инженером Классоном. Указанные лица, вскоре после появления в наших рядах Владимира Ильича, образовали группу легальных марксистов, которая изъявила готовность попробовать договориться с нами о совместной легальной литературной деятельности. Струве, выпустивший к этому времени уже свою первую книгу и выступавший не раз на публичных собраниях и диспутах в качестве марксиста, пользовался уже довольно большой известностью, как широко и всесторонне образованный марксист. От нашей группы на диспут с группой легальных марксистов были намечены Владимир Ильич, я и умерший, если мне память не изменяет, в 1910 году С. И. Радченко. Диспут длился несколько дней, и хотя он кончился соглашением о совместном издательстве (один сборник был выпущен), но в прениях выяснилось такое глубокое расхождение во взглядах, что если бы даже это дело не было насильственно приостановлено нашим арестом и ссылкой в Сибирь, то все равно на длительное существование этого начинания рассчитывать было бы нельзя. Расхождение касалось, главным образом, методов работы. Мы настаивали на необходимости и неизбежности борьбы чисто революционными методами, отводя подчиненную роль легальной литературной работе. Наши противники, наоборот, старались доказать нам, что революционная работа при данных условиях является не только невозможной, но и вредной впредь до основательной обработки общественного мнения путем легальной литературы. Споры доходили до самых глубин исторических и экономических проблем и в конечном счете велись почти исключительно между Струве и Владимиром Ильичем, при чем, полагаю, Струве был не меньше нас поражен глубиной и всесторонностью познаний Владимира Ильича в этой области. А между тем Владимиру Ильичу в это время было всего 22—23 года. Затем при этих диспутах Владимир Ильич поразил нас всех, в том числе и Струве, своей поразительной трудоспособностью. Бывало не раз так, что Струве оперировал при спорах каким-либо литературным материалом (обыч-

но иностранным), неизвестным Владимиру Ильичу. В таких случаях Владимир Ильич забирал томы материалов у Струве или находил их в публичной библиотеке и на следующее заседание, всего лишь через один или два дня, являлся во всеоружии, вполне владея этим материалом и давая нам блестящий и глубокий анализ его. Думаю, что и Струве и Потресов до сих пор не забыли этих диспутов.

Затем, не меньше, чем теоретической подготовленностью, Владимир Ильич поразил нас также практической зрелостью и, я бы сказал, трезвостью мысли. Это последнее свойство его ума особенно резко подчеркивается его принципиальной прямолинейностью и неуступчивостью, доходящими до «твердокаменности», как со временем стали говорить...

И наконец, в-третьих, Владимир Ильич поражал революционным пылом и даже некоторым задором, а также беззаветной преданностью делу революции... Пыл и задор, с которыми Владимир Ильич пускался в бой со сторонниками противных течений, были неиссякаемы. Я помню один случай, когда мы с Владимиром Ильичем, в бытность нашу зимой 93—94 года в Москве, попали на одно большое нелегальное собрание с огромным преобладанием на нем народовольцев и народников. Надо заметить, что Москва в то время вообще значительно отставала от Питера в развитии социал-демократического умонастроения. Там продолжали еще главенствовать народовольцы и народники. Владимира Ильича в частности там совершенно еще не знали. После того, как народники и народовольцы (в том числе, помнится, и Чернов) наговорили кучу красивых фраз о социализме, внезапно выступил, с присущей ему скромностью, Владимир Ильич и начал с того, что здесь много говорят о социализме, но прежде чем говорить о социализме, надо сначала условиться, что следует понимать под ним, а дальше — и пошел, и пошел. Я с своего места наблюдал, какое впечатление его речь производит на слушателей и видел, что они совершенно опешили и долго не могли притти в себя. На другой день те мои знакомые, через которых нам удалось попасть на это собрание, говорили мне, что такой бешеной страстности и внутренней стойкости и убежденности им не только не приходилось видеть, но они и не представляли себе возможным ничего подобного. На-ряду с этим они должны были отметить, что и такой стальной логики им также не приходилось встречать. Этим замечанием они подчеркнули еще одно разительное свойство. Владимир Ильич никогда не терял логической нити своих рассуждений и всегда полностью владел собой. Недаром Владимир Ильич был хорошим шахматным игроком. При дальнейшей своей работе в гораздо более крупном мировом масштабе Владимир Ильич не только не потерял этих свойств своей натуры, но, наоборот, развил и проявил их до чрезвычайности.

Этого человека, непрерывно горящего пламенем революции и непрерывно переваривающего в своем мозгу все, что может иметь хотя бы косвенное отношение к поставленной им себе цели, я ви-

дел и на маленьких пропагандистских рабочих собраниях, и в рабочих кружках. Надо было видеть, с каким огромным терпением и чуткостью к уровню понимания слушателей он развивал им теорию Маркса о стоимости и об основах буржуазного строя. И, надо сказать, рабочие платили ему за это данью огромного уважения и любви»[1].

II

Что же тогда представляли собою марксистские кружки?

В Петербурге их было около 20. В кружках были уже виднейшие рабочие-марксисты, начитанные, образованные, знакомые с западноевропейским рабочим движением. Напомню вам, что уже в 1891 г. в Петербурге состоялась довольно большая маевка рабочих. В этой первой маевке участвовало около 200 рабочих, и на ней рабочие-марксисты — Афанасьев, Климанов, Богданов, Прошин произнесли свои первомайские речи, которые потом, отпечатанные и распространенные по всей России, имели громадное значение для поднятия политического самосознания рабочих.

Но кружки еще были чисто пропагандистскими, с массовым рабочим движением они были мало связаны. Это был период кружковщины, пропаганды марксизма среди узкого круга революционеров, причем нередко эти кружки носили в значительной степени общеобразовательный, культурнический характер.

Я познакомлю вас с программой одного такого кружка, найденной жандармерией у Бруснева:

«1. Научиться читать, писать и считать. (Для того времени это было очень важно. Грамотных рабочих тогда было мало, в марксистские кружки вступали и такие рабочие, которые не умели читать).

2. Химия, физика, ботаника, зоология, физиология, анатомия, гигиена; вкратце — геология, космография и астрономия. Разные теории образования земли и происхождения вселенной.

3. Теория Дарвина. Теория происхождения и развития организмов и происхождения человека.

4. История культуры. Период дикости и период варварства. Жизнь человека во время каждого из этих периодов: его пища, занятия, семья, обычаи, законы, верования, собственность, тогдашний полный коммунизм и общественная жизнь и эволюция всего этого. Развитие и эволюция власти, религии, нравственности, семьи и собственности. Зависимость всех сторон жизни человека от экономического положения.

Период цивилизации. Такое же, но только более подробное изучение этого периода, с присоединением политической истории

---

[1] В. В. Старков. Воспоминания о В. И. Ленине (Ульянове). «Красная Новь», № 8, стр. 109—112. Октябрь. 1925.

древних и новых народов и при этом всей эволюции всех сторон жизни русского народа — особенно русской истории. История науки, философии, открытий и изобретений.

5. Политическая экономия. История развития форм организации труда (рабство, феодализм, капитализм, неизбежная эволюция последнего по направлению к коллективизму). История политической экономии.

6. Положение и история крестьян в России и на Западе. Община, артели, наделы, продовольствие и налоги. Банки — крестьянский и дворянский, переселение, раскол и сектантство.

7. Положение рабочего класса в России и на Западе. История рабочего движения в связи с теориями различных реформаторов. Паллиативы в рабочем вопросе (потребительные и строительные общества и пр.) и фабричное законодательство.

8. История общественных движений в Европе и полнейшая, подробнейшая — в России. Современное положение и значение всех классов в России (дворянство, духовенство, буржуазия, крестьянство и рабочие; бюрократия, войско, правительство).

9. Экономическая политика и ее история на Западе и в России. Сущность социализма.

10. Полная, подробная и точно, определенно обоснованная программа-минимум требований для данного времени».

Представьте себе, сколько нужно было времени, чтобы по этой программе в кружке основательно познакомиться со всеми вопросами. Конечно, эта программа рассчитана была на самостоятельное чтение рабочего. Каюсь перед вами, — мне эта программа попала тоже в конце 90-х годов, и я начал по ней заниматься в социал-демократических кружках и убедился, что довести эту программу до конца можно по крайней мере в несколько лет. Но это был период, когда считали, что необходимо подготовить всесторонне подкованных интеллигентных рабочих, которые разбирались бы в самых разнообразных вопросах, могли бы ответить на них и представляли бы из себя квалифицированную силу, знакомую не только с ходом рабочего движения, политической экономией, но и с вопросами культуры, истории, естественных наук и т. п.

В середине и особенно во второй половине 90-х годов происходили горячие споры о необходимости перехода от пропаганды к агитации. Когда Владимир Ильич приехал в Петербург, он скоро убедился, что такая программа пропагандистских кружков обрекает эти кружки на отрыв от рабочей массы, создает очень квалифицированную верхушку рабочих, но оторванную от общей массы, стоящую высоко над ней. В этот период некоторые рабочие имели даже собственные библиотеки по 500, 600 и даже 1 000 томов книг, подбирали годами эти библиотеки, дорожили ими, но от непосредственного рабочего движения стояли довольно далеко.

Владимир Ильич считал, что необходимо от этой кружковой пропаганды перейти к массовой агитации. Переход к массовой аги-

тации расценивался многими как ошибочный, опасный шаг: еще не подготовили, мол, кадров по-настоящему, еще не создали партийной организации, а уже хотите переходить к массовой агитации, — провалите эти кружки и тем самым отдалите создание рабочей партии, — так рассуждали противники перехода к массовой агитации.

Владимир Ильич указывал, что не в кружках, а только в процессе участия в массовой борьбе будут вырабатываться вожаки партии.

Один из замечательнейших революционеров того времени Ювеналий Мельников, работавший в Харькове, очень образно формулировал необходимость перехода от пропаганды к агитации. Он говорил: «Лучше поднять массу на один дюйм, чем одного человека на второй этаж». Это была замечательная формулировка для перехода от пропаганды к агитации. Конечно, можно было поднять десятки рабочих «на 2—3-й этаж» знания, но массу поднять можно было только злободневной политической агитацией.

Тахтарев, один из участников петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», впоследствии ставший на путь «экономизма», рассказывал:

«Весной и в начале лета 1895 года уже громко раздается протест: «Довольно кружковщины!». «У нас есть достаточное количество личностей, можно и пора перейти к агитации!». После годичного мира опять начались пререкания.

— К чорту кружки! Они создают лишь умственных эпикурейцев. Нужно взамен их собирать маленькие собрания из рабочих от разных мастерских данного завода, а также представителей от соседних фабрик. На этих собраниях нужно выяснять и обсуждать свое положение, записывать о положении дел там и здесь, собирать материалы... Надо, по примеру поляков, возможно шире распространять литературу, прямо раскидывая ее по мастерским.

Так говорили одни, поддерживаемые социал-демократами интеллигентами, впоследствии положившими начало петербургскому «Союзу Борьбы за Освобождение Рабочего Класса».

Другие же продолжали держаться кружков. Споры продолжались все лето и затянулись до осени. Споры велись и среди интеллигенции, работавшей среди рабочих. Наконец, осенью 1895 года большинство пришло к такому соглашению: кружки можно сохранить, но тактику следует изменить сообразно назревшим потребностям времени. Надо начать агитацию, собирая рабочих соседних фабрик, а также устраивая собрания представителей разных рабочих районов. Надо на этих собраниях обсуждать общее и частное положение рабочего дела. Надо разбрасывать литературу в возможно большем количестве. Кружки остаются, но значение их изменяется. Весь смысл их отныне — служить школой для подготовки сознательных и образованных агитаторов. Вне этой задачи кружки не имеют значения. Для агитации необходимы агитаторы, для выработки последних — кружки. Зна-

чит, кружки должны служить целям агитации»[1]. Говоря об опыте поляков, Тахтарев имел в виду опыт «Союза польских рабочих», который уже перешел к массовой политической и экономической агитации. Большое влияние на переход от узко-кружковой пропаганды к массовой агитации оказала брошюра Кремера «Об агитации», которая была распространена в северо-западных губерниях России.

Переход от пропаганды к агитации был серьезным поворотом в жизни рабочих организаций; перед марксистами стояла задача соединить рабочее движение с марксизмом. Под руководством Ленина «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», организованный им в 1895 г., начал осуществлять соединение социализма с рабочим движением.

III

Для того, чтобы понять характер рабочего движения, на основе которого и развивался Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», необходимо осветить социально-экономическую обстановку, подготовившую массовое движение 1895—1896 годов.

Восьмидесятые годы были годами революционного затишья. В течение 80-х годов революционное движение не проявляло себя открыто, если не считать отдельные стачки рабочих. Царское самодержавие, казалось, спокойно шагало по окровавленному историческому пути, классовая борьба во второй половине 80-х годов как будто на некоторое время стихла. 80-е годы считались годами безвременья. Впоследствии в литературе слово «восьмидесятник» было почти ругательным словом. Оно означало отход от революционных позиций, отказ от революционной борьбы. Конечно, при этом имелся в виду не рабочий класс, а та интеллигенция, которая активно участвовала в революционном движении (70-е и начало 80-х годов), а затем отошла от революционной работы.

90-е годы представляют в этом отношении совершенно иную картину. В 90-х годах происходит огромный сдвиг в рабочем классе и в других слоях общества. Затишье уступает место волнениям. Появляются буревестники революции 1905 года. В тот период главные противоречия, вызванные реформой 1861 г. и развивающимся капитализмом, обостряются под влиянием двух обстоятельств: с одной стороны — голода 1891 года, а с другой стороны — некоторого подъема промышленности и в связи с этим развития стачечного движения. Голод в 1891 г. не был чем-то необычным для России. Голодовки в России бывали периодически почти каждые 10 лет. На этот раз около 30 губерний с населением до 40 миллионов — Поволжье, отчасти Урал и Центральная Россия — были охвачены ужасным голодом. Это не был неурожай, недоедание,

[1] Тахтарев. Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 гг., стр. 44. Изд. «Прибой». 1924.

это был настоящий, в буквальном смысле слова, голод. Корреспонденты писали, что вначале ели лебеду вместо хлеба, потом и лебеды уже не стало, а впереди был страшный, голодный, холодный год. Ни картофеля, ни капусты, ни огурцов не было. Скотину кормить было нечем, не было ни мякины, ни соломы, даже побираться итти некуда, потому что кругом были такие же голодные «Нееловки, Голодаевки, Неурожайки — тож». Вместе с голодом развился голодный тиф. Появилась холера.

Этот голод не был случайностью, потому что вся политика правительства, вся система помещичьей эксплоатации вели к неизбежности частых голодовок. Подати, налоги в этот голодный год не только не были убавлены, но, наоборот, собирались со всей жестокостью.

Как собирались подати, видно по сообщению из Курской губернии: волостной старшина Польшин при собирании недоимок в случае, если крестьянин почему-либо не платит добровольно, для побуждения его к уплате практиковал следующее: по его приказу сотские разували плательщика и, повесив ему на шею лапти и онучи, привязывали самого к гвоздям, вбитым в стену, за руки, задом к ней; затем лили на голову воду.

В эти годы страшного разорения крестьян земли переходили в руки кулаков, скупщиков, купцов. Расслоение деревни все больше и больше усиливалось. Вот, например, данные, характеризующие распределение частной (не надельной) земли в 80—90-х годах: дворяне в 1887 г. имели 68,25 проц. всей земли; в 1900 г. — 52,94 проц.; крестьяне в 1887 г. имели 13,15 проц., в 1900 г. — 19 проц. Как будто бы крестьянам перешло 6 проц. всей земли. На самом деле, кто приобретал эту землю? Землю скупали кулаки, купцы и богатые мещане. Купцы и мещане имели в 1887 г. 18,60 проц. всей земли; в 1900 г. — 27,56 проц.

Таким образом, довольно значительное количество земли перешло в руки кулаков, купцов и мещан. В деревне образовался громадный слой безработных, безземельных, разорившихся крестьян, которые уходили в города.

Капитализм в этот период развивался очень интенсивно, росло число крупных фабрик и заводов, росло число рабочих. В абсолютных цифрах развития промышленность России еще значительно отставала от Европы, но если взять темп этого развития, то Россия обогнала в этот период не только Европу, но и Соединенные Штаты Америки, хотя, как известно, американский темп развития вошел в России в поговорку.

Общая производительность промышленности в 1 300 млн. руб. в 1887 г. выросла до 3 200 млн. руб. в 1900 г., то-есть почти в два с половиной раза. Число промышленных рабочих точно так же очень быстро увеличивалось. Количество металлистов со 193 000 в 1890 г. возросло до 396 000 в 1900 г., т. е. выросло больше чем в два раза за 10 лет. Количество каменноугольных рабочих с 40 000 в 1890 г. возросло до 70 000 в 1898 году.

Но еще быстрее происходила концентрация производства. Товарищ Сталин отмечает это как одно из важнейших обстоятельств, оказывающее влияние на развитие революционного движения в России. Количество крупнейших предприятий с числом рабочих более 1 000 с 1890 г. до 1900 г. возросло на 141,5 проц., тогда как количество средних предприятий с числом рабочих более 500 чел. увеличилось на 96 проц., а количество мелких предприятий с числом рабочих более 100 возросло только на 54,3 проц.

Таким образом, быстро росли самые крупные предприятия, медленнее шел рост средних предприятий, еще меньше росли мелкие предприятия.

Позвольте привести еще некоторые данные, которые показывают качественный рост русской промышленности. В 1887 г. предприятий, зарегистрированных фабричной инспекцией, в России было 30 888, — возьмем круглые цифры — 31 тыс., в 1897 г., т. е. через 10 лет, — 39 тыс. Значит, 8 тыс. предприятий выросло за 10 лет.

Стоимость продукции в 1887 г. была 1 334 млн. руб., в 1897 г. — 2 839 млн. руб. Число рабочих в 1887 г. — 1 380 тыс. и в 1897 г.— 2 098 тысяч.

Таким образом, количество предприятий выросло за это 10-летие на 26 проц., стоимость продукции — на 112 проц., тогда как число рабочих выросло всего на 59 проц. Налицо был уже не только количественный рост предприятий, но росла и производительность труда рабочих на этих предприятиях. Шло качественное усиление русской промышленности. Спор о том, может ли Россия миновать капиталистический путь развития, к этому времени уже потерял всякое значение.

Энгельс в 1892 г. писал Николаю-ону (переводчику «Капитала» Маркса): «...я решительно не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались в чем-нибудь от того, что мы видим или видели в Англии, Германии и Америке...»[1]. Тем более верны эти слова для конца XIX столетия.

Таким образом, вся экономическая обстановка в России вела не к ослаблению классовой борьбы, а к ее усилению. Концентрация производства — собирание огромной массы рабочих на крупнейших фабриках и заводах — вела к тому, о чем писал Маркс в «Капитале»: капиталист, собирая на своих громадных фабриках тысячи и десятки тысяч людей, подвергая их беспощадной эксплоатации, ставит перед всеми этими тысячами людей вопрос о том, кто же является виновником их угнетенного положения. Капитализм порождает, помимо своей воли, могильщика буржуазии.

В 80-х годах происходил ряд очень важных стачек, например, Орехово-Зуевская стачка в 1885 году; но стачки в 90-х годах очень сильно отличались от стачек в 70—80-х годах.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 322. Партиздат. 1932.

Ленин в «Что делать?» так определяет эту перемену: «Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX-го века), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное как зачаточную форму сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали ...не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем борьбой. Стачки 90-х годов показывают нам гораздо больше проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой трэд-юнионистской (то-есть профессиональной. — **Ем. Я.**), но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т.-е. сознания социал-демократического. В этом смысле, стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто-стихийным» [1].

Высшей точки развития это движение достигло в 1896 г., когда стачками было охвачено в одном Петербурге более 30 тыс. рабочих. И на этот раз, как и в 80-х годах, это были главным образом стачки текстилей. Орехово-Зуевская стачка 1885 г. — стачка текстильщиков. Через 10 лет — в 1895 г. — знаменитая стачка на Корзинкинской мануфактуре в Ярославле. Рабочих расстреливал Фанагорийский полк, получивший благодарность от Николая II, назвавшего их «молодцами-фанагорийцами». Стачки в Петербурге в 1895—1896 г. охватывают также главным образом текстилей.

Об этом годе так, например, писал петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в своей прокламации:

«Мы с гордостью можем сказать, что нам его стыдиться нечего. Этим годом начинается новая пора в жизни русского рабочего класса, этот год борьбы есть первый блеснувший луч после долгих лет каторжного труда и скотской, рабской жизни. Целый

[1] Ленин. Соч., т. IV, стр. 384.

год почти непрерывных волнений и стачек, особенно же две огромные стачки текстилей и прядильщиков, следовавшие одна за другой, распространили славу о петербургских рабочих далеко за пределы России».

Это был период, когда не только в теории, а на деле началось соединение марксизма с рабочим движением, т. е. рождалась партия рабочего класса, рождалась социал-демократия. Ленин, определяя значение группы Плеханова, группы «Освобождение труда», говорил, что это была социал-демократическая организация вне связи с рабочим движением, без прямой связи с рабочим движением.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» означает новую ступень в развитии рабочего движения. Это уже соединение социализма с рабочим движением, это уже рождение рабочей партии, связанной с рабочими массами.

Петербургский «Союз борьбы» поэтому начинает новый период в развитии социал-демократического движения, когда социал-демократия приступает к непосредственной практической работе в рабочих массах.

Одно время, когда обращались к Плеханову с просьбой об издании массовой литературы для рабочих, он прямо, по-честному, отвечал: у нас еще сил нет для того, чтобы мы сейчас занялись этим изданием. А Петербургский «Союз борьбы» уже непосредственно должен был подойти к этому. И Ленин писал впоследствии об этом периоде: «Разве эта организация не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства, не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из соединения социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата?» [1].

Необходимо отметить, что состав тогдашних руководителей Петербургской организации, именно состав Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» отличался очень высоким теоретическим уровнем. Я уже вам говорил о том, как был подготовлен Владимир Ильич, и приводил вам воспоминания об этом В. Старкова и других современников.

Вот что Надежда Константиновна Крупская, которая была тогда членом Петербургского «Союза борьбы», вспоминает об этом периоде:

«Членов ее связывала полная идейная солидарность. Взгляды свои эта группа окончательно оформила в борьбе с народниками. Прежде чем она сформировалась в активную группу, члены ее прошли довольно основательную марксистскую школу. Правда,

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 182.

большинство читали только первый том «Капитала», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, — и то последнее читали в рукописи, — но 1-й том «Капитала» знали на зубок... На зубок! Прямо завидуешь, вот как знали первый том «Капитала»!

...Лучше были подкованы Ленин и Мартов. По рукам ходили желтенькие гектографированные тетрадки «Друзья народа», написанные Лениным и критиковавшие Михайловского, В. В. Кривенко» [1].

Петербургский «Союз борьбы» развил самую энергичную агитацию. Рабочих газет не было, но зато стали издавать по самым разнообразным поводам массовые листки. В списке министра юстиции Муравьева имеются указания на 58 листков. Я выписал только часть названий этих листков:

1. «Что такое социалист и политический преступник».
2. «К товарищам-рабочим».
3. «Ко всем петербургским папиросницам».
4. «Ко всем петербургским рабочим».
5. «Требование ткачей на фабрике Лебедева».
6. «К рабочим Путиловского завода».
7. «К прядильщикам фабрики Кенига».
8. «К рабочим и работницам фабрики Торнтона».
9. «Чего требуют ткачи».
10. «К рабочим Резво-Островской мануфактуры А. П. Воронина».
11. «К рабочим Калининской бумаго-прядильной фабрики».
12. «К оружейникам Сестрорецкого завода от союза рабочих в Петербурге».
13. «Товарищам-рабочим Александровского чугунного завода».
14. «Рабочий праздник 1-го мая».
15. «К рабочим завода Феникс».
16. «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен».
17. «К рабочим всех петербургских бумагопрядилен».
18. «К рабочим Невской писчебумажной фабрики Варгунина».
19. «К русскому обществу».
20. «К рабочим Балтийского завода».
21. «К рабочим фабрики Паля».
22. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса — царскому правительству».
23. «К рабочим Екатерингофской мануфактуры».
24. «К рабочему населению С.-Петербурга».
25. «Рабочим Кожевниковской мануфактуры».
26. «К рабочим Нового Адмиралтейства».
27. «Речь товарища на всемирном рабочем празднике 1 мая».
28. «Письмо к рабочим по поводу нового закона о длине рабочего дня».

---

[1] Н. К. Крупская. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Журнал «Творчество». М. 1920.

29. «К рабочим бумагопрядильной фабрики Зотова в гор. Костроме».
30. «К рабочим и работницам российско-американской резиновой мануфактуры».

В распоряжении института Ленина имеются копии еще 17 прокламаций того же периода, не вошедших в этот список.

Этот список показывает громадный размах революционной деятельности Петербургского «Союза борьбы». Оправдывались слова Ленина, что сила передового авангарда может быть в сто и в тысячу раз больше его численности при определенных условиях: если этот авангард опирается на революционную теорию, если он связан железной партийной дисциплиной и если он связан с широкими массами. Эти три условия были налицо: была хотя и узкая организация, но организация, связанная железной партийной дисциплиной. Это была организация, опирающаяся на революционную теорию марксизма. Это была организация, которая быстро связалась с самыми широкими массами. В этом — огромное значение петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в этом — значение того перехода от пропаганды к агитации, который был произведен Лениным.

Вот как Тахтарев рассказывает о громадном впечатлении, которое производили эти листки:

«Надо заметить, что репутация Союза гремела по всему Петербургу и о листках шли разговоры по всем фабрикам. Рабочие тех фабрик, где не было никого, кто бы имел сношения с Союзом, молили всех богов, чтобы и к ним как-нибудь проникли «студенты» со своими листками.

Вот как сами рабочие описывают день первого появления листков на какой-нибудь фабрике: «С самого утра начинается необычное праздничное оживление. «Листки!» — слышится то шопотом, то вполголоса. Тут и там кучки, происходит чтение вслух. Кучки делаются все гуще и гуще. «Ловко!», «Так, так!», «Совершенно верно!» и другие возгласы прерывают чтение. «К директору! Послать к директору!» Но... посылать не приходится. Заводские ищейки уже все пронюхали и донесли, кому следует. Начинается переполох. Мастера, директора, хозяин — все приходит в движение. Посылаются гонцы во все стороны — к жандармам, в полицию, к фабричному инспектору. Впрочем, последние иногда даже предупреждают приглашение, ибо Союз потом усвоил обыкновение рассылать листки по почте фабричным инспекторам, в жандармское управление и градоначальнику, иногда министрам...

— Вы подумайте, какие у нас времена-то! — рассказывал рабочий. — Раньше мы работали-работали, свету не видели. Своими глазами видишь, как надувают, а что поделаешь? Теперь не то! Теперь как приедет инспекция, да полковник, да начнут везде нюхать—администрация-то на цыпочках заходит. Чудно! Прежде там и тут видишь прижимку, фальшь — внимания не обращаешь, при-

выкли! А теперь малый мальчишка пархатый, и тот везде все заметит да подметит. В Союз, слышишь ли, говорит, надо дать знать.

— Кто же распространяет листки?

— Студенты, надо полагать. Дай, господи, доброго здоровья тем людям, которые эти листки печатают.

И рабочий истово перекрестился»[1].

Необходимо остановиться на одной подробности из жизни Владимира Ильича в тот период. Я говорю о его поездке за границу. Весной 1895 г. он простудился, заболел воспалением легких. Когда Ленин выздоровел, ему разрешили поехать за границу. Там Ленин встретился с членами группы «Освобождение труда» Плехановым, Аксельродом и др. В своих воспоминаниях Аксельрод, впоследствии ставший меньшевиком, писал, что эта встреча с Лениным и разговор с ним являются лучшим воспоминанием из того периода. Ленин произвел на членов группы «Освобождение труда» сильное впечатление. Но вскоре разговоры с Лениным убедили Плеханова и Аксельрода, что на некоторые вопросы они смотрят по-иному, в особенности на вопрос о либералах. По вопросу о либералах в разговоре с Лениным Плеханов прямо говорил, что «вы поворачиваетесь к либералам спиною, а мы поворачиваемся к ним лицом».

Это было очень существенное разногласие, в основе которого лежало различное понимание движущих сил революции. Чем были русские либералы? Это была либеральная буржуазия, на которую Плеханов рассчитывал, как на союзника пролетариата. Плеханов считал ее одной из движущих сил революции. Он писал, что «кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации». Это был источник его будущих меньшевистских ошибок. Впоследствии действительно меньшевики поворачиваются лицом к либералам, подают им руку, заключают с ними соглашение и скатываются вместе с ними в яму контрреволюции.

Ленин учил нас не доверять буржуазии, хотя бы и архилиберальной, он «поворачивался спиной к либералам».

Эти две тактики в революции по отношению к либеральной буржуазии намечаются уже в тот период.

Возвратившись в Россию, Ленин побывал в Москве, объехал ряд городов — Вильно, Орехово-Зуево, повидался с марксистами, наметил издание «Рабочей газеты». Ленин подготовлял объединение различных организаций в России.

Стачки 1895—1896 гг. в значительной степени были подготовлены деятельностью Ленина в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В ночь с 20 на 21 декабря 1895 г.,

[1] Тахтарев. Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 гг., стр. 55—56. Изд. «Прибой». 1924.

44 года назад, Владимир Ильич был арестован — как член Петербургского «Союза борьбы».

Очутившись в тюрьме, Ленин не прекратил своей революционной работы. Он прежде всего связался через своих родных и знакомых с волей, получал огромное количество книг в тюрьму для работы и вел переписку. Там он начал свою замечательную работу «Развитие капитализма в России», в значительной степени там же был разработан план этой работы, много было сделано пометок при чтении различных статистических сборников. В тюрьме Ленин приводил накопленные знания в порядок.

В тюрьме же была написана им брошюра «О стачках» и листовка «Царскому правительству». Здесь же в тюрьме был разработан им и первый проект программы рабочей партии, который он написал молоком на листках медицинской книги и послал на волю. (Тогда разрешалось получать в тюрьму научные книги и возвращать их обратно. Этим многие революционеры пользовались для переписки).

Владимир Ильич делал из хлеба маленькие чернильницы, наливал в них молоко и писал. Когда сзади открывался глазок — волчок тюремной двери, он чувствовал (у заключенного вырабатывается такая привычка, что слышишь малейший шорох) Владимир Ильич моментально проглатывал чернильницу. В одном письме он писал: «Сегодня съел шесть «чернильниц».

Здесь же Ленин занимался и более глубоким изучением иностранных языков. Очень интересный совет дал он своему брату — Дмитрию, который тоже сидел в тюрьме. Ленин ему советовал сначала переводить с русского языка на иностранный, а потом этот перевод снова перевести на русский язык, уничтожив первый текст. Владимир Ильич говорил, что это очень помогает усвоению иностранного языка.

Ленин очень строго распределил свой день, установил режим дня: гимнастика, прогулка по комнате, так что даже в тюрьме он всегда был бодрый, жизнерадостный и уверенный в победе.

Особенно сильное впечатление произвел на рабочие массы первомайский листок, написанный Лениным в тюрьме. Его удалось напечатать в количестве 2 тыс. экземпляров, — для того времени это был очень большой тираж. Вот что писалось в этом листке: «Союз распространяет листки, при виде которых трепещут сердца хозяев и их верных прислужников властей. Не листки им страшны, а возможность нашего дружного сопротивления, появления нашей могучей силы, которую мы им не раз показали. Мы, петербургские рабочие, члены «С о ю з а», приглашаем остальных наших товарищей присоединиться к нашему «С о ю з у» и способствовать великому делу объединения рабочих для борьбы за свои интересы. Пора и нам, русским рабочим, разорвать цепи, которыми опутали нас капиталисты и правительство, чтобы держать в угнетении, пора нам присоединиться к борьбе наших братьев, рабочих других государств,

стать с ними под общее знамя, на котором написано: **Рабочие всех стран, соединяйтесь...»**[1].

Листок заканчивался такими словами: «И поднимется наша мускулистая рука и падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которое всегда им усердно служит и помогает»[2].

После ареста Ленина и ряда других революционеров тогдашнего Петербургского «Союза борьбы» (их называли «стариками», хотя, как вы знаете, Владимир Ильич был еще очень молодым), — «Союз» перешел в руки других членов, которых в отличие от «стариков» стали называть «молодыми». Эти «молодые» воспитывались в несколько уже иной обстановке. Если Ленин и многие его товарищи воспитывались в обстановке 80-х годов, когда почти никакой легальной марксистской литературы не было, кроме первого тома «Капитала» и немногих произведений Маркса, то 90-е годы были годами расцвета «легального марксизма», годами широкого экономического движения рабочего класса.

После ареста Ленина в «Союзе борьбы» стало преобладать влияние «экономистов», выросших на легальной марксистской литературе в условиях успешной экономической борьбы рабочего класса и признававших только экономическую борьбу рабочих.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», руководимый Лениным, вел не только экономическую, но и политическую борьбу.

Это подтверждают выпущенные «Союзом борьбы» прокламации, которые содержали в себе призыв к политической борьбе. В тот период подготовлена была газета «Союза борьбы» «Рабочее дело», которая при обыске была арестована еще в рукописи. Достаточно прочесть содержание газеты, чтобы увидеть, как широко Ленин ставил вопросы политической борьбы. Вот содержание этой газеты:

1) Вступительная статья «К русским рабочим» В. И. Ленина. В этой статье прямо указывается на необходимость одновременно с экономической борьбой вести и борьбу с самодержавием. Статья заканчивается такими словами: «Итак, борьба с фабрикантами за человеческие условия жизни, борьба с произволом и всевластием правительства»... 2) Затем статья: «Фридрих Энгельс» В. И. Ленина по поводу смерти Энгельса, с призывом к русским рабочим сбросить иго самодержавия для того, чтобы откликнуться на призыв великого учителя «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». 3) «О чем думают наши министры»—статья В. И. Ленина по поводу письма министра внутренних дел от 18 марта 1895 г. Победоносцеву о необходимости борьбы с революционерами, поступающими учителями в школы для рабочих. 4) «О стачке у Лаферма»—статья Сильвина и Ванеева. 5) «О стачке у Торнтона»—статья Кржижановского. 6) «Ярославская стачка 1895 г.». 7) Статья о стачках в Иваново-

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 453—454.
[2] Там же, стр. 454.

Вознесенске и 8) корреспонденции. Во всех этих статьях проводится мысль о необходимости борьбы с самодержавием.

Деятельность «Союза борьбы» была самой разнообразной политической деятельностью. Стачки 1896—1897 гг. получили очень широкий отклик по всей стране и даже за рубежом.

Плеханов, который не распускал группу «Освобождение труда» до II съезда партии, писал в передовой статье в журнале «Работник» «По поводу санкт-петербургской стачки», что «новой была в этой стачке связь между русской рабочей массой и социал-демократическим движением», что «русское рабочее движение, проникнутое социал-демократическими идеями, будет главнейшей силой, которая своим непрерывным развитием низвергнет существующий в России политический строй, основанный на полном бесправии народных масс и отдельных личностей».

«Русская революция нашла, наконец, народ: он объявился на глазах всех западно-европейских людей в том классе, который, по собственному опыту Запада, является признанным носителем революционной энергии»[1].

Влияние Петербургского «Союза борьбы» было очень велико не только в Петербурге. По образцу Петербургского «Союза борьбы» были построены многие организации в целом ряде крупнейших центров. В 1894 г. в Москве возник московский «Рабочий Союз». Во второй половине 90-х годов создались марксистские организации в Закавказье, выделившиеся из социал-демократической организации «Месаме-даси», в которой было и оппортунистическое крыло и революционное крыло.

Революционное крыло, в лице товарищей Сталина, Миха Цхакая, С. Цулукидзе и Л. Кецховели, начало создавать марксистские организации, объединило ряд рабочих кружков.

Товарищ Сталин, начавший с 15-летнего возраста революционную деятельность среди учащихся тифлисской духовной семинарии, с 1898 г. вел революционную работу среди тифлисских рабочих. Товарищ Сталин в 17 лет изучил уже «Капитал» Маркса и ряд других важнейших работ Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова. Революционное меньшинство «Месаме-даси», в лице товарища Сталина и его единомышленников, поставило вопрос о переходе к массовой агитации и создании нелегальной рабочей печати и нелегальной рабочей организации. Те же вопросы, какие ставил Ленин в Петербургском «Союзе борьбы» в середине 90-х годов, выдвигал товарищ Сталин в Тифлисе в конце 90-х годов.

В 90-х годах создается «Северный союз социал-демократической партии», куда входили Иваново-Вознесенск, Вологда, Кострома и целый ряд других городов. В Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Киеве, Николаеве, Самаре, Казани, Орехово-Зуеве и ряде других городов создались, по образцу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», организации, переходя-

---

[1] «Работник», № 3 и 4, стр. I и XV. Женева. 1897.

щие от пропаганды к агитации. Таким образом, Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» представлял «...первый серьезный зачаток революционной партии, опирающейся на рабочее движение»[1].

В лице Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» мы имеем первую зародышевую ячейку будущей партии нового типа, которая смело ставит вопрос борьбы с царским самодержавием, с помещиками и капиталистами, которая опирается на революционную теорию и поднимает массы рабочих на политическую борьбу. В то же самое время, если обозреть весь путь развития нашей партии в мировом движении рабочих, Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» явился первой ячейкой будущего Коммунистического Интернационала.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 20.

БОРЬБА ЛЕНИНА ПРОТИВ НАРОДНИЧЕСТВА И «ЛЕГАЛЬНОГО МАРКСИЗМА». КНИГА ЛЕНИНА «ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА» И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?». ЛЕНИНСКАЯ ИДЕЯ СОЮЗА РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА. ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

I

Огромна заслуга группы «Освобождение труда» Плеханова в деле идейного разгрома народничества. Однако в 90-х годах этот идейный разгром народничества не был закончен, да и самое содержание народнической проповеди к этому времени очень изменилось. В 90-х годах значительная часть революционной молодежи все еще находилась под влиянием народничества. Эта революционная молодежь стояла некоторое время как бы на распутье между народничеством и марксизмом, затем стала увлекаться марксизмом. Это увлечение марксизмом известный беллетрист Вересаев назвал в одной из своих повестей «поветрием». Ленин также сравнивал быстроту распространения марксизма в этот период с эпидемией.

Период с 1884 по 1894 гг. Ленин называл периодом возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Но если в этот период, по словам Ленина, «число сторонников нового направления в России измерялось единицами», если в этот период — с 1884 по 1894 гг. — «социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития», то второй период — с 1894 по 1898 гг. — Ленин называл уже периодом «детства и отрочества» социал-демократии. В это время социал-демократия действует в России уже «как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия». Ленин так описывает этот период: «С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей — совсем молодые люди, далеко не достигшие того «тридцатипятилетнего возраста», который казался г. Н. Михайлов-

скому какой-то естественной гранью[1]. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий. Многие из них начинали революционно мыслить как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остатья верными Народной Воле и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время последним делом социал-демократов этой полосы»[2].

Ленин вел борьбу против народничества на два фронта: с одной стороны, надо было преодолеть влияние остатков революционного народничества, увлечение индивидуальным террором, преклонение перед героями «Народной воли», а с другой — надо было уже серьезно заниматься вопросами легального, т. е. либерального, народничества.

«Краткий курс истории ВКП(б)» формулирует задачу этого периода следующим образом: «Надо было до конца идейно разгромить народничество, чтобы обеспечить дальнейшее распространение марксизма и возможность создания социал-демократической партии.

Эта работа была проделана Лениным»[3].

Ленин с первых шагов своей революционной работы развернул кипучую деятельность. Его рефераты, его публичные устные и печатные выступления против народничества явились в тот период выражением роста марксизма, который нашел в Ленине своего наиболее яркого глашатая, пропагандиста и организатора.

Статьи, крупнейшие работы Ленина в первом, втором и третьем томах по содержанию в своей большей части направлены против народничества.

В первом томе: в 1893 г. — «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», в 1894 г. — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Во втором томе: «К характеристике экономического романтизма», «Кустарная перепись 1894/5 года в Пермской губернии и

[1] Народники упрекали марксистов в том, что у них только зеленая молодежь. — **Ем. Я.**

[2] Ленин. Соч., т. IV, стр. 499.

[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 20.

общие вопросы «кустарной» промышленности», «Перлы народнического прожектерства», «От какого наследства мы отказываемся?».

В третьем томе: «Развитие капитализма в России».

Все эти работы Ленина, написанные им в начале 90-х годов, своим острием направлены против народничества, все они включают всестороннюю критику народничества. В особенности же громадное значение имели в борьбе против народничества две основные работы Ленина: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Развитие капитализма в России».

Появление книги Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» было вызвано необходимостью дать отпор тем извращениям марксизма, которые преподносились толстыми, народническими журналами, вроде «Русского богатства», где Михайловский, Кривенко, Южаков и другие давали читателям карикатуру на марксизм под видом «критики» марксизма. Появление книги Ленина было вызвано также необходимостью показать переход революционного народничества на позиции либерализма, вырождение народничества, показать, что либеральные народники ничего общего не имеют с революцией, хотя и продолжают себя выдавать за хранителей революционных традиций.

Налицо был рост организованного рабочего движения. Рабочий класс завоевывал все больше и больше прав на роль политического руководителя. Стачки 1892—1893 гг., празднование передовыми рабочими Петербурга 1 мая 1891 г., затем, в последующий год, адрес питерских рабочих писателю Шелгунову — все это показывало, что рабочий класс уже накапливал силы, политически становился все более сознательным, заявлял о себе как о самом передовом, революционном классе. Политически рабочий уже выходил на арену классовой борьбы. Препятствием на пути дальнейшего развития революционного движения рабочего класса являлось народничество. Необходимо было дать обобщающую, уничтожающую критику народничества.

В первой половине 90-х годов марксисты не имели легальной печати. Они вынуждены были писать только в подпольных изданиях. Народники же имели целый ряд легальных изданий. Самым крупным из них был журнал «Русское богатство».

Если во главе марксистов, которые в 80-х годах вели борьбу против народничества, стоял Плеханов, то в 90-х годах этой борьбой руководил уже Ленин. В своей работе «Что такое «друзья народа»...» Ленин собрал воедино всю аргументацию марксизма против народничества, он разбил теоретические, тактические и практические основы народников. Ленин с особой силой в этой работе разоблачал либеральных народников, их фальшь и обман, прикрытый фразами о благе народа, тогда как Плеханов главным образом вскрывал ошибки революционных народников. Ленин выдвигал

против народников новую аргументацию, которой не было у Плеханова.

Книга Ленина «Что такое «друзья народа»...» была напечатана в трех отдельных выпусках, причем первый выпуск вышел в трех подпольных изданиях, второй выпуск — в двух изданиях. К сожалению, ни одного экземпляра этого второго выпуска до сих пор не удалось найти. Жандармы, повидимому, целиком уничтожили это издание, попавшее в их руки. О содержании второй части книги мы знаем только по рассказам. Приходится полагаться на память товарищей, читавших ее, а память — это несовершенный инструмент.

Третий выпуск был издан гектографированным. В очень многих городах эту работу переписывали от руки, и она распространялась в рукописи.

Это была первая ленинская работа, направленная против народничества. Книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» появилась позже ленинской книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». На позднейшие работы о народничестве, несомненно, оказала влияние эта работа Ленина.

Как распространялась книга Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

В журнале «Пролетарская революция» были напечатаны воспоминания Ганшина, который в свое время печатал эту работу Ленина под Москвой в имении своего отца. Он напечатал ее в 100 экземплярах. Могилянский рассказывает, как он на юге переиздал «Что такое «друзья народа»...» на гектографе, и книга была распространена в Чернигове и в Киеве. Об этом рассказывает и К. А. Попов относительно Дерптского университета; С. И. Мицкевич в «Пролетарской революции» рассказывает, что произведение это было известно, кроме Петербурга и Москвы, в Вильно и в Пензе. Е. Колосов описывает, как в Томске зимой 1895—1896 гг. эта работа вызвала восторженное отношение со стороны социал-демократов. Об этом свидетельствуют также воспоминания Крупской, Кржижановской, Мартова, Тахтарева. Наконец, мы имеем ряд воспоминаний кавказских товарищей о том, что работа Ленина была известна молодому товарищу Сталину еще в тот период, когда он учился в семинарии.

В Забайкалье, где я работал, рукописные списки этой работы Ленина ходили в конце 90-х годов. Примерно в 1897—1898 гг. мне удалось ее прочитать.

Таким образом, эта книга для того времени была широко распространена по всей стране. Она встретила восторженную оценку. Вот как Мартов, работавший одно время с Лениным в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», в своих воспоминаниях рассказывал об этом:

«Друзья познакомили меня с петербургской литературной новинкой, ходившей в хорошо отгектографированном виде. Это была состоявшая из трех частей брошюра: «Что такое «друзья народа»»... После академической полемики Струве, от брошюры, исполненной желчных характеристик теоретической мысли и политических тенденций эпигонов народничества, веяло подлинной революционной страстью... (эпигонами, т. е. последышами, народничества Ленин называл либеральных народников. — **Ем. Я.**). Брошюра обнаруживала и литературное дарование и зрелую политическую мысль человека, сотканного из материала, из которого создаются партийные вожди. Я интересовался личностью автора, но уровень конспирации стоял тогда так высоко, что мне ничего не удалось узнать, кроме того, что брошюра вышла, повидимому, из группы «стариков». Лишь впоследствии, через год, я услышал имя В. И. Ульянова» [1].

В то время, когда вышла книга Ленина, ему было 24 года. В эти годы Ленин создал уже труд, свидетельствовавший о его огромных дарованиях, глубоком знании революционного учения Маркса — Энгельса и умении применять это творческое учение в российских условиях.

В первом выпуске этой книги дана всесторонняя критика Михайловского, Южакова и других теоретиков народничества, выступавших против диалектического и исторического материализма. Ленин дал развернутую критику всех возражений народников против марксизма. В то же самое время он с замечательной глубиной изложил учение Маркса — Энгельса и развил марксистскую диалектику.

В книге «Что такое «друзья народа»...» Ленин вскрыл причину перехода революционного народничества на позиции либерализма и показал отличие революционных народников от народников либеральных.

Ленин, критикуя народничество в целом, определил его как утопический, крестьянский, мещанский социализм и сделал вывод, что в этом социализме «...ровно ничего социалистического тут нет, т.-е. все эти теории безусловно не объясняют эксплуатации трудящегося и потому абсолютно не способны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии...» [2]. А раз народнический социализм (крестьянский, мещанский социализм) выражает интересы мелкой буржуазии, то и вопрос об отношении к народничеству соответственно этому Лениным формулирован: «...как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам? И на этот вопрос, — писал Ленин, — нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого

---

[1] Цит. по Ленину. Соч., т. I, стр. 495. Приложения.
[2] Ленин. Соч., т. I, стр. 184.

класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении»[1].

Таким образом, все народничество — и революционное, и либеральное — Ленин считает течением мелкобуржуазным, отнюдь не пролетарским. Но вместе с тем Ленин четко разграничивает народничество революционное, включая сюда народников 60-х годов, партии «Земля и воля» и «Народная воля», от либеральных народников начала 80—90-х годов.

Как же проводит он это разграничение?

В статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин дал следующее определение сущности всего народничества: «Сущность народничества — представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа... «Источник» народничества — преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России»[2].

Различие Ленин видел в социальной сущности революционного и либерального народничества, в политике, которую проводили эти два течения. У революционных народников была целостная программа, рассчитанная на возможность крестьянской социалистической революции, рассчитанная на революционную борьбу, тогда как у либеральных народников такой программы не было. Либеральные народники не только мечтали о примирении с царским правительством, но все надежды в осуществлении своей программы возлагали на царское правительство. Основой разделения народничества на революционное и либеральное являлось расслоение крестьянства, интересы которого по-разному выражали революционные и либеральные народники. Деревня раскололась, в ней на одном полюсе выделялась сельская буржуазия — кулачество, зажиточное крестьянство, на другом — деревенский пролетариат, полупролетариат.

Ленин разъяснял, что революционные народники выражали интересы крестьянства, еще не расколовшегося, еще не расслоившегося отчетливо на кулаков и бедноту (хотя это расслоение уже началось), тогда как либеральное народничество выражало интересы главным образом преимущественно зажиточ-

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 184.
[2] Там же, стр. 271—272.

ной части крестьянства, кулачества. Многие из народников не замечали или не хотели замечать этого расслоения, раскола, который происходил в деревне; «...деревня, — писал Ленин в книге «Что такое «друзья народа»...», — давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе как вырождением нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития — вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества»[1].

Таким образом, народники 60—70-х и начала 80-х годов потому и назывались Лениным революционными, что они вели, несмотря на свои неправильные методы и неверные теоретические положения, революционную борьбу против царизма. Либеральные же народники 90-х годов никакой революционной борьбы не вели.

Это очень существенное отличие.

В другом месте, в статье «Народничествующая буржуазия и растерянное народничество», Ленин, вновь возвращаясь к характеристике различия между «старым» народничеством и народничеством либеральным, писал:

«Русские марксисты давно уже указывают на то перерождение старого русского, классического, революционного народничества, которое неуклонно происходит с восьмидесятых годов прошлого века. Тускнела вера в особый уклад крестьянского хозяйства, в общину, как зародыш и базис социализма, в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной революции, к которой готов уже народ. Политическое значение сохранили только требования всяческих мероприятий по укреплению крестьянского хозяйства и «мелкого народного производства» вообще. Это было уже, в основе своей, не более как буржуазное реформаторство; народничество расплывалось в либерализме; создавалось либерально-народническое направление, которое не хотело видеть или не могло видеть, что проектируемые мероприятия (все эти кредиты, кооперации, мелиорации, расширения землевладения)

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 165.

не выходят из рамок существующего буржуазного общества»[1].

В статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», отмечая, что Струве назвал народничество «национальным социализмом», Ленин писал, что это не совсем правильно. «Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский» — по отношению к старому русскому народничеству и «мещанский» — по отношению к современному»[2].

Ленин поясняет эту характеристику: «Выражение «мещанский» употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова. Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — вот два признака, составляющие понятие «мелкого буржуа», Kleinbürger'а или, что то же, мещанина. Сюда подходят таким образом и крестьянин, и кустарь, которых народники ставили всегда на одну доску — и вполне справедливо, так как оба представляют из себя таких производителей, работающих на рынок, и отличаются лишь степенью развития товарного хозяйства. Далее, я отличаю старое[3] и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелко-буржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального «общества» и «шли в народ». Теперь не то: капиталистический путь развития России никем уже не отрицается, разложение деревни — бесспорный факт. От стройной доктрины народничества с детской верой в «общину» остались одни лохмотья. В отношении практическом — на место утопии выступила вовсе не утопическая программа мелкобуржуазных «прогрессов», и только пышные фразы напоминают об исторической связи этих убогих компромиссов с мечтами о лучших и самобытных путях для отечества. Вместо отделения от либерального общества мы видим самое трогательное сближение с ним. Вот эта-то перемена и заставляет отличать идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии»[4], т. е. мещанства.

Несмотря на то, что Ленин направляет свое главное острие против либеральных народников, в своей работе «Что такое «друзья народа»...» он *критикует все оттенки народничества*. Разоблачая либеральное народничество, Ленин критикует в то же самое время основы всей народнической идеологии.

---

[1] Ленин. Соч., т. VI, стр. 113.

[2] Ленин. Соч., т. I, стр. 272.

[3] Под старыми народниками я разумею не тех, кто двигал, напр., «Отеч. Зап.», а тех именно, кто «шел в народ». (Прим. Ленина).

[4] Ленин. Соч., т. I, стр. 272.

II

В борьбе марксистов против народников столкнулись два мировоззрения, два метода познания истории, две противоположные системы мышления. Одна из них — школа так называемой субъективной социологии, представителями которой были народники Михайловский и Лавров, другая — школа марксизма, школа диалектического и исторического материализма, представителями которой выступали Ленин и Плеханов.

Кто такой был Михайловский? В свое время он был левым народником, примыкал к народовольческому течению. Когда «Народная воля» была разгромлена, Михайловский стал во главе крупнейшего журнала «Русское богатство». Народническая молодежь считала Михайловского «властителем дум» молодого поколения. Михайловский в своих статьях, — а писал он решительно обо всем: о политэкономии, истории, искусстве, — развивал взгляды так называемой «школы позитивизма» и «положительной философии», которые во Франции развивал Огюст Конт.

Вот как сам Михайловский характеризует эту школу:

«Школа Огюста Конта, которой преимущественно присваивается название позитивизма и положительной философии... принимает за центральный фактор социального развития интеллектуальный элемент... Позитивисты говорят только, что *умственный элемент имеет значение руководителя в социальном движении, и им обусловливается количество и качество средств для удовлетворения человеческих склонностей и желаний.* При таких оговорках понятно громадное научное значение этого принципа. Он пробивает широкую просеку в дремучем лесу истории и значительно упрощает задачу социальной динамики. С такой точки опоры глаза уже не разбегаются по запутанным ходам и переходам исторического лабиринта; внимание сосредоточивается на движении одного элемента, и вместе с тем элемент этот таков, что, *приняв его развитие за центральную нить,* мы можем связать каждую ее точку с любым из остальных общественных фактов» [1].

Сущность этой субъективной социологии сводится к тому, что *идеи правят миром,* что в основе всех общественных изменений лежат не те или иные изменения в условиях производства, в процессах производства, а лежат изменения тех или иных идей, которые управляют будто бы всей деятельностью человека.

Такая точка зрения совершенно противоположна марксизму, который в основу изучения истории кладет смену форм производства, смену общественно-экономических формаций; марксизм считает, что история развития классового общества есть история борьбы классов. Борьбу же классов двигают не те или иные от-

---

[1] Н. К. Михайловский. Что такое прогресс?, стр. 98. Изд. «Колос». 1922. (Выделено мною. — **Ем. Я.**).

дельные «интеллектуальные элементы», а определенные классовые интересы, в основе которых лежит место, занимаемое классом в производственном процессе, условия, посредством которых он добывает себе средства существования.

По этому вопросу в первой части книги «Что такое «друзья народа»...» Лениным дана самая сокрушительная критика неправильных народнических взглядов.

Михайловский пытался доказать, что Маркс критиковал только капитализм, что его учение неприменимо к другим общественно-экономическим формациям.

Ленин в своей критике народников разъяснял, что **Маркс дал метод понимания всего общественно-исторического процесса, а не только процесса развития капиталистического общества.**

Маркс вместо произвольных, идеалистических схем, которые защищали Михайловский и другие субъективные социологи, выдвинул идею закономерности, законосообразности развития общества. А субъективные социологи, вроде Михайловского, могли сказать только одно: что история двигается желаниями людей, их идеями.

По этому поводу Плеханов остроумно высмеивал Михайловского: «Субъективный же социолог изгоняет **законосообразность** во имя «**желательного**», и потому для него не остается другого выхода, как уповать на случайность. На грех и из палки выстрелишь — вот единственное утешительное соображение, на которое может опереться добрый субъективный социолог» [1].

Возражая Михайловскому по поводу того, что Маркс будто бы ограничивал марксизм только областью понимания явлений капиталистического общества, Ленин писал:

«Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...» [2], такое положение, посредством которого мы можем исследовать любой период развития общества.

В этой же первой части своей книги «Что такое «друзья народа»...» Ленин разбил народническую теорию «критически мыслящих личностей», делающих историю. Михайловский клеветал на марксистов, утверждая, что они отрицают роль личности в истории. На самом деле марксисты никогда не отрицали роли личности в истории, но марксисты считают, что все явления в природе и обществе обусловлены определенной причинностью, причем причинность эта объясняется чисто материалистически. То или иное общественное явление происходит в силу исторической необходимости, вытекающей из условий материального развития общества.

Михайловский изображал дело так, что закон причинности и исторической необходимости сводит на-нет роль личности в исто-

---

[1] Плеханов. Соч., т. VII, стр. 103.
[2] Ленин. Соч., т. I, стр. 63.

рии. Если каждая личность действует потому, что это исторически необходимо и иначе она действовать не может, если вся ее деятельность обусловлена определенными историческими причинами, то какова же ее творческая роль — организующая, направляющая роль?

Ленин разъяснял, что ни закон причинности в действиях исторической личности, ни идея исторической необходимости ни в малейшей степени не подрывают роли личности в истории. Он писал в своей работе «Что такое «друзья народа»...»: «...история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что разрешение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о борьбе классов, из которой складывается русская действительность...» [1].

Если хотите, учил Ленин, чтобы вы, как личность, могли оказать влияние на ход истории, помочь ее двигать, то вы должны хорошо понять существующие группировки общественных сил в России, понять хорошо ту борьбу классов, которая происходит, из нее исходить, потому что только тогда вы сможете играть, как личность, определенную роль в истории.

Михайловский все философское учение марксизма — диалектический и исторический материализм — сводил к гегелевской триаде.

Что такое триада? Если по-русски перевести это слово, оно означает «троица», «троичность». Согласно учению Гегеля, всякий процесс развития проходит три этапа, три момента.

Первый момент Гегель называет тезисом, второй — антитезисом, третий — синтезисом, или синтезом.

Тезис, или положение, означает первоначальное утверждение какой-нибудь мысли. Но уже это первоначальное утверждение включает в себя противоположность и противоречие.

Второй момент включает антитезис — противоположение, отрицание первого положения, отрицание тезиса.

Борьба между этими двумя моментами — между тезисом и антитезисом — приводит к третьему моменту — к синтезу, т. е. к такому моменту, где происходит отрицание отрицания, где происходит примирение противоречий, противоположностей, где создается единство противоположностей.

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 77.

Михайловский очень «ядовито» спрашивал марксистов: «А овес тоже растет по Гегелю?». На это Плеханов остроумно ответил ему в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и доказал, что «...овес все-таки будет расти по Гегелю»: зерно (тезис) содержит уже в самом себе начало своего противоречия, своей противоположности, в виде зародыша нового растения. Росток, стебель есть уже отрицание зерна, и в верхушечных клетках этого стебля заложены уже зародыши будущих цветков, из которых путем оплодотворения образуются семена. В оплодотворении растения уже заключается «отрицание отрицания». Цветок и все растение начинают умирать, давая жизнь новым плодам, в которых заключается синтез всей жизни растения: явление совершило круговорот, но из одного зерна выросли десятки зерен, а иногда сотни тысяч, как, например, у лебеды.

У Гегеля триада — это схема, под которую искусственно подгоняется действительность. «По Гегелю, развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяет собой развитие действительности» [1].

Марксисты отрицательно относятся ко всяким попыткам подогнать все явления под гегелевскую триаду. Сущность марксистского метода познания состоит в том, что всякое явление необходимо изучать в его развитии. В развитии марксисты видят борьбу противоположностей, развитие есть преодоление противоречий, возникающих в процессе борьбы.

Отвечая Михайловскому по поводу его карикатурного изображения марксистского диалектического метода, Ленин писал:

«...Читая марксистскую литературу, г. Михайловский постоянно натыкался на «диалектический метод» в общественной науке... В простоте душевной (хорошо еще если только в простоте) он принял, что этот метод состоит в разрешении всех социологических вопросов по законам гегелевской триады. Отнесись он к делу хоть чуточку повнимательнее, он не мог бы не убедиться в нелепости этого представления. Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» [2].

Ленин высмеял попытку Михайловского представить, что марксизм будто бы дает мертвую схему для всех этапов развития человечества. Именно марксизм дает возможность изучать кон-

---

[1] Цит. по Ленину. Соч., т. I, стр. 84.
[2] Ленин. Соч., т. I, стр. 81—82.

кретные особенности каждого этапа развития, изучать законы развития каждой общественно-экономической формации в отдельности так же, как мы изучаем особые законы развития капиталистического общества и особые законы развития общества социалистического.

Махайловский и другие вожди народничества использовали легальную печать в своей борьбе с марксистами, у Ленина этой возможности в то время не было. Он вынужден был свой ответ печатать нелегально.

Народники не раз ставили перед Марксом вопрос: возможно ли внекапиталистическое развитие России, может ли Россия избежать развития капитализма, может ли она через общину притти к социализму? Как известно, Маркс ответил на это, что развитие капитализма уже сделало громадные успехи в России, что капитализм уже развивается в России.

Ленин вместе с Марксом на вопрос о том, должна ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития, отвечал, что Россия уже вступила на капиталистический путь развития, и поэтому нелепо ставить вопрос, может ли она избежать его.

Ленин обличал при этом мошеннические уловки народников с цитатами из Маркса, к которым они прибегали для того, чтобы доказать, что и Маркс считал возможным для России избегнуть капиталистического пути развития. Вот что мы читаем в книге «Что такое «друзья народа»...»: «Г. Кривенко, напр., заявляет, что Маркс «признавал для нас возможным при желании (?!! Итак, по Марксу, эволюция общественно-экономических отношений зависит от воли и сознания людей?? Что это такое — невежество ли безмерное, нахальство ли беспримерное?!) и соответственной деятельности избежать капиталистических перипетий и идти по другому, более целесообразному пути (sic!!!)».

Этот вздор наш рыцарь получил возможность говорить при посредстве прямой передержки. Цитируя известное «Письмо К. Маркса» («Юрид. Вест.», 88 г., № 10) — то место, где Маркс говорит о своем высоком уважении к Чернышевскому, который считал возможным для России «не претерпевать мучений капиталистического строя», г. Кривенко, закрыв кавычки, т.-е. покончив точное воспроизведение слов Маркса (кончающееся так: «он (Чернышевский) высказывается в смысле последнего решения») — добавляет: «И я, говорит Маркс, *разделяю* (курсив г-на Кривенко) эти взгляды» (стр. 186, № 12).

А у Маркса на самом деле сказано: «И мой почтенный критик имел, по меньшей мере, столько же основания из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику» вывести заключение, что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и наоборот, из моей полемической выходки против русского «беллетриста» и панслависта сделать вывод, что я их отвергаю» («Ю. В.», 88 г., № 10, стр. 271).

Итак, Маркс говорит, что г. Михайловский не имел права видеть в нем противника идеи об особом развитии России, потому что он с уважением относится и к тем, кто стоит за эту идею, — а г. Кривенко перетолковывает так, будто Маркс «признавал» это особое развитие. Прямое перевирание»[1].

Итак, в первой части своей замечательной работы, направленной против фальшивых «друзей народа», Ленин до конца разгромил теоретические положения народников, изложил и развил положение Маркса по диалектическому и историческому материализму. В этом главное содержание первой части «Что такое «друзья народа»...». Борьба Ленина против идеологов народничества имела важнейшее значение для победы марксизма в России.

III

Третья часть книги Ленина «Что такое «друзья народа»...» посвящена разбору теории либеральных народников относительно так называемого «народного производства», т. е. артелей кустарных, промысловых, общины, тех организаций и учреждений, на развитие которых возлагали надежду либеральные народники. Ленин дал отпор всяким попыткам народников исказить позиции марксистов в этих вопросах. Народники извращали взгляды марксистов. Они писали: марксисты-де считают самым революционным классом пролетариат; следовательно, они должны способствовать увеличению количества пролетариев, т. е. должны желать пролетаризации крестьянства. Скажем, кабак разоряет крестьянина? Разоряет. Значит, марксисты должны поддерживать насаждение кабаков и т. п.

Этот реакционный вздор либеральных народников тогда имел большое хождение в литературе.

Или, например, народники изображали дело так: марксисты считают фабрично-заводского рабочего высшим типом борца по сравнению с крестьянином, значит, марксисты должны желать «выварить мужика в фабричном котле».

Народники при этом совершенно обходили, игнорировали те действительные экономические отношения, которые сложились в России. Ленин, как никто, зная экономику России, обращал внимание на развитие капиталистических отношений в деревне, расслоение крестьянства и господство рыночных отношений.

«Всякий, кто беспристрастно, научно взглянет на эту экономику, — писал Ленин, — должен будет признать, что деревенская Россия представляет из себя систему мелких, раздробленных рынков (или маленьких отделений центрального рынка), заправляющих общественно-экономическою жизнью отдельных небольших районов. И в каждом таком районе мы видим все те явления, кото-

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 165—166.

рые свойственны вообще общественно-экономической организации, регулятором которой является рынок: мы видим разложение некогда равных, патриархальных непосредственных производителей на богатеев и бедноту, мы видим возникновение капитала, особенно торгового, который плетет свои сети над трудящимся, высасывая из него все соки»[1].

Среди народнических писателей Глеб Иванович Успенский, один из очень талантливых наблюдателей жизни крестьян, ремесленников, дал замечательный очерк «Растеряевой улицы», «Дневник деревенского наблюдателя» и ряд других произведений, в которых рисует самую доподлинную деревню с господством там деревенского кулака, эксплоататора — мирского захребетника. «Эта масса мелких деревенских эксплуататоров, — писал Ленин, — представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, по-одиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплуатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкою производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне. Вот если вы станете сравнивать эту действительную деревню с нашим капитализмом, — вы поймете тогда, почему социал-демократы считают прогрессивною работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок, когда он создает на место бездны мелких благонамеренных живоглотов кучку крупных «столпов отечества», когда он обобществляет труд и повышает его производительность, когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному капиталу. Это подчинение является прогрессивным по сравнению с тем — несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одичания, калечения женских и детских организмов и т. д., — потому, что оно **будит мысль рабочего,** превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда, борьбу, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может безусловно рассчитывать на **верный успех**»[2].

Народники делали вид, что не понимают, а многие действительно не понимали, что такое крупный капитал, какова его роль в развитии общества. Они видели, что капитал окончательно отрывает человека от его хозяйства, подвергает его эксплоатации. Там, в деревне, кустарь или член артели, если он и подвергается экс-

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 140—141.
[2] Там же, стр. 141—142.

плоатации, то он все-таки остается **около своего хозяйства**, а тут крупный капитал целиком отрывает от этого хозяйства рабочего, вчерашнего мелкого собственника, крестьянина. Повторяю: народники в процессе концентрации капитала, производства, процессе скопления и собирания громадных масс на фабриках и заводах видели только одну сторону, что капиталист подвергает рабочего эксплоатации, отрывает его от земли и «народного производства». Они не видели или игнорировали другую сторону этого процесса, которую видели марксисты, а именно: рабочие фабрик и заводов, угнетаемые капиталистами, становятся гораздо более сознательными, чем разрозненные крестьяне; рабочие учатся, как коллективно вести борьбу с виновниками их эксплоатации.

Народники стремились доказать, что марксисты на деревню никакого внимания не обращают, мужика ставят ни во что, словом, хотели как-нибудь поссорить марксистов с мужиком.

Ленин отвечал народникам:

«В ответ на обвинение в игнорировании массы крестьянства, социал-демократы с полным правом могут привести слова Карла Маркса:

«**Критика сорвала с цепей украшавшие их воображаемые цветы не для того, чтобы человечество продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком**»[1].

И Ленин следующим образом пояснял это высказывание Маркса:

«Русские социал-демократы срывают с нашей деревни украшающие ее воображаемые цветы, воюют против идеализаций и фантазий, производят ту разрушительную работу, за которую их так смертельно ненавидят «друзья народа», — не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирания и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цепи, которые сковывают повсюду трудящегося, понял, как куются эти цепи, и сумел подняться против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком.

Когда они несут эту идею тем представителям трудящегося класса, которые по своему положению одни только способны усвоить классовое самосознание и начать классовую борьбу, — тогда их обвиняют в желании выварить мужика в котле.

И кто обвиняет? —

Люди, которые сами возлагают свои упования относительно освобождения трудящегося на «правительство» и «общество», т.-е. органы той самой буржуазии, которая повсюду и сковала трудящихся!

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 142.

Топырщатся же подобные слизняки толковать о безъидеальности социал-демократов!»[1].

Ленин дал всестороннюю критику либеральных народников, которые продолжали считать себя хранителями революционных традиций народников 60—70-х годов.

В чем заключались взгляды народников 60—70-х годов?

«— Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти»[2].

Революционное народничество выродилось в мещанский оппортунизм, вытекавший из программы, учения и методов деятельности либеральных народников.

«В самом деле, если мы возьмем, — писал Ленин, — содержание программы «Р. Б—ва», — все эти регулирования переселений и аренды, все эти дешевые кредиты, музеи, склады, улучшения техники, артели и общественные запашки, — то увидим, что она действительно пользуется громадным распространением во всей «серьезной и порядочной печати», т.-е. во всей либеральной печати, не принадлежащей к крепостническим органам или к рептилиям. Идея о необходимости, полезности, настоятельности, «безвредности» всех этих мероприятий пустила глубокие корни во всей интеллигенции и получила чрезвычайно широкое распространение: вы встретите ее и в провинциальных листках и газетах, и во всех земских исследованиях, сборниках, описаниях и т. д. и т. д. Несомненно, что, ежели бы это принять за народничество, — успех громадный и неоспоримый.

Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова) и успех этот и это громадное распространение вширь достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии»[3].

Ленин в книге «Что такое «друзья народа»...» подробно вскрывает тот процесс, который привел к перерождению революционного народничества в либеральное народничество. Народники-землевольцы, пошедшие «в народ», убедились, что у них нет глубокого знания крестьянской общины; вся их работа была направлена на изучение этой общины, а в результате получилась, как писал

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 142.
[2] Там же, стр. 164.
[3] Там же, стр. 173.

Ленин, программа, которая выражает интересы мелкой буржуазии, т. е. того именно класса, на котором и покоятся эксплоататорские порядки.

Ленин также рассказывает подробно о том, каким образом практическая работа революционных народников привела к крушению их теории, когда они все сосредоточили на терроре, когда решено было, что дело не в мужике, а в правительстве, — и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним рабочие. «Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба с правительством народовольцев становится борьбой радикалов за политическую свободу» [1].

Ленин показал, как теория революционного народничества превратилась в мещанскую, реформистскую утопию: «...получилась программа, выражающая только интересы радикальной буржуазной демократии» [2]. Такое развитие народничества Ленин считал совершенно естественным и неизбежным, так как в основе народнического учения «...лежало чисто мифическое представление об особом (общинном) укладе крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелко-буржуазного крестьянства» [3].

«...Казалось бы,—писал Ленин,—урок был очень внушительный: становилась слишком очевидной иллюзия старых социалистов об особом укладе народной жизни, о социалистических инстинктах народа, о случайности капитализма и буржуазии, казалось бы, можно уже прямо взглянуть на действительность и открыто признать, что никаких других общественно-экономических отношений кроме буржуазных и отживающих крепостнических в России не было и нет, что поэтому не может быть и иного пути к социализму, как через рабочее движение. Но эти демократы ничему не научились, и наивные иллюзии мещанского социализма уступили место практической трезвенности мещанских прогрессов.

Теперь теории этих идеологов мещанства, когда они выступают в качестве представителей интересов трудящихся, прямо реакционны. Они замазывают антагонизм современных русских общественно-экономических отношений, рассуждая так, как будто бы делу можно помочь общими, на всех рассчитанными мероприятиями по «подъему», «улучшению» и т. д., как будто бы можно было примирить и объединить. Они — реакционны, изображая

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 175.
[2] Там же.
[3] Там же.

наше государство чем-то над классами стоящим и потому годным и способным оказать какую-нибудь серьезную и честную помощь эксплуатируемому населению.

Они реакционны потому, наконец, что абсолютно не понимают необходимости борьбы и борьбы отчаянной самих трудящихся для их освобождения. У «друзей народа», например, так выходит, что они и сами всё, пожалуй, устроить могут. Рабочие могут быть спокойны» [1].

Дело в том, что либеральные народники не только не понимали сущности экономической перемены, которая произошла в 90-х годах в деревне, и тех очередных задач, которые стояли перед всяким революционером, — они выступали в прямом смысле врагами самостоятельного рабочего движения.

В Петербурге в 1896 г. происходила стачка 30 тысяч ткачей; она принудила правительство издать закон 2 июня 1897 г. об $11^1/_2$-часовом рабочем дне. Михайловский в связи с этими событиями написал статью, в которой упрекал рабочих в некультурности: вот, дескать, какие некультурные рабочие, не умеют бороться, и поругивал рабочих за то, что они нарушили общественную тишину и спокойствие. В статье «Литература и жизнь» в № 10 журнала «Русское богатство» за июль 1896 г. Михайловский писал:

«Толпа на Невском... в значительной мере состоявшая из фабричных... многих заставила призадуматься своим поведением».

Не угодили рабочие народнику Михайловскому. Но какой же вывод делал Михайловский?

«...это дело общих государственных мероприятий, но и мы, приватные люди, свою хоть малую лепту внести можем, хотя бы в виде учреждений, подобных начинаниям Невского общества устройства народных развлечений».

Рабочий класс требует уничтожения всякой эксплоатации, он ведет борьбу против капитализма, а «властитель дум» народничества поругивает его за то, что он не умеет культурно держать себя на Невском проспекте.

Народники не понимали классовой природы государства. Михайловский не раз высказывался о том, что самодержавное государство играет роль регулятора общественной жизни.

В 1901 г., когда уже началось массовое рабоче-крестьянское и студенческое движение, Михайловский в статье «Наша текущая жизнь» проповедывал: «В свирепой борьбе классов» у правительства «есть цивилизаторская миссия». «Мы никому не уступим в признании необходимости твердой власти... Твердая власть имеет большое значение». О какой твердой власти мог говорить Михайловский в то время, как не о царской власти?

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 182—183.

Больше того, Михайловский писал, что это царское правительство может явиться водворителем «всеобщего мира и счастья».

«Кто же возьмет на себя великий труд предотвращения исторических путей родины от повторения европейской борьбы? Очевидно, правительство. Оно обладает для этого нужными средствами и не менее нужным беспристрастием... правительству и только правительству предстоит в России роль водворителя всеобщего мира и счастья...».

В то время, когда поднималась волна революции, народники заботились больше всего о том, как бы не повторились европейские события, т. е. революции. После революции 1848 г. и Парижской Коммуны, после таких великих классовых битв журнал «Русское богатство» изощрялся в советах правительству, как предотвратить повторение «европейских событий».

Как относились либеральные народники к тому, что в России уже имелся класс капиталистов?

Они очень часто обходили этот вопрос или же изображали дело так, что могут быть и очень хорошие капиталисты, ну прямо родные братья рабочим. Поэтому в народнических журналах того времени можно найти призыв к капиталистам быть более гуманными по отношению к рабочим; но это же все равно, что обращаться к волку с требованием, чтобы он ел не мясо, а траву.

Вот что писал Михайловский по поводу капиталистов в Англии:

«В Англии перед нами не два непримиримых враждебных лагеря, между которыми невозможно никакого соглашения, не два стада зверей, ежеминутно готовых к взаимному истреблению. Под влиянием страха и благоразумного расчета, а частью искренних великодушных чувств, мыслящие люди (в другом месте Михайловский пишет: «дирижирующие классы Англии») все более проникаются заботами о материальных, умственных и нравственных интересах рабочего класса...».

Если бы Михайловский хоть сколько-нибудь был прав, то в Англии уже сейчас был бы прямо «социалистический рай», а между тем в Англии и тогда происходила и теперь происходит самая беспощадная эксплоатация рабочих. Недавно один экономист обследовал те районы, которые описывал Энгельс в 1845 г. в своей книге «Положение рабочего класса в Англии». Он убедился, что дома, которые описывал Энгельс, остались те же самые, они только насквозь прогнили, и в них в еще более невыносимых, нечеловеческих условиях живут сотни тысяч людей.

Либеральное народничество поэтому объективно прикрывало и защищало самодержавие. Оно не только не разоблачало классовых антагонизмов, которые существовали и в городе и в деревне, не только не делало из этого вывода о необходимости развития классовой борьбы, организации ее, но, наоборот, оно притупляло сознание рабочих и разоренных крестьян.

Ленин писал по этому поводу: «...постоянная и последовательнейшая тактика «друзей народа» — фарисейски закрывать глаза на невозможное положение трудящихся в России, изображать его только «пошатнувшимся», так что достаточно усилий «культурного общества» и правительства, чтобы направить все на истинный путь. Эти рыцари думают, что если они закроют глаза на тот факт, что положение трудящейся массы плохо не потому, что оно «пошатнулось», а потому, что она подвергается бесстыднейшему грабежу со стороны кучки эксплуататоров, что если они на подобие страусов спрячут головы, чтобы не видеть этих эксплуататоров, — то эти эксплуататоры исчезнут»[1].

Из анализа всего учения и деятельности народников Ленин делал вывод, что народничество своей теорией и программой выражало интересы мелкой буржуазии, по преимуществу крестьянской.

Таким образом, революционное и либеральное народничество является движением разночинной интеллигенции, выражавшей интересы мелкой буржуазии, преимущественно крестьянской демократии.

Ленин указывал, что «...во всем русском народничестве... нет *ни грана* социализма»[2]. Но между революционными и либеральными народниками есть существенное отличие. Революционные народники, хотя непоследовательно и неправильными методами, но все же вели борьбу против царизма; либеральные же народники искали соглашения с царским правительством, отказываясь от революционной борьбы. Революционные народники рассчитывали на крестьянское восстание и социалистическую крестьянскую революцию; либеральные народники рассчитывали на то, что общины, артели, кустарные промысла и другие подобные учреждения будут развиваться в сторону так называемого «народного производства» при поддержке правительства и при попустительстве господствующих классов. Революционные народники хотя и не понимали руководящей роли рабочего класса в революции, но все же отводили ему известное место в революции хотя бы в виде подсобной силы, в особенности при восстаниях в городах; либеральные же народники враждебно относились к стачкам и к самостоятельному рабочему движению. Революционные народники мечтали о том, что они совершат крестьянскую *социалистическую* революцию и не дадут капитализму развиваться. Либеральные народники стояли уже на другой точке зрения. «Они хотят, — писал Ленин, — товарного хозяйства без капитализма, — капитализма без экспроприации и без эксплуатации, с одним только мещанством, мирно прозябающим под покровом гуманных помещиков и либеральных администраторов. И они с серьезным видом департаментского чиновника, намеревающегося облагоде-

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 107—108.
[2] Ленин. Соч., т. XV, стр. 466.

тельствовать Россию, принимаются сочинять комбинации такого устройства, когда бы и волки были сыты и овцы целы»[1].

Либеральные народники рассматривали артели и кустарные промысла как «народные производства». В действительности большая часть артелей организовывалась помещиками и купцами, и кустарные промысла по преимуществу носили характер работы на дому на скупщиков, мелких фабрикантов и т. д.

Революционные народники разжигали классовую борьбу, хотя и неправильно ее понимали.

Либеральные народники мечтали о смягчении классовых противоречий.

Вот почему Ленин дал всестороннюю острую критику того мещанского прожектерства, которым занимались либеральные народники, искавшие спасения в артелях, в различных попытках оживить общину, поддержать «устои» народной жизни, которые на самом деле уже мешали дальнейшему развитию производительных сил страны.

IV

В третьей части книги «Что такое «друзья народа»...» заключаются очень ценные, глубокие мысли Ленина о роли, которую должен играть рабочий класс в революции.

Разгромив идейно народничество, Ленин показал, что в России уже вырос значительный слой пролетариата, который начинает вести активную борьбу с эксплоататорами. Ленин выдвигает в этой работе идею гегемонии рабочего класса в революции; «...положение фабрично-заводского рабочего в обшей системе капиталистических отношений, — писал Ленин, — делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы»[2].

Ленин указывает задачи социалистов в революционной борьбе. Он пишет: «Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать «иных (помимо действительных) путей развития» страны, тогда естественно, что практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути»; и наоборот, открыты и показаны эти пути — кончается теоретическая работа и начинается работа тех, кто должен направить «отечество» по «вновь открытому» «иному пути». Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на *действительном* пути данного обще-

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 145.
[2] Там же, стр. 194.

ственно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт словами:

Studieren, Propagandieren, Organisieren[1].

Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации»[2].

Прежде всего перед марксистами выдвигалась задача пропаганды идей научного социализма среди передовых рабочих, пропаганда идей об особой исторической роли русского рабочего класса среди других демократических элементов. Только на основе пропаганды идей научного социализма Ленин считал возможным создание прочных организаций рабочего класса. Он ставил перед марксистами эту задачу, он сам ее осуществлял в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

Но недостаточно создать «вообще» организации рабочего класса. Могут быть и профессиональные организации, и культурные, и другие организации пролетариата. Ленин выдвигал задачу создания самостоятельной рабочей партии. Только наличие партии, прочных организаций передовых рабочих может преобразовать разрозненную экономическую борьбу отдельных отрядов рабочего класса в сознательную классовую борьбу всего пролетариата.

И только тогда, когда будет уже создана партия рабочего класса, когда она направит свои усилия на то, чтобы отдельные выступления рабочих превратить в сознательную классовую борьбу, только тогда может быть разрешена важнейшая историческая задача, поставленная перед рабочим классом России,— свержение царского самодержавия. Только тогда русские рабочие, поднявшись во главе демократических элементов, свалят абсолютизм.

Но если рабочий класс должен стать во главе всех демократических элементов, то он должен обеспечить за собой поддержку этих демократических элементов и прежде всего огромных масс крестьянства. Это значит, что партия не может ограничить свою деятельность только деятельностью среди рабочих, что она должна нести свои идеи и в другие классы населения, в особенности в крестьянскую массу, она должна помочь этим демократическим элементам осознать, что успех их борьбы будет обеспечен тогда, когда они пойдут за рабочим классом. Значит, она должна вести работу и в крестьянстве, и среди интеллигенции

---

[1] — изучать, пропагандировать, организовать. *Ред.*

[2] Ленин. Соч., т. I, стр. 192.

города и деревни, и среди ремесленных масс. Значит, рабочий класс должен создать и закрепить **с о ю з** с крестьянством.

Задача свержения абсолютизма является в этой борьбе первоочередной ближайшей политической задачей движения. Но революция на этом этапе не может остановиться. Ленин уже тогда, в 1894 г., указывал на то, что революция перерастает в новых условиях борьбы, в условиях нарождающегося уже империализма, в социалистическую (коммунистическую) революцию.

Русский пролетариат свержение царизма должен рассматривать, учил Ленин, лишь как первый шаг, лишь как ступеньку к социалистической революции, лишь как пролог к ней.

Свержение царизма имеет огромное международное значение. Пролетариат ведет борьбу против всего класса капиталистов за коммунизм. Он ведет борьбу свою рядом с пролетариатом других стран. Он не останавливается на полпути, и, сваливши царизм, «...поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) п р я м о й д о р о г о й о т к р ы т о й п о л и т и ч е с к о й б о р ь б ы **к победоносной коммунистической революции»** [1].

Уже из этого отрывка видно, что Ленин в 90-х годах поставил вопрос о пролетариате, как гегемоне в революции, направленной на свержение царизма; он впервые указал и союзника пролетариата — революционное крестьянство; он поставил также вопрос о переходе к социалистической революции.

Таким образом, более 44 лет назад Ленин формулировал задачи марксистов в России, задачи пропаганды и агитации в рабочем классе, организации рабочей партии, сплочения вокруг этой партии всех демократических элементов, создания союза рабочего класса и крестьянства, свержения абсолютизма, борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию.

Книга Ленина «Что такое «друзья народа»...», таким образом, довершила идейный разгром народничества, который был начат за границей Марксом и Энгельсом и талантливо продолжен Плехановым и его группой. Книга Ленина дала стройное и ясное изложение основ марксистского учения, основ диалектического и исторического материализма. Она разгромила идейно не только остатки революционного народничества, но в особенности раскритиковала, вскрыла, показала всю реакционность идей либерального народничества. Она показала огромное значение рабочего класса, народившегося уже к этому моменту, его историческую роль. Она поставила перед марксистами развернутую программу деятельности в рабочем классе. В своей книге «Что такое «друзья народа»...» Ленин, пользуясь методом Маркса, опираясь на революционнейшее учение Маркса, дал такой набросок перспектив революции, который целиком впоследствии оправдался.

---

[1] Ленин. Соч., т. I, стр. 194.

V

Особый интерес для истории нашей партии представляет такое явление общественной жизни 90-х годов, как появление в царской России «легального марксизма». Ленин называл «легальный марксизм» «отражением марксизма в буржуазной литературе». Каким же образом он появился, как отнесся к нему Ленин, какую роль сыграл «легальный марксизм»?

С ростом промышленности, с развитием фабрик, заводов и железнодорожного строительства быстро рос пролетариат, росло рабочее движение, а вместе с этим одновременно все больше распространялся марксизм.

Когда рабочие массы России выступили организованно на борьбу против эксплоататоров, революционное народничество, как организация, уже было разгромлено. «Народная воля» погибла в борьбе с царским правительством. Отдельные народовольческие кружки еще пробовали собрать разбитые силы, но среди самих народников уже не было единства. Рабочее движение показало, куда идет развитие революции. Работа Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» нанесла сокрушительный удар народничеству, докончила идейный разгром, начатый Плехановым. Марксизм стал быстро упрочиваться в кругах революционной интеллигенции. И, как всегда бывает, к большому общественному движению присоединились всякого рода «попутчики».

В борьбе против народничества наряду с революционными социал-демократами стали выступать временные, ненадежные попутчики. В обстановке развивающегося капитализма и превращения России в страну буржуазную эти попутчики пытались борьбу с народничеством использовать для того, чтобы приспособить рабочее движение исключительно к интересам буржуазии, якобы выполняющей в России особо прогрессивную роль. Называя себя марксистами, они брали у Маркса его учение о законах развития капиталистического общества, выхолащивая революционную сущность этого учения. Они старались замазать и даже оспорить учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной пролетарской революции, о неизбежности крушения капитализма и установления диктатуры пролетариата. Ленин называл их поэтому проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Царское правительство в то время все еще продолжало борьбу с остатками революционного народничества, с остатками народовольцев. Поэтому оно первое время смотрело сквозь пальцы на легально появившиеся марксистские журналы, поскольку в них подвергались критике основы народничества. В предисловии к сборнику «За 12 лет» Ленин писал о возникновении «легального марксизма»: «Конец 1894-го и начало 1895-го годов были периодом крутого поворота в нашей легальной публицистике. Впервые про-

брался в нее марксизм, представленный не только заграничными деятелями Группы «Освобождение Труда», но и русскими социал-демократами. Оживление в литературе и горячие споры марксистов с старыми главарями народничества, которые до тех пор почти безраздельно господствовали (напр., Н. К. Михайловский) в передовой литературе, было преддверием подъема массового рабочего движения в России. Литературные выступления русских марксистов были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896-го года, которые открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения, — этого самого могучего фактора всей нашей революции.

Условия тогдашней литературы заставляли социал-демократов говорить эзоповским языком и ограничиваться самыми общими положениями, наиболее далекими от практики и политики. Это обстоятельство особенно облегчило союз разнородных элементов марксизма в борьбе с народничеством. На-ряду с заграничными и русскими социал-демократами эту борьбу вели такие люди, как гг. Струве, Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев и т. п. Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму»[1].

Конечно, это вовсе не значит, что была дана свобода слова марксистам. Мы видим, какой «марксизм» большей частью находил место в этих журналах. Первые же марксистские книжки и статьи Ленин должен был издавать нелегально, так как легальные издания сжигались полицией по выходе из печати. Так, жандармы сожгли сборник статей, где была также и большая статья Ленина, в которой он раскритиковал фальшь одного из вождей «легальных марксистов» — Петра Струве, проводившего под видом учения Маркса защиту интересов буржуазии. Одно время так называемый «легальный марксизм» (т. е. разрешенный законом) завоевал довольно большое число сторонников среди буржуазной интеллигенции. Ленин указывал на то, что «легальные марксисты» — люди ненадежные, что они нам скоро изменят, что они только временные попутчики и что по сути дела они защищают интересы буржуазии.

Так на самом деле и случилось. Когда развернулась революционная борьба рабочего класса, во враждебный лагерь ушли такие «марксисты», как Петр Струве, Бердяев, Туган-Барановский и др. Петр Струве от позиции «легального марксиста» докатился до роли врангелевского прихлебателя, ярого белогвардейца-монархиста. Были и такие «легальные марксисты», как Булгаков, который потом стал попом.

---

[1] Ленин. Соч., т. XII, стр. 57.

«Легальные марксисты» не были революционерами. Это были буржуазные демократы, пытавшиеся использовать марксизм в своих классовых интересах. «Легальные марксисты» особенно выпячивали прогрессивную роль капитализма. Они прикрашивали капитализм. Отмечая, что в отличие от мелкого производства капиталистическая фабрика и завод несут «прогресс» и «культуру», они, конечно, не могли и не хотели видеть во всем этом капиталистическом «прогрессе» классовую борьбу рабочих против капиталистов. «Легальные марксисты» писали, что если в России существует еще безработица, нищета масс, то только потому, что мало развит капитализм. Струве рекомендовал «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму».

«Легальные марксисты» были сродни ревизионистам II Интернационала. Извращая учение Маркса о борьбе классов, «легальные марксисты», как и германские бернштейнианцы и реформисты других партий II Интернационала, отказывались от борьбы за пролетарскую диктатуру и относились враждебно к идее вооруженного восстания рабочего класса и революционного захвата власти пролетариатом. Необходимо отметить, что в то время как Ленин вскрывал буржуазную сущность «легальных марксистов», Плеханов относился к ним примиренчески. Тот факт, что П. Струве в своей книге рекомендовал «пойти на выучку к капитализму», Плеханов расценивал как совершенно безвредное, невинное увлечение западника.

Ленин в «Что делать?», под заголовком «Критика в России», объяснял, как сложился временный союз революционных марксистов с «легальными марксистами», какое значение он имел, почему этот союз распался. «Это было, — писал Ленин, — вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, — внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, — до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг. Вполне понятно, что среди окру-

женных этим чадом начинающих марксистов оказался не один «писатель, который зазнался»...»[1].

Ленин при этом дает четкую характеристику «легальных марксистов»: «Эти последние были буржуазными демократами».

На вопрос: правильно ли действовали революционные марксисты, когда пошли хотя бы на временный союз с такими людьми, как Струве, допустимо ли было вступать в союз с людьми, которые были фактически проводниками буржуазного влияния на пролетариат, Ленин отвечает: «Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором»[2].

В чем выразился конкретно союз с «легальными марксистами»?

Прежде всего в совместном издании сборников и журналов. Так был организован и подготовлен к печати сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». В нем были помещены статьи: П. Скворцова «Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям»; В. И. (Ионова) «Борьба общины с хутором»; статья А. Потресова «Перевод очерка Эдуарда Бернштейна о только-что вышедшем третьем томе «Капитала»; статья К. Тулина (Ленина) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»; статья П. Струве «Моим критикам»; статья Д. Кузнецова (Плеханова) «Пессимизм, как отражение экономической действительности»; статья А. Утиса (Плеханова) «Несколько слов нашим противникам» (материалы для истории цивилизации нашей литературы).

Таким образом, в этом сборнике большинство статей принадлежит революционным марксистам.

В основу статьи Ленина положен был его реферат «Отражение марксизма в буржуазной литературе», читанный на квартире Потресова в 1894 г. Ленин в этой статье разоблачал попытки Струве «исправить и дополнить» марксизм. Ленин критиковал попытки Струве исказить учение марксизма о государстве и увлечение самого Струве государством, как «организацией порядка». Точно

---

[1] Ленин. Соч., т. IV, стр. 373.
[2] Там же, стр. 374.

так же Ленин критиковал Струве за попытки его представить дело так, будто социализм может победить путем постепенного перехода от буржуазного строя к социалистическому, что социализм постепенно вырастает из капитализма. Это была опаснейшая и вреднейшая ревизионистская точка зрения, против которой Ленин решительно боролся. Точно так же Ленин боролся и против неправильной критики народничества у Струве.

Борьба классов у Струве подменялась сотрудничеством классов. Материалистическое учение подменялось различного рода идеалистическими, кантианскими и другими теориями. «Легальные марксисты» вульгаризировали, опошляли марксизм, выхолащивали его революционную сущность, поэтому борьба против них была необходима. Но так как одновременно против марксистов — и легальных и революционных — резко выступали народники в «Русском богатстве» и в других журналах, то Ленин и другие революционные марксисты старались использовать и легальную и нелегальную печать для борьбы против них. Журналы «Новое слово», «Мир божий», «Начало», «Научное обозрение», «Жизнь» и ежедневная газета «Самарский вестник» — вот органы, в которых сотрудничали вместе с «легальными марксистами» Ленин, Плеханов и другие революционные марксисты.

Так, в «Новом слове» появились статья Ленина «К характеристике экономического романтизма» и рецензия «По поводу одной газетной заметки»; статьи Плеханова «Судьба русской критики», Веры Засулич (Иванова) и ряда других марксистов.

Чрезвычайно интересное явление для того времени — газета «Самарский вестник». Это была захудалая провинциальная газета, которую издавал либеральный земец Реутовский. В этой газете одно время преобладали марксистские статьи. В ней же печатались статьи Скляренко, Гвоздева и напечатана была статья Ленина «Перлы народнического прожектерства».

В журнале «Начало» напечатана была статья Ленина «Вытеснение барщинного хозяйства капитализмом в современном русском земледелии».

Легально вышли в это время работы Плеханова (Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»; Плеханова (Волгина) «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)»; работа Ленина «Экономические этюды» и статьи 1897—1898 гг. В это время «Капитал» Маркса (первый том) выдерживает уже 3-е издание (1898 г.). Еще раньше выходит легально «Критика некоторых положений политической экономии» Маркса («К критике политической экономии») в переводе Румянцева.

Одно только перечисление показывает, насколько участие в легальной печати марксистов расширило круг их влияния. Тем не менее продолжаться долго это сотрудничество с «легальными марксистами» не могло. Уже одно то, что в сборнике помещается ря-

дом статья Ленина, которая резко критикует господина Струве, а рядом помещается статья самого П. Струве, показывает антагонистический характер этого союза. Это было такое, если можно так выразиться, «единство противоположностей», которое таило зародыш разрыва с самого начала.

«Легальные марксисты» вскоре перешли в наступление против революционного марксизма под покровом «критики». Революционные марксисты, или, как их тогда называли, «ортодоксы», т. е. правоверные, не оставались в долгу, называли легальных марксистов «марксистообразными». Эти марксистообразные имели самые разнообразные оттенки. Как говорили немцы: «есть марксисты и «тоже марксисты».

«Разрыв вызван был, — писал Ленин, — конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления — естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому трэд-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим»[1].

Однако этот разрыв не означал, что «легальные марксисты» исчезли с арены деятельности рабочих организаций. В том-то и дело, что в наследство от «легального марксизма» осталась целая плеяда «критиков» марксизма; «...этот разрыв означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились «бывшие марксисты», вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополию на «разнос» марксизма. Клики: «против ортодоксии» и «да здравствует свобода критики» (повторяемые теперь «Р. Делом») сделались сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли и цензора с жандармами, это видно из таких фактов, как появление трех русских изданий книги знамени-

[1] Ленин. Соч., т. IV, стр. 374—375.

того (геростратовски знаменитого) Бернштейна или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч. («Искра» № 10). На социал-демократов легла теперь трудная сама по себе, и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями, задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к «критике» сопровождался встречным влечением практиков-социал-демократов к «экономизму» [1].

Борьба Ленина против «легальных марксистов» и народников. имела тем бо́льшее международное значение, что русские «легальные марксисты» (как и народники) находились в преемственной связи с предшествующими и последующими оппортунистическими течениями внутри рабочего движения в нашей стране и ревизионистами II Интернационала на Западе.

В самых ранних своих работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894 г.), «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.), а также в более поздних работах Ленин решительно выступал против всяческих извращений, фальсификаций революционного марксизма, подымал на большую теоретическую высоту важнейшие вопросы пролетарской борьбы и ставил актуальнейшие революционные задачи перед марксистами. Эти работы Ленина воспитали новое поколение революционеров-ленинцев.

Ленин, начиная с самых ранних своих работ, выдвигал вопросы, относящиеся не только к русской революции, — они имели огромное и международное значение. Ленин в своих работах поставил и решил по-новому, по-боевому все основные вопросы русской и международной пролетарской революции.

VI

Образование Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и ряда подобных организаций в наиболее значительных центрах России ставило настойчиво вопрос о создании единого центра, о съезде партии. Ленин в книге «Что делать?» дает характеристику этого периода.

«Второй период обнимает три-четыре года, 1894—1898 гг. (т. е. от образования Петербургского «Союза борьбы» до I съезда партии. — **Ем. Я.**) ...Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время последним делом социал-демократов этой полосы» [2].

---

[1] Ленин. Соч., т. IV, стр. 375.
[2] Там же, стр. 499.

В конце 90-х годов в разных крупных промышленных центрах отдельные рабочие кружки объединяются в социал-демократические организации. Эти организации все больше переходят от пропаганды в небольших кружках к массовой агитации. В то же время под влиянием роста движения у многих товарищей созревает мысль, что надо объединить эти разрозненно действующие организации в одну социал-демократическую партию. Такую задачу выдвигали Плеханов и Ленин, ее выдвигали многие социал-демократические организации того времени. Еще в начале 1896 г. сделана была такая попытка «Московским рабочим союзом». Была даже выработана программа съезда, но созвать его не удалось. В начале 1897 г. по почину Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» начала издаваться общепартийная «Рабочая газета». В марте 1897 г. киевской организацией была сделана попытка созвать съезд, но эта попытка оказалась неудачной. Собрались всего три делегата (от Петербурга, Киева и от группы польских социал-демократов), которые объявили себя конференцией.

И лишь 1 марта 1898 г. в Минске собрался I съезд партии, на котором присутствовали девять представителей социал-демократических организаций: от петербургского, московского, киевского, екатеринославского «Союзов борьбы» — по одному, три представителя от организации еврейской рабочей партии «Бунд» и два представителя «Рабочей газеты», которая издавалась в Киеве. Хотя среди этих девяти человек только один делегат был по профессии рабочим, тем не менее этот съезд имеет несомненное значение в деле создания рабочей партии. «Рабочая газета» была признана центральным органом партии, был выбран Центральный комитет из трех членов (С. И. Радченко, А. Кремер, Б. Эйдельман). Был разработан организационный устав и принят манифест Российской социал-демократической рабочей партии, в котором указывалось, что главнейшая, ближайшая задача партии — это завоевание политической свободы. В манифесте говорилось о том, что партия ставит себе задачу — объединить все местные организации, кружки в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП).

Таким образом, мы видим, что I съезд партии имел большое значение в смысле самоопределения рабочей партии. Правда, тотчас же после съезда Центральный комитет, выбранный на съезде, со всеми членами и документами съезда, а также типография «Рабочей газеты» были арестованы. Арестовано было в разных городах около 500 социал-демократов: в одном Киеве было арестовано 176 человек. Уже эти цифры дают некоторое понятие о том, как разрасталось социал-демократическое движение. Хотя на I съезде было представлено очень мало организаций, но, слившись, отдельные организации, отдельные «Союзы борьбы» с этого дня начали существовать как **организации Российской социал-демократической рабочей партии.**

Основные недостатки I съезда заключались в том, что съезд не дал программы партии, не дал решений по важнейшим тактическим вопросам. А организационные решения этого съезда не обеспечивали боевого пролетарского характера партии. Вот почему «Бунд», руководимый оппортунистами, так горячо отстаивал впоследствии именно эти организационные решения I съезда.

Манифест I съезда вообще является очень неопределенным и принципиально далеко не выдержанным документом. В нем отсутствует указание на такие важнейшие моменты, как неизбежность перехода политической власти к пролетариату, завоевание диктатуры пролетариата, не упомянуто о борьбе за демократическую республику, ничего не сказано о союзниках пролетариата в его политической борьбе. Тем не менее манифест этот имел большое политическое, организующее значение. Он знаменовал собой шаг вперед. Слияние местных групп в партию закрепляет «...переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы» [1].

Очень важно в принципиальном отношении для определения руководящей роли пролетариата и его отношения к буржуазии следующее положение манифеста:

«Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем бо̀льшие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата» [2]. В манифесте указывалось также, что завоевание политической свободы — «...лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата, к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком» [3].

Ленин указывал, что I съезд не создал боевой пролетарской партии, после I съезда борьба за партию стала насущной задачей рабочего движения. Наступил третий период в развитии социал-демократии, закончившийся II съездом, принявшим программу и устав партии.

«Третий период подготовляется, как мы видели, в 1897 году и окончательно выступает на смену второго периода в 1898 году...» [4]. Ленин называет этот период периодом «...разброда, распадения, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью...» [5]. Эти фальшивые голоса были, с одной стороны, голоса «легальных марксистов», Струве, Прокоповича и др., с другой — образовавшегося

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 617. Приложения.
[2] Там же, стр. 616.
[3] Там же.
[4] Ленин. Соч., т. IV, стр. 499.
[5] Там же, стр. 499—500.

оппортунистического течения — «экономистов» Мартынова, Кричевского и др. Но Ленин отмечает при этом, что «...брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения» [1].

---

[1] Ленин. Соч., т. IV, стр. 500.

РАБОТА ЛЕНИНА «ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?» БОРЬБА С «ЭКОНОМИЗМОМ». ПОЯВЛЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ГАЗЕТЫ «ИСКРА»

I

Ленин придавал громадное значение идейному разгрому народничества, как необходимому условию для создания самостоятельной рабочей партии.

Ряд важнейших ленинских работ направлен против народничества. С книгой Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», разоблачающей народничество, мы ознакомились в прошлой лекции. Разберем другую замечательную ленинскую работу — «От какого наследства мы отказываемся?» Она была написана Лениным в конце 1897 и начале 1898 гг. и напечатана в 1899 г. в сборнике: Владимир Ильин — «Экономические этюды и статьи».

Ленин в этой работе дает сжатую сводку основных разногласий между народниками и марксистами («учениками») и выясняет очень важный в истории общественного движения России вопрос — о просветителях и об отношении к ним марксистов. Дело в том, что народники упрекали марксистов, будто бы «...эти люди не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства... т.-е. от «наследства 60—70 годов»...» [1].

Статью «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин вынужден был писать завуалированным языком, чтобы иметь возможность выпустить ее легально. Поэтому он ни разу в этой статье не называл слова «социализм», а вместо слова «марксисты» везде писал «ученики», под «наследством» Ленин подразумевал революционные традиции. Также из цензурных соображений Ленин в качестве примера просветителя взял не Чернышевского, не Белинского, не Добролюбова, а сравнительно умеренного Скалдина. Скалдин в течение трех лет печатал в высшей степени интересные статьи в журнале «Отечественные записки».

Ленин в работе «От какого наследства мы отказываемся?» пока-

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 305.

зал, что, по сравнению с просветителями, народники в некотором отношении сделали шаг назад и марксисты являются более последовательными хранителями революционных традиций великих революционных демократов 40—60 и 70-х годов, чем народники.

Правда, Ленин не всегда выделял просветителей из того потока движения революционных разночинцев, который охватывает период, начиная с Герцена и кончая партией «Народная воля».

Ленин, характеризуя общественное движение в России со времен декабристов, писал в статье «Памяти Герцена»:

«Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян» [1].

Ленин Белинского, Чернышевского, Добролюбова, партии «Земля и воля» и «Народная воля» характеризовал как участников движения революционеров-разночинцев. Это движение в значительной степени было разбужено Герценом, который основал первую вольную русскую типографию за границей, где издавались революционные журналы «Колокол» и «Полярная звезда».

Ленин говорил о Герцене, как о писателе, который сыграл «...великую роль в подготовке русской революции» [2].

Вынужденный жить изгнанником за границей, Герцен свои средства (он был из довольно богатой помещичьей семьи) отдавал на дело революции.

Однако Герцен, блестяще критикуя царизм, нередко впадал в либеральный тон, что вызывало неприязненное к нему отношение Маркса и других революционеров того времени, в том числе Чернышевского и Добролюбова. Так, Герцен в связи с реформами 1861 г. неоднократно обращался за советами к царю-«вешателю»— Александру II. Эти обращения вызывали справедливое негодование Добролюбова и Чернышевского, которые, как говорил Ленин, были «...тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако, справедливость требует сказать, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» [3].

---

[1] Ленин. Соч., т. XV, стр. 468—469.
[2] Там же, стр. 464.
[3] Там же, стр. 467.

Герцен был в Париже, когда разыгралась революция 1848 г. Он тяжело переживал поражение пролетариата. Не поняв значения революции 1848 г., он считал, что уже нет надежды на успешную социалистическую революцию.

В письме к историку Мишле Герцен доказывал, что спасение для России придет от крестьянской общины. В этом смысле Герцен явился родоначальником крестьянского, утопического, русского «народнического» социализма. Он был сторонником крестьянской социалистической революции.

Герцен был западником, он на целую голову стоял выше народников, из которых многие впадали в славянофильский тон.

На роли Герцена в революционном движении необходимо было хотя бы вкратце остановиться, потому что он как бы связывает декабристов с просветителями последующей эпохи.

Наиболее яркой фигурой движения революционеров-разночинцев 40-х годов является Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848).

В 60-х годах во главе этого движения стоял великий русский революционер-демократ Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889), а рядом с ним его верный соратник, талантливейший критик и публицист Николай Александрович Добролюбов (1836—1861).

Каждый из них оставил яркий и глубокий след в развитии общественной мысли России, во всем предшествовавшем марксизму движении.

Ко всем этим деятелям Ленин питал глубочайшее уважение, в особенности к Чернышевскому, произведения которого Ленин неоднократно цитировал, называя его социалистом домарксового периода. Вместе с тем каждый из них глубоко индивидуален.

Белинского — великого русского писателя и критика, революционера-демократа за его яркие выступления, за пламенную защиту народа прозвали «неистовый Виссарион». «Ужасное зрелище страны, где торгуют людьми», — так характеризовал Белинский крепостническую Россию. Это зрелище вызывало в нем революционную страсть и возмущение; он был настоящим революционером, якобинцем своего времени. Когда Белинский понял, что только социализм может уничтожить социальное зло, освободить людей от гнета, он со всей присущей ему страстью стал его последователем; «...я теперь в новой крайности, — писал Белинский Боткину, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Все из нея, для нея и к ней» [1].

Белинский был знаком с журналом «Deüthe-Französische Jahrbücher», издававшимся при участии Маркса и Энгельса; он произвел на него огромное впечатление.

---

[1] Белинский. Письма, т. II, стр. 262. Изд. 1914.

В 1914 г. Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати в России» показал, какое значительное место занимал Белинский в революционном движении:

«Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению разночинцев, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору» [1].

О Белинском писал Некрасов:

«В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно..:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...» [2].

. . . .

«Над ним уж тучи собирались,
Враги шумели, ополчались...
В нем силы пуще разгорались
И между тем, как перед ним
Его соратники смирялись
И в подлецов преображались,
Он шел один неколебим!..» [3].

Это Виссарион Григорьевич Белинский мечтал почти ровно 100 лет назад, когда он пророчески в 1840 г. писал: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству, и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества» [4].

Николай Александрович Д о б р о л ю б о в представляет одну из самых ярких фигур 60-х годов. Добролюбова и Чернышевского Маркс и Энгельс называли «русскими социалистическими Лессингами» (Лессинг был знаменитый немецкий критик и просветитель). Добролюбов — самый молодой и талантливый властитель дум, вождь целых поколений революционной разночинной интеллиген-

---

[1] Ленин. Соч., т. XVII, стр. 341.
[2] Некрасов. Стихотворения, стр. 202. Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1938.
[3] Там же, стр. 51.
[4] Белинский. Собр. соч., т. XII, стр. 224. Изд. 1926.

ции. Когда умер Добролюбов, Некрасов, потрясенный его смертью, писал:

«Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!»[1].

Да и позднейшие поколения революционеров воспитывались, учились на сочинениях Белинского, Добролюбова, Чернышевского.

«Правда» в день столетия со дня рождения Добролюбова характеризовала его как «...полный обаяния образ революционера, который в боевой своей натуре соединил суровую непримиримость к врагу, страстную преданность революции, непоколебимую веру в революционную активность народных масс, неутолимую жажду знания и горячую любовь к литературе»[2].

Добролюбов был сторонником крестьянской революции. Вынужденный в подцензурной печати писать очень завуалированно, он сумел передать всю свою ненависть к царскому самодержавию и крепостничеству. Свою изумительно сильную статью «Когда же придет настоящий день?» Добролюбов закончил глубокой уверенностью, что придут настоящие русские революционеры, подобные болгарскому революционеру Инсарову, описанному Тургеневым в «Накануне», и сметут до основания устои царизма и крепостничества.

Блестящую плеяду революционеров-демократов возглавляет Николай Гаврилович Чернышевский. Он был одним из горячих, убежденных борцов за революционное освобождение крестьянства; за составление прокламации «Барским крестьянам» Чернышевский был приговорен к смертной казни, которая была заменена каторгой. Он много лет томился в Петропавловской крепости, потом на нерчинской каторге, а затем долгие годы провел в Вилюйском остроге. Но царизм не смог сломить его воли, хотя и замучил его.

Чернышевский пользовался огромным авторитетом среди революционеров. Дважды делались попытки организовать его побег — Германом Лопатиным и Ипполитом Мышкиным. Освобождению Чернышевского помогал и Карл Маркс, высоко ценивший Чернышевского как экономиста и революционера. В ряде подпольных произведений (прокламация «Барским крестьянам», письмо к Герцену за подписью «Русский человек») Чернышевский прямо призывал к крестьянской революции. Он писал Герцену: «Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет».

Исторические, философские и критические статьи Чернышевского, а также его «Примечания к политической экономии английского экономиста Джона Стюарта Милля» обнаруживают, что Чернышевский был образованнейшим человеком, стоящим на уровне знаний своего века, глубоким философским материалистом. Его роман «Что делать?», написанный в Петропавловской крепо-

---

[1] Некрасов. Стихотворения, стр 168. Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1938.
[2] «Правда» от 5 февраля 1936 г.

сти, это политическое завещание великого социалиста домарксового периода, сыграл огромную роль в развитии нескольких революционных поколений.

Последние исследования о Чернышевском указывают, что он был знаком с некоторыми произведениями Маркса и Энгельса. В статьях редактируемого им журнала «Современник» можно найти обширные выдержки из книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и прямые заявления в пользу Энгельса. В майской книге «Современника» за 1861 г. напечатана без подписи статья «Экономия чувствительности», в ней излагаются взгляды, очень близкие к взглядам «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса. В этой статье написано: «Вся задача новых экономистов заключается в освобождении работников от гнета капитала. Европейское общество распадается на два класса — на капиталистов и рабочих. Оба класса, сильные, каждый в своем роде, стоят враждебно один против другого, и настоящий общественный порядок Западной Европы покоится именно на господстве капитала над рабочей силой без капитала. Пролетариат и вызванное им сознание необходимости изменить экономические условия настоящего европейского общества не составляют дело случая. Кто не видит во всем этом работы истории, тот не понимает ни смысла явления, ни его значения. Пролетарий вовсе не нищий и не лентяй. Нищий не работает. В этом виде пролетарий есть явление новой истории. Только в нынешнем столетии он появился на западе Европы в революции сознательно, самостоятельно, целиком. До XIX столетия бедных, нуждавшихся в общественной помощи, было, может быть, больше, чем теперь, но о пролетариате не было речи. Он — плод новой истории».

Ленин писал о Чернышевском: он «...был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» [1].

Чернышевский мечтал о революции, которая передаст власть «в руки самого низшего и многочисленнейшего класса: земледельцы + поденщики + рабочие». Он мечтал о том времени, когда он сам примет участие в крестьянской революции. Чернышевский готовил эту революцию и сделал все, что было в его силах для ее приближения.

Характеризуя 60-е годы, Ленин писал: «И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю

---

[1] Ленин. Соч., т. XV, стр. 144.

узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»[1].

Но Чернышевский был защитником русской общины: он так же, как народники, и это делает его близким к народничеству, думал, что Россия может притти к социализму через общину, минуя фазу капиталистического развития.

Исходя из гегелевской диалектики, он считал, что:

«Высшая степень развития по форме сходна с его началом...»[2]. Эту свою уверенность Чернышевский объяснял тем, что:

«...Под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты»[3]. Община, по мнению Чернышевского, может развиться в социалистическом направлении только в том случае, если произойдет революция, которая передаст власть рабочим и крестьянам.

Чернышевский считал развитие капитализма в России прогрессивным явлением в отличие от народников-землевольцев более позднего времени, которые рассматривали развитие капитализма в России как социальное бедствие.

Уже после каторги Чернышевский «В заметках о Некрасове» отмечал прогрессивность буржуазно-демократического порядка.

Таким образом, Белинский, Чернышевский и Добролюбов вступают в историю общественного движения в России как последовательные революционеры-демократы и просветители. Они были предшественниками русской социал-демократии, хотя и проповедывали теорию утопического, крестьянского социализма, основанного на неправильной оценке крестьянства как главной действующей силы революции, и роли крестьянской общины как основной ячейки будущего социалистического общества. Это последнее и сделало Герцена и Чернышевского до известной степени родоначальниками народничества.

Анализируя отношение народничества к «просветительству» 60-х годов, Ленин указывал, что «...народничество сделало крупный шаг вперед против наследства, поставив перед общественной мыслью на разрешение вопросы, которых хранители наследства частью еще не могли (в их время) поставить, частью же не ставили и не ставят по свойственной им узости кругозора. Постановка этих вопросов есть крупная историческая заслуга народничества, и вполне естественно и понятно, что народничество, дав (какое ни на есть) решение этим вопросам, заняло тем самым передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли.

[1] Ленин. Соч., т. XV, стр. 143.
[2] Чернышевский. Соч., т. IV, стр. 309.
[3] Там же, стр. 331.

Но решение этих вопросов народничеством оказалось никуда не годным, основанным на отсталых теориях, давно уже выброшенных за борт Зап. Европой, основанным на романтической и мелкобуржуазной критике капитализма, на игнорировании крупнейших фактов русской истории и действительности. Покуда развитие капитализма в России и свойственных ему противоречий было еще очень слабо, эта примитивная критика капитализма могла держаться. Современному же развитию капитализма в России, современному состоянию наших знаний о русской экономической истории и действительности, современным требованиям от социологической теории народничество безусловно не удовлетворяет. Бывши в свое время явлением прогрессивным, как первая постановка вопроса о капитализме, народничество является теперь теорией реакционной и вредной, сбивающей с толку общественную мысль, играющей на руку застою и всяческой азиатчине. Реакционный характер народнической критики капитализма придал народничеству в настоящее время даже такие черты, которые ставят его ниже того миросозерцания, которое ограничивается верным хранением наследства» [1].

II

После того как мы ознакомились с виднейшими представителями просветителей, предшественников социал-демократии, перейдем к более подробному анализу статьи Ленина «От какого наследства мы отказываемся?».

Изучая статьи просветителя Скалдина, который по сравнению с Чернышевским стоял на правом крыле просветительства, Ленин отмечал, что Скалдин, в отличие от народников, занимавшихся идеализацией реформы 1861 г., трезво оценивал эту реформу. Скалдин — враг патриархальной власти общины, «мира» над членами общины. Известно, что Чернышевский также очень трезво оценивал реформу 1861 г. и относился к ней враждебно.

Скалдин, как и все просветители, — противник не только крепостного права, но и враг тех пережитков крепостного права, которые являлись причиной обнищания крестьян. В этих пережитках Скалдин видел причины, которые «держат большинство наших крестьян на степени, близкой к пролетариату». Скалдин — противник словесности. Ленин подчеркивал, что Скалдин, как и вообще просветители, был представителем прогрессивной тогда буржуазной идеологии, в противовес мелкобуржуазной идеологии народников.

В 4-й главе своей работы «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин резюмирует сказанное им о взаимоотношениях просветителей, народников и «учеников», т. е. марксистов. Эти итоги выражены чрезвычайно ярко.

«Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 323.

замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» (т. е. марксист.—**Ем. Я.**) верит в данное общественное развитие, ибо он видит залоги лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий»[1]. Очень тонкое различие: просветители верят в данное общественное развитие, потому что не видят противоречий. Народники же заметили эти противоречия, но боятся общественного развития. Марксисты верят в данное общественное развитие, потому что они видят уже и другую сторону— видят борьбу этих противоречий, видят, куда ведет эта борьба. «Первое и последнее направление стремится поэтому поддержать, ускорить, облегчить развитие по данному пути, устранить все препятствия, мешающие этому развитию и задерживающие его»[2], то-есть и просветители, и марксисты стремятся поддержать, ускорить, облегчить развитие по данному пути, а народничество, наоборот, стремится задержать и остановить это развитие, боится уничтожения некоторых препятствий развитию капитализма. «Первое и последнее направление (т. е. и просветительское и марксистское. — **Ем. Я.**) характеризуется тем, что можно бы назвать историческим оптимизмом: чем дальше и чем скорее дела пойдут так, как они идут, тем лучше. Народничество, наоборот, естественно ведет к историческому пессимизму: чем дальше дела пойдут так, тем хуже. «Просветители» вовсе не ставили вопросов о характере пореформенного развития, ограничиваясь исключительно войной против остатков дореформенного строя, ограничиваясь отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития России. Народничество поставило вопрос о капитализме в России, но решило его в смысле реакционности капитализма и потому не могло целиком воспринять наследства просветителей: народники всегда вели войну против людей, стремившихся к европеизации России вообще, с точки зрения «единства цивилизации», вели войну не потому только, что они не могли ограничиться идеалами этих людей (такая война была бы справедлива), а потому, что они не хотели идти так далеко в развитии данной, т.-е. капиталистической, цивилизации. «Ученики» (т. е. марксисты. — **Ем. Я.**) решают вопрос о капитализме в России в смысле его прогрессивности и потому не только могут, но и должны целиком принять наследство просветителей, дополнив это наследство анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей. (Видите, как Ленин должен был говорить: вместо пролетариат — «бесхозяйный производитель». — **Ем. Я.**). Просветители не выделяли, как предмет своего особенного внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще. Народники желали представлять интересы труда, не указывая однако определенных групп в современной системе хозяй-

---

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 330.
[2] Там же.

ства; на деле они становились всегда на точку зрения мелкого производителя, которого капитализм превращает в товаропроизводителя. «Ученики» (т. е. марксисты — **Ем. Я.**) не только берут за критерий интересы труда, но при этом указывают совершенно определенные экономические группы капиталистического хозяйства, именно бесхозяйных производителей. Первое и последнее направление соответствуют, по содержанию своих пожеланий, интересам тех классов, которые создаются и развиваются капитализмом; народничество по своему содержанию соответствует интересам класса мелких производителей, мелкой буржуазии, которая занимает промежуточное положение среди других классов современного общества. Поэтому противоречивое отношение народничества к «наследству» вовсе не случайность, а необходимый результат самого содержания народнических воззрений: мы видели, что одна из основных черт воззрений просветителей состояла в горячем стремлении к европеизации России, а народники никак не могут, не переставая быть народниками, разделить вполне этого стремления.

В конце концов мы получили, следовательно, тот вывод, который не раз был уже нами указан по частным поводам выше, именно, что ученики — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники. Не только они не отрекаются от наследства, а, напротив, одной из главнейших своих задач считают опровержение тех романтических и мелко-буржуазных опасений, которые заставляют народников по весьма многим и весьма важным пунктам отказываться от европейских идеалов просветителей. Но само собою разумеется, что «ученики» хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу. Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством, и к защите общих идеалов европеизма «ученики» присоединяют анализ тех противоречий, которые заключает в себе наше капиталистическое развитие, и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения»[1].

Ленин показал, что во всех важных вопросах просветители и марксисты стоят более близко друг к другу, чем народники и просветители.

Поэтому народники не были совершенно правы, когда пытались изобразить дело так, будто бы марксисты «накидываются» на просветителей, отказываются от революционных традиций просветителей, от их ненависти к царскому самодержавию, крепостничеству, ко всякой эксплоатации. «—Накидывались ли «русские ученики» на русских просветителей? — спрашивал Ленин народника Михайловского. — Отказывались ли они когда-нибудь от наследства, завещавшего нам безусловную вражду к дореформенному быту и его остаткам? — Не только не накидывались, а, напротив, народ-

---

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 330—332.

ников изобличали в стремлении поддержать некоторые из этих остатков ради мелко-буржуазных страхов перед капитализмом. — Накидывались ли они когда-нибудь на наследство, завещавшее нам европейские идеалы вообще? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали, что они вместо общеевропейских идеалов сочиняют по многим весьма важным вопросам всякие самобытные благоглупости. — Накидывались ли они когда-либо на наследство, завещавшее нам заботу об интересах трудящихся масс населения? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали в том, что их забота об этих интересах непоследовательна (ибо они усиленно смешивают крестьянскую буржуазию и сельский пролетариат); что польза от этих забот обессиливается мечтаниями о том, что могло бы быть, вместо обращения своего внимания на то, что есть; что их заботы крайне узки, ибо они никогда не умели оценить по достоинству условия (хозяйственные и другие), облегчающие или затрудняющие для этих лиц возможность самим заботиться о себе»[1].

На истерические вопли Михайловского, что «капитал идет» и вопрос заключается в том, как его встретить, — Ленин отвечал, что, конечно, можно по-разному относиться к капиталу — либо признать его прогрессивным явлением, либо регрессивным, либо оценивать его с точки зрения класса мелких производителей, разрушаемых капитализмом, либо с точки зрения пролетариата, создаваемого капитализмом. Марксисты именно и оценивали капитализм как явление прогрессивное по сравнению с крепостничеством, феодализмом. Народники оценивали капитализм с точки зрения класса мелкого товаропроизводителя, разрушаемого капиталом, а не с точки зрения тех новых отношений, которые создавались растущим капитализмом и борьбою двух классов капиталистического общества — капиталистов и рабочих.

Поэтому, заканчивая свою статью, Ленин приходил к выводу, что бесповоротный разрыв марксистов с народничеством не только не знаменует разрыва «...с лучшими традициями лучшей части русского общества». Ленин спрашивал: «Не наоборот ли, господа? Не знаменует ли такой разрыв очищение этих лучших традиций от народничества?»[2].

В истории общественного движения в России просветители явились предшественниками марксистов; в идейном отношении просветители стояли гораздо ближе к марксистам, чем выступавшие после них народники. Это ни в какой мере не противоречит тому, что народники взяли у Герцена и Чернышевского их веру в русскую общину: это значит, что народники заимствовали не самую сильную сторону учения Герцена и Чернышевского, а наиболее слабую.

---

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 333.
[2] Там же, стр. 338.

III

В 90-х годах Ленин, идейно разгромив до конца народничество, развернул непримиримую борьбу против появившегося тогда среди марксистов оппортунистического течения — «экономизма». Русский «экономизм» явился отражением в рабочем движении России тех же самых ревизионистских оппортунистических течений, которые в Западной Европе распространялись в конце XIX и в начале XX столетий под флагом бернштейнианства, мильеранизма и фабианства.

Можно выделить в «экономизме» три оттенка: 1) группа Кусковой и Прокоповича — авторов «кредо»; 2) группа петербургских «молодых» социал-демократов, которые издавали газету «Рабочая мысль», и 3) группа «рабочедельцев», живших за границей социал-демократов — Мартынова, Кричевского и других, входивших в заграничный «Союз социал-демократов» и издававших свой журнал «Рабочее дело». Общим у этих групп был, несмотря на оттенки мнений, взгляд на рабочее движение в России, которое не должно, по их мнению, втягиваться в политическую борьбу. Политическая борьба должна вестись, по взглядам «экономистов», либеральной буржуазией, экономическая — рабочими. «Критики» марксизма стояли за подчинение пролетариата политической гегемонии буржуазии.

Ленин характеризовал «экономизм» в принципиальном отношении, как опошление марксизма и беспомощность перед ревизионистской «критикой». В политическом отношении «экономизм» выражал непонимание или непризнание той простой истины, что социал-демократия не может свергнуть царское самодержавие, если она не возьмет в свои руки руководство общедемократическим движением, движением не только рабочего класса, но и крестьянства. В тактическом отношении для «экономизма» характерна полная неустойчивость. В организационном отношении «экономизм» проявил непонимание важности и необходимости создания крепкой и централизованной организации революционеров, которая способна была бы руководить подготовительной борьбой и последующими революционными схватками пролетариата с царским самодержавием. «Экономисты» не понимали того, что массовый характер рабочего движения не ослабляет, а усиливает необходимость создания марксистской социал-демократической партии.

На какой почве развился «экономизм»? Прежде всего необходимо отметить, что «экономизм» развился на почве значительного оживления промышленности и временного ослабления безработицы.

Во второй половине девяностых годов происходило значительное оживление в промышленности. Если к девяностым годам производительность русской промышленности оценивалась в 1 300 миллионов рублей, то в 1900 г. она равнялась 3 200 миллионам рублей. За одно десятилетие производительность ее выросла в $2^1/_2$

раза, при чем с 1887 по 1897 гг. металлургия выросла на 176 проц., горнозаводское производство — на 152 проц., текстильное — на 104 проц. По выплавке чугуна Россия заняла четвертое место в мировой промышленности. За то же десятилетие число фабрик увеличилось на 72 проц., число рабочих — на 59 проц. Промышленный подъем середины 90-х годов вызвал оживление в рабочем движении; при чем промышленное процветание этих годов давало рабочим значительные шансы на победу в стачках.

Из отчета Международному конгрессу II Интернационала известно, что с 1896 по 1900 гг. в 220 стачках приняло участие около 400 тысяч человек, при чем из 166 стачек успехом окончились 120, т. е. три четверти всех стачек. Успех стачечного движения (а движение носило главным образом экономический характер) внушал многим рабочим мысль, будто стачечное движение является единственным средством улучшения их положения. Именно на этой почве и зародился «экономизм».

«Экономизм» завоевал себе довольно прочное влияние среди слоя рабочих, который только недавно пришел из деревни и еще не приобрел настоящей пролетарской психологии, политически был очень отсталым. Это были в своей значительной части вышибленные из мелкокрестьянского хозяйства крестьяне, пришедшие на заработки в город. Подгоняемые нуждой и голодом, они шли на фабрики и заводы, которые в этот период благодаря промышленному подъему поглощали значительную часть разоренных крестьян.

Можно привести ряд фактов из истории стачечного движения этого периода, которые показывают, насколько отсталым был этот слой рабочих. Так, например, когда на Кренгольмской мануфактуре получили сообщение об издании царским правительством закона 2 июня 1897 г. об установлении рабочего дня в $11^1/_2$ часов, то рабочие отслужили благодарственный молебен в честь петербургских рабочих, отвоевавших эти права. Больше того, среди кренгольмских рабочих возникла даже мысль послать приветственную телеграмму царю за то, что-де царь-батюшка стоит за бунтовщиков. Были случаи, когда при начале стачки рабочие служили молебен, а чтобы рабочие не изменяли друг другу, все обязывались целовать крест. Эти факты показывают, насколько далеки были от настоящей политической борьбы значительные слои рабочих того времени.

«Экономисты» пользовались влиянием и среди сравнительно высокооплачиваемых рабочих казенных, государственных заводов. Государственные заводы почти всегда были обеспечены заказами, и рабочие на этих заводах, поставленные в лучшие условия сравнительно с другими рабочими, дорожили своим местом. На этих заводах было немало старых рабочих, которые пуще всего боялись политики и охотно поддерживали «экономистов».

Немалое значение для роста влияния «экономистов» среди рабочих имел также арест «стариков» из Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с Лениным.

Пришедшие на смену «старикам», «молодые» были менее подготовлены к политической деятельности. Большинство из них воспиталось на легальной марксистской литературе, было отравлено тем опошлением марксизма, которое проводили в литературе «легальные марксисты».

«Экономисты» употребляли марксистскую терминологию, но глубокого понимания марксизма у них не было. Марксизм они восприняли в вульгарном, упрощенном виде, не умели правильно сочетать политическую и экономическую борьбу, чурались объединения всех марксистских организаций в централизованную рабочую партию, пуще всего боялись централизма организации, были кустарями в области организации и пропаганды. По сути дела отказываясь от политической борьбы, они предлагали оставить рабочим область экономической борьбы, а буржуазии—политическую борьбу. Но так как либеральная буржуазия никогда не собиралась свергать царизм, то деятельность «экономистов» фактически была также направлена не к тому, чтобы свергнуть царизм, а к тому, чтобы добиться только тех или других реформ. «Экономисты» были проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Летом 1899 г. Владимир Ильич получил в ссылку — в село Шушенское — через сестру Анну Ильиничну Елизарову (Ульянову) написанный Е. Кусковой и Прокоповичем документ, известный в истории под именем «Credo» (что значит по-русски «верую»). Документ этот вызвал немедленный отпор со стороны Ленина. Тотчас же Ленин организовал собрание ссыльных социал-демократов Минусинского уезда в числе 17 человек, и на этом собрании был составлен «Протест 17». Об этом факте подробно рассказывает П. Н. Лепешинский в своей книге «На повороте».

«Незадолго перед смертью А. А. Ванеева наше Ермаковское было ареною умного, многолюдного съезда. Все социал-демократы Минусинского уезда летом (кажется, в июле) 1899 г. собрались по инициативе Владимира Ильича, чтобы достойным образом реагировать на пресловутое profession de foi, так называемых, «молодых» социал-демократов, — на известный, ставший историческим, документ под названием «Credo». Получивши из Петербурга рукопись с этим «кредо», Владимир Ильич взволновался... Он сейчас же составил себе план отповеди авторам «Credo» и набросал проект протеста против этого нового символа веры» [1].

Подписали этот «Протест» Ленин, Крупская, Старков, Кржижановский, Кржижановская (Невзорова), Старкова, Шаповалов, Панин, Ленгник, Барамзин, Энберг, Сильвин, Лепешинский, Лепешинская, Курнатовский, Ванеев и Ванеева. Владимир Ильич разослал копии «Протеста» в другие колонии ссыльных, в том числе в Туруханский край Мартову, с предложением присоединиться к это-

[1] П. Лепешинский. «На повороте», стр. 117. Изд. «Старый большевик». 1935.

му «Протесту». 22 октября 1899 г. «Протест 17» получил за границей Аксельрод. В начале декабря 1899 г. он был напечатан в приложении к № 4—5 журнала «Рабочее дело».

«Экономисты» из журнала «Рабочее дело» сделали вид, что они не имеют никакого отношения к «кредо». В начале 1900 г. Г. В. Плеханов напечатал «Протест 17» в своей брошюре «Wademecum» (что значит «Путеводитель»). Таким образом, «Протест 17» стал широко известен как среди ссыльных, так и действующих политических организаций социал-демократов.

В чем же состояло содержание манифеста «экономистов»? Прежде всего «экономисты» заявляли, что рабочий класс в Западной Европе получил политические свободы из рук буржуазии, не участвуя в борьбе за них. Это утверждение, конечно, совершенно не соответствовало действительности. Оно шло в разрез с фактами активнейшего участия рабочих в борьбе за политическую свободу. Если взять даже первое восстание рабочих — лионское восстание 1831 г., то и оно выдвинуло лозунг: «Жить работая или умереть в борьбе». Это движение, несомненно, носило политический характер. Участие рабочих в революции 1848 г. во Франции, в Германии, в Австрии, чартистское движение в Англии также подтверждают активную политическую борьбу рабочих с капиталистическим строем. Следовательно, «кредо» совершенно неправильно освещало роль рабочих в политическом движении. Конечно, утопический социализм, который являлся предшественником марксизма, чуждался политической борьбы. Ленин писал в «Протесте»: «Даже тогда, когда марксизм выступил во всеоружии теории («Капитал») и организовал знаменитое Международное Общество Рабочих, политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкий трэд-юнионизм в Англии, анархизм и прудонизм в романских странах)... Марксизм связал в одно неразрывное целое экономическую и политическую борьбу рабочего класса, и стремление авторов «credo» отделить эти формы борьбы принадлежит к самым неудачным и печальным отступлениям их от марксизма» [1].

Авторы «кредо» подхватили бывшую в то время модной среди бернштейнианцев и других ревизионистов идею, будто бы марксизм «переживает кризис». Ленин с возмущением писал в «Протесте»: «Говорить о «кризисе марксизма» значит повторять бессмысленные фразы буржуазных писак, усиливающихся раздуть всякий спор между социалистами и превратить его в раскол социалистических партий» [2].

Авторы «кредо» утверждали, что революционный марксизм, или, как они писали: «Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 480—481.
[2] Там же, стр. 481.

недрах современного общества должно резко измениться. Партия признает общество...»[1].

«Экономисты» считали, что социализм мирно врастет в капиталистическое общество, что социализм придет на место капитализма не в результате революционного крушения капитализма, а в результате постепенной демократизации капиталистического общества.

«Экономисты» в этом документе доказывали, что рабочий класс России, не организованный и политически не воспитанный, должен отказываться от самостоятельной политической борьбы, а нелегальные организации социал-демократов не заслуживают внимания по своей ничтожности. И что поэтому — «Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Русский марксист — пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания, поскольку он пользуется ими не как орудием исследования, а как схемой деятельности, не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач»[2].

В переводе на простой язык «экономисты» как бы говорили рабочему классу: не рыпайся и не думай, что ты можешь создать свою партию и вести политическую борьбу. Или, как украинцы говорят: «Не турбуйся, куме, — опускайся на дно».

Какой же вывод делали авторы «кредо» из той извращенной картины действительности, которую они нарисовали? Вывод вполне соответствовал тем крохоборческим мыслям, которые лежали в основе посылок «экономистов»:

«Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности»[3].

Само собой разумеется, что против таких взглядов, которые целиком отдавали руководство политической борьбой в руки либеральной буржуазии, необходимо было выступить со всей силой, и это сделал Ленин, организуя «Протест 17».

Ленин писал, что «экономисты» «...делают колоссальный шаг назад против той ступени развития, которой русская социал-демократия уже достигла и которую запечатлела в «Манифесте Российской Социал-Демократической Рабочей Партии»[4].

И Ленин в конце «Протеста» указывал на три основных положения, выставленных «Манифестом» I съезда РСДРП: «Во-первых, русская социал-демократия «хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». Отсюда следует, что девизом социал-демократии должно быть содействие рабочим не только в экономической, но и в политической борьбе, агитация

---

[1] Цит. по соч. Ленина, т. II, стр. 478.
[2] Ленин. Соч., т. II, стр. 479.
[3] Там же, стр. 480.
[4] Там же, стр. 484.

не только на почве ближайших экономических нужд, но и на почве всех проявлений политического гнета; пропаганда не только идей научного социализма, но и пропаганда идей демократических. Знаменем классового движения рабочих может быть только теория революционного марксизма, и русская социал-демократия должна заботиться о ее дальнейшем развитии и претворении в жизнь, оберегая ее в то же время от тех искажений и опошлений, которым так часто подвергаются «модные теории» (а успехи революционной социал-демократии в России сделали уже марксизм «модной» теорией). Сосредоточивая в настоящее время все свои силы на деятельности в среде фабрично-заводских и горных рабочих, социал-демократия не должна забывать, что в ряды организуемых ею рабочих масс должны войти с расширением движения и домашние рабочие, и кустари, и сельские рабочие, и миллионы разоренного и умирающего с голоду крестьянства» [1].

В то время как «экономисты» считали, что социал-демократы должны только помогать экономической борьбе рабочего класса, Ленин говорил, что наша задача гораздо шире. Мы должны итти во все демократические слои общества; мы должны организовать борьбу не только рабочего класса, но и крестьянства.

«Во-2-х: «На своих крепких плечах русский рабочий должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы». Ставя ниспровержение абсолютизма своей ближайшей задачей, социал-демократия должна выступить передовым борцом за демократию и уже в силу одного этого должна оказывать всякую поддержку всем демократическим элементам русского населения, привлекая их к себе в союзники. Только самостоятельная рабочая партия может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием, и только в союзе с такой партией, в поддержке ее могут активно проявить себя все остальные борцы за политическую свободу.

Наконец, в 3-х: «Как движение и направление социалистическое, Российская Социал-Демократическая Партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач Партии в целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Традиции всего предшествовавшего революционного движения требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой «Народной Воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 484—485.

стать непобедимой. «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капиталом и буржуазией до полной победы социализма» [1].

Таково содержание этого замечательного ленинского документа, направленного против «экономистов».

«Протест 17» сыграл громадную роль в борьбе против «экономизма». Он нанес удар не только «экономизму» в России, но и международному оппортунизму — бернштейнианству.

Второй документ Ленина против «экономизма» — это статья, написанная в конце 1899 г., «Попятное направление в русской социал-демократии», разоблачавшая второй оттенок «экономизма» — группу членов Петербургского «Союза борьбы». Эта группа после ареста Ленина и других «стариков» заняла руководящее положение в «Союзе борьбы» и издавала газету «Рабочая мысль».

«Рабочая мысль» выходила в Петербурге с 1897—1902 гг. Часть номеров «Рабочей мысли» печаталась в самом Петербурге, часть— за границей. «Рабочемысленцы» более откровенно, чем «рабочедельцы» за границей, высказывали свои оппортунистические, ревизионистские взгляды.

В письмах «экономистов», которые Плеханов опубликовал в «Вадемекуме», они давали ясный ответ на вопрос, чем должно ограничиться рабочее движение, какие цели оно должно себе поставить.

Рабочим нужно, писали экономисты, говорить об ограничении экономической эксплоатации. У современных рабочих очень мало общих требований, которые могли бы их объединить. Огромная масса рабочих очень мало интересуется политикой и преследует одни лишь профессиональные цели. Если интеллигенция хочет успешно работать в рядах пролетариата, то только на его нуждах надо строить свою программу. Непроизводительная трата времени— толковать рабочим о капитализме, самодержавии, политике, поэтому бессмысленны мечты о создании партии. Эти идеи можно развивать в кружках, но отнюдь их нельзя включать в программу агитационной работы. Кооперативы, касса взаимопомощи и прочее — вот идеал.

Точку зрения «экономистов» очень остроумно высмеял стоявший тогда вместе с Лениным на левом крыле Л. Мартов. Он написал «Гимн новейшего русского социализма Нарцисса Тупорылова» на мотив «Варшавянки»:

«Грозные тучи нависли над нами,
Темные силы в загривок нас бьют,
Русские спины покрыты рубцами,
Хлещет неистово варварский кнут.
Но, потираючи грешное тело,
Мысля конкретно, посмотрим на дело:

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 485.

«Кнут ведь истреплется, скажем народу
Лет через сто ты получишь свободу».
Медленным шагом,
Робким зигзагом,
Тише вперед,
Рабочий народ.
Жаждет копейки наш серый рабочий,
Нам ли к свободе его призывать.
Наших сподвижников тусклые очи
Заревом крови не должно смущать.
В битве безумной погибнут бесследно
Те, кто увлекся сияньем идей.
Гибели их будет вторить победно
Хохот презрительный трезвых людей.
Не увлекаясь,
Приспособляясь,
Тише вперед,
Рабочий народ.
В нашей борьбе самодержца короны
Мы не коснемся мятежной рукой,
Кровью народной залитые троны
Рухнут когда-нибудь сами собой.
Вашей политикой нас не прельстите,
Вы, демагоги трудящихся масс,
О коммунизмах своих не твердите,
Веруем... в мощь вспомогательных касс.
Коли возможно,
Но осторожно,
Шествуй вперед,
Рабочий народ».

«Экономисты» открыто заявляли, что «рабочий класс должен изгнать из своей среды все зовущее его на политическую борьбу с такой же решительностью, как они изгнали из своей среды провокаторов».

Это уже пахло прямой зубатовщиной и махаевщиной.

«Экономисты» испытывали страх перед революцией. «Пропагандировать рабочим свержение самодержавия... значит подвергать их величайшей опасности, какая только была возможна в истории, — писали они. — Пока нет среди них сознания своих интересов (а его нет), пока нет выработанной на практике стойкости и организованности, до тех пор всякий призыв к свержению самодержавия повлечет за собою лишь побоища. Революция представлялась экономистам «кровавым морем, которое надолго затопит нарождающееся движение» [1].

---

[1] Vademecum для редакции «Рабочего дела» — сборник материалов, изданный группой «Освобождение труда» с предисловием Г. Плеханова.

Ленин повел решительную борьбу против «экономистов» из «Рабочей мысли», характеризуя их взгляды как попятное направление в социал-демократическом движении, т. е. как реакционное направление.

«Рабочая мысль» утверждала, будто рабочие никогда не выдвигали политических требований. «Экономисты» скидывали со счета всю историю революционного движения в России, игнорировали образование первых рабочих союзов — «Северного союза русских рабочих» и «Южнороссийского союза рабочих», деятельность первой марксистской группы «Освобождение труда» и стачки рабочих, выдвигавших политические требования.

«Экономисты» сводили всю политику рабочего класса к борьбе цеховых союзов за отдельные реформы. С возмущением писал Ленин: «Да разве это сведение политики к борьбе цеховых союзов за отдельные реформы не есть отрицание политики? Разве это не есть отказ от основного завета всемирной соц.-демократии, что соц.-демократы должны стремиться организовать классовую борьбу пролетариата в самостоятельные политические рабочие партии, борющиеся за демократию как средство завоевания политической власти пролетариатом и устройства им социалистического общества? С каким-то безграничным легкомыслием наши новейшие извратители социал-демократизма выбрасывают за борт все, что́ дорого для соц.-демократов, что́ дает право видеть в рабочем движении всемирно-историческое движение. Им нет дела до того, что вековой опыт европейского социализма и европейской демократии учит необходимости стремиться к образованию самостоятельных рабочих политических партий. Им нет дела до того, что история русского революционного движения долгим и трудным путем выработала соединение социализма с рабочим движением, соединение великих социальных и политических идеалов с классовой борьбой пролетариата. Им нет дела до того, что передовые русские рабочие уже положили основание «Российской С.-Д. Раб. Партии». Долой все это! Освободим себя от слишком широкого идейного багажа и от слишком тяжелого и требовательного исторического опыта — и пускай «остаются пока» одни цеховые союзы (возможность устройства которых в России пока еще ничем не доказана, если не считать легальных обществ), пускай эти цеховые союзы «по частной инициативе» вырабатывают требования, требования «минуты», требования маленьких и мелких реформ!! Что это такое? Ведь это какая-то проповедь попятного движения! Ведь это какая-то пропаганда разрушения социализма!» [1].

В статье «Попятное направление в русской социал-демократии» Ленин объясняет возникновение «экономизма» особенностями революционного движения в России. Марксисты должны были выступать против народовольцев, которые сводили политику к заго-

---

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 537—538.

ворщичеству, созданию заговорщических организаций. В споре с народовольцами часть марксистов настроилась отрицательно вообще ко всякой политической борьбе рабочего класса. Это порождало узость в понимании задач движения, как немцы говорят: «выплеснули ребенка вместе с водой». Многие социал-демократы, не разделявшие этой узости, думали, что с каждым шагом развития социал-демократической пропаганды эта узость будет сама по себе отпадать. Это на самом деле так и было для большинства. Но часть социал-демократов оставалась именно на этих позициях — суживания задач движения, и это произошло потому, что в своей массовой агитации этим марксистам пришлось столкнуться «...с низшими, наименее развитыми слоями пролетариата; привлечение этих слоев требовало от агитатора уменья приспособляться к самому низкому уровню понимания, приучало ставить на первый план «требования и интересы данной минуты» и отодвигать широкие идеалы социализма и политической борьбы. Раздробленный, кустарный характер социал-демократической работы, крайне слабая связь между кружками разных городов, между русскими социал-демократами и их заграничными товарищами, обладающими и более солидными знаниями и более богатым революционным опытом и более широким политическим кругозором, естественно, вели к тому, что эта (совершенно необходимая) сторона социал-демократической деятельности безмерно преувеличивалась и могла в сознании отдельных лиц привести к забвению остальных сторон, тем более, что с каждым крахом наиболее сознательные рабочие и интеллигенты выбывали из строя действующей армии, и прочная революционная традиция и преемственность не могли еще выработаться. Вот в этом-то безмерном преувеличении одной стороны социал-демократической работы и видим мы главную причину печального отступления от идеалов русской социал-демократии. Прибавьте сюда увлечение модной книжкой (т. е. бернштейнианской книжкой. — **Ем. Я.**), незнание истории русского революционного движения и детскую претензию на оригинальность, — и вы получите все элементы, образующие «попятное направление в русской социал-демократии» [1].

Ленин боролся против попытки «экономистов» свести все движение к защите требований, подсказываемых данной минутой движения. Ленин считал это крохоборчеством, подменой великих целей движения борьбой за копейку на рубль, перенесением на русскую почву положения Эдуарда Бернштейна, что «движение — все, а цель — ничто».

«Экономисты» боролись против создания централизованной партийной организации. То, что было бедой социал-демократического движения — кустарничество, разброд, шатание, наличие отдельных кружков, не связанных между собой,—«экономисты» пре-

---

[1] Ленин. Соч., т. II, стр. 552.

вращали в добродетель, в правило. Партия, конечно, должна была бороться против этого кустарничества, и она повела борьбу с ним.

Революционные социал-демократы, разоблачая «экономистов», объясняли рабочим, что для успеха революционного движения необходимо, чтобы оно руководилось партией, которая связывает экономическую борьбу рабочих за улучшение своего материального положения с политической борьбой.

«Экономисты» отстаивали «чистые» рабочие союзы, т. е. такие, которые ведут только экономическую борьбу. Буржуазия всех стран, в особенности Англии и Америки, старается поддержать такое движение профессиональных союзов, или тред-юнионов. Английские и американские тред-юнионы в ладу с капиталистами, однако неправильно думать, что тред-юнионы отказываются от политики, нет, они проводят особую политику, выгодную буржуазии, реформистскую, тред-юнионистскую политику.

«Экономисты» отстаивали стихийное рабочее движение, которым не должна руководить партия, они доказывали, что рабочие массы не хотят, чтобы у них были вожди.

Наконец, «экономисты» недооценивали значение революционной теории Маркса. Этим они стремились идейно обезоружить рабочий класс. Марксисты-ленинцы всегда ставили вопрос о том, что рабочее движение тогда успешно разовьется, когда борьба будет итти на трех фронтах: экономическом, политическом и теоретическом. Поэтому большевики подняли так высоко знамя борьбы за революционную теорию. Энгельс силу германского рабочего движения объяснял тем, что оно опиралось на теоретическую разработку вопросов пролетарского движения. Отсутствие такой разработки было слабой стороной рабочего движения Англии.

В 90-х годах в западноевропейском революционном движении появилось ревизионистское направление, целая группа «критиков» Маркса. Среди них выделялись крупные ревизионисты: Эдуард Бернштейн, Давид, Герц, Фольмар в Германии; Мильеран — во Франции. Бернштейнианцы ревизовали учение Маркса по всем вопросам теории и практики, развивали оппортунистическую программу. Бернштейн и его ученики во всех странах исключили из марксистской программы такие важнейшие пункты, как неизбежность пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

Они отрицали классовую борьбу, доказывали, что для создания социалистического общества нет нужды в социалистической революции: рабочий класс может мирно завоевать социализм; капиталистическое государство путем реформ и поправок может постепенно врасти в социализм. Капиталистический строй якобы может уничтожить и безработицу и обнищание масс.

Давид, Герц и другие доказывали «преимущества» мелкокрестьянского хозяйства перед крупным, критиковали точку зрения Маркса на неизбежность концентрации производства и в сельском хозяйстве. Эти теории в России были подхвачены, с одной стороны, «легальными марксистами» и «экономистами», а с другой —

народниками. Царское правительство довольно благосклонно относилось к изданию и распространению бернштейнианской литературы. Ленин отмечал, что против этой моды не устояли и цензоры с жандармами.

Одновременно появились три русских издания Бернштейна. Книги Бернштейна рекомендовали не только «экономисты» и «легальные марксисты», но и жандармы — Зубатов, Васильев, Новицкий и другие мастера провокации.

Нередко при допросах арестованных жандармы прямо предлагали прочесть книгу Эдуарда Бернштейна, расхваливали ее всячески. Жандармы изучали Бернштейна для борьбы против марксизма.

V

В начале 1900 г. кончился срок ссылки Ленина. Еще во время пребывания в ссылке Ленин списался с рядом товарищей относительно необходимости создания единого общерусского партийного центра. Бундовцы в то время настаивали на восстановлении ЦК, который был избран в 1898 г. на I съезде РСДРП. Но этот ЦК ни в какой мере не выражал ни направления социал-демократического движения, ни возросшего влияния марксистских организаций в России. Жизнь к этому времени далеко ушла вперед. Выросли многочисленные новые организации, которые требовали объединения, требовали ликвидации периода разброда и шатаний.

Ввиду особо тяжелых условий работы ЦК в царской России, в обстановке преследований и репрессий революционных деятелей, Ленин вместе с другими товарищами уже в ссылке пришел к убеждению, что надо создать политический руководящий центр за границей, для этого прежде всего надо было создать общерусскую политическую газету, которая начала бы объединение партии.

Вот как рассказывает об этом Краткий курс истории ВКП(б):

«В начале 1900 года Ленин и другие члены «Союза борьбы» вернулись из сибирской ссылки в Россию. Ленин задумал создать большую общерусскую нелегальную марксистскую газету. Множество мелких марксистских кружков и организаций, существовавших уже в России, не были еще связаны между собой. В этот момент, когда, по выражению тов. Сталина, «кустарничество и кружковщина разъедали партию сверху донизу, когда идейный разброд составлял характерную черту внутренней жизни партии», создание общерусской нелегальной газеты являлось основной задачей русских революционных марксистов. Только такая газета могла связать между собой разрозненные марксистские организации и подготовить создание действительной партии.

Но такую газету невозможно было организовать в царской России из-за полицейских преследований. Через месяц — два газета была бы выслежена царскими сыщиками и разгромлена. Поэтому Ленин решил издавать ее за границей. Здесь газета печаталась на самой тонкой и прочной бумаге и тайно пересылалась в

Россию. Отдельные номера «Искры» перепечатывались в России, в тайных типографиях в Баку, в Кишиневе, в Сибири.

Осенью 1900 года Владимир Ильич уехал за границу, чтобы сговориться с товарищами из группы «Освобождение труда» относительно издания общерусской политической газеты. Эта мысль была обдумана Лениным в ссылке во всех подробностях. По дороге из ссылки Ленин устроил по этому вопросу ряд совещаний в Уфе, Пскове, Москве, Петербурге. Везде он уславливался с товарищами о шифрах для тайной переписки, об адресах для присылки литературы и т. д. и обсуждал с ними план будущей борьбы» [1].

В Петербурге сыщики арестовали Ленина, когда у него был уже заграничный паспорт. В кармане у него нашли какой-то счет. Если бы жандармы догадались проявить этот счет на огне, они прочли бы на нем письмо Плеханову с изложением плана общерусской газеты. Но жандармы не обратили никакого внимания на этот листок и, продержав Ленина несколько дней в тюрьме, выпустили его и разрешили ему уехать за границу.

В этот период царский охранник Зубатов предлагал убить Ленина, так как Ленин был самой сильной и опасной для царизма фигурой среди революционеров.

Зубатов писал: «Крупнее Ульянова в революции сейчас никого нет». Поэтому он советовал «срезать эту голову с революционного тела» немедленно.

По приезде за границу Ленин быстро сговорился с Плехановым, Аксельродом, В. Засулич, Мартовым и Потресовым об издании газеты «Искра». Весь план издания был разработан Лениным от начала до конца, почти все руководящие статьи по вопросам организации партии в первых номерах «Искры» принадлежат Ленину.

Ленин был душой «Искры», ее организатором, ее фактическим руководителем.

Однако организация «Искры» была связана и с принципиальными спорами Ленина с группой «Освобождение труда». Стоит прочесть изумительную по силе и необычайную по искренности запись Ленина в начале сентября 1900 г. «Как чуть не потухла «Искра»?», чтобы убедиться в этом.

Совещание по созданию «Искры», о котором рассказывает Ленин в статье «Как чуть не потухла «Искра»?», состоялось в конце августа 1900 г. в Корсье, около Женевы. Ленин и действующий тогда с ним заодно Потресов считали более полезным для дела издавать газету не в Швейцарии, где жили Плеханов, Аксельрод, В. Засулич, а в Германии. Ленин, во-первых, хотел, чтобы газета была несколько ближе к России, а, во-вторых, стремился до известной степени освободиться от гегемонии группы «Освобождение труда», которая долго жила за границей, была оторвана от рабо-

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 24—25.

чего движения в России и поэтому многого не понимала. Плеханов очень противился этому плану, он грозил уйти совсем из редакции. В переговорах с Плехановым стало очевидно, что он хочет играть не только руководящую, но и решающую роль в газете. Его приходилось уговаривать, и только после долгих трений конфликт был улажен. «Искра» не потухла, а разгорелась ярким пламенем.

Первый номер «Искры» вышел в декабре 1900 г. в Лейпциге, в Германии. Редакция ее состояла из Ленина, Плеханова, Мартова, Аксельрода, Потресова и Засулич. Таким образом, три члена редакции были руководителями группы «Освобождение труда».

Средства на издание газеты вначале получены были частью от Потресова и Калмыковой, частью от одного немецкого издателя.

Номера 1—51 «Искры» вышли под редакцией, в состав которой входил Ленин. С 52 номера «Искра» перестала быть ленинской «Искрой»; с переходом «Искры» в руки меньшевиков газета потеряла свой прежний революционный характер.

Эпиграф — «Из искры возгорится пламя!» — для газеты «Искра» был взят из стихов декабриста поэта Одоевского, ответившего на послание Пушкину.

Пушкин писал в 1827 г. сосланным на каторгу декабристам:

«Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
. . . .
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут» [1].

На это поэт Одоевский ответил Пушкину:

«Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей,
И пламя вновь зажжем свободы,
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы» [2].

Это пламя, зажженное Лениным, действительно разгорелось впоследствии огнем вооруженного восстания рабочих и крестьян, испепелило старый мир насилия, произвола и классового гнета, сожгло дотла царскую монархию, господство дворян, помещиков, капиталистов.

---

[1] Пушкин. Сочинения, т. II, стр. 24. ГИХЛ. 1938.

[2] А. И. Одоевский. Стихотворения, стр. 44. Изд. «Советский писатель». 1936.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

(Тифлисский период)

I

В связи с 60-летием товарища Сталина вы, вероятно, уже ознакомились с материалом, который был опубликован в «Правде» и в других органах печати, широко осветившей деятельность товарища Сталина. Вряд ли мне удастся дать вам что-нибудь новое в смысле фактов революционной деятельности товарища Сталина в ее первый период. Но я попытался собрать вместе, систематизировать все то, что опубликовано, и показать деятельность товарища Сталина в связи с социально-экономической обстановкой, в которой ему пришлось тогда работать.

Знание революционной деятельности товарища Сталина с первых ее шагов, точно так же, как и знание революционной жизни Владимира Ильича Ленина, является, несомненно, одним из важных моментов изучения истории нашей партии. Нельзя написать или рассказать историю нашей партии без того, чтобы не дать описания жизни и деятельности великих основоположников нашей партии — Ленина и Сталина. Начиная с конца 90-х годов, имена Ленина и Сталина тесно переплетались между собой во всей своей деятельности, хотя их тогда отделяло не только громадное пространство, но и возраст: Ленин родился в 1870 г., товарищ Сталин был моложе Владимира Ильича на 9 лет. В то время, когда юноша Сталин начал свою революционную деятельность, Ленин был уже широко известен в кругах марксистов.

Сам товарищ Сталин определяет начало своей революционной деятельности 1895 годом. В беседе с Эмилем Людвигом товарищ Сталин сказал, что он с 15 лет включился в революционную работу.

Людвиг спрашивает товарища Сталина: «Разрешите задать Вам несколько вопросов из Вашей биографии. Когда я был у Масарика (Масарик был известным чешским социал-демократом. — **Ем. Я.**), то он мне заявил, что осознал себя социалистом уже с 6-летнего возраста. Что и когда сделало Вас социалистом?

Сталин. Я не могу утверждать, что у меня уже с 6 лет была

тяга к социализму. И даже не с 10 или с 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе.

Людвиг. Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может плохое обращение со стороны родителей?

Сталин. Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо. Другое дело духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения»[1].

Какие же это были группы марксистов, с которыми товарищ Сталин связался уже в 1895 г. и позже? Прежде всего здесь нужно иметь в виду Ладо Кецховели, который был на несколько лет старше товарища Сталина. Он учился в 4-м классе Горийского духовного училища, когда товарищ Сталин только поступил в приготовительный класс. Затем Кецховели учился в Тифлисской семинарии, где впоследствии учился и товарищ Сталин, а с 1897 г. уже участвовал в деятельности тифлисской организации, носившей название «Месаме-даси» (третья группа).

Здесь же, в Тифлисе, товарищ Сталин познакомился с Сашей Цулукидзе, замечательным марксистом Грузии, и с рядом других участников группы «Месаме-даси». Большую роль в революционном воспитании товарища Сталина сыграли находившиеся в Тифлисе высланные из России революционные социал-демократы: Виктор Курнатовский, Иван Лузин, Г. Франчески, О. Коган, Родзевич, М. Калинин, С. Аллилуев, И. Левашкевич, Н. Казаренко, Анна Краснова и ряд других сосланных, находившихся тогда в Тифлисе, особенно же Виктор Курнатовский[2].

Какова была социально-экономическая среда, в которой приходилось действовать молодому товарищу Сталину?

Кавказ в то время был типичной внутренней колонией русского царизма. В книге Ленина «Развитие капитализма в России» имеется описание борьбы капитализма с отсталыми формами хозяйства, которая очень ярко проявлялась тогда на Кавказе.

На вопрос: «Что такое колония в политико-экономическом смысле?» — Ленин отвечал: «... по Марксу, основные признаки этого понятия следующие: 1) наличность незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам; 2) наличность сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия, «которые, при других обстоятельствах, им при-

[1] Сборник «Ленин и Сталин», т. III, стр. 527. Партиздат. 1936.

[2] См. Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 20. Изд. 1938.

шлось бы изготовлять самим»... О том, что южные и восточные окраины Евр. России, заселявшиеся в пореформенную эпоху, отличаются именно указанными чертами и представляют из себя, в экономическом смысле, колонии центральной Евр. России, — было уже говорено в своем месте. Еще более приложимо это понятие колонии к другим окраинам, напр., к Кавказу. Экономическое «завоевание» его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое... В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно в северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия. Падала обработка рогов в бокалы вследствие упадка феодального строя в Грузии и ее исторических пиров, — падал шапочный промысел вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина, которое впервые стало поступать в продажу (развивая бочарное производство) и завоевывало в свою очередь русский рынок. Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — *создавал себе рынок* для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтичного национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский). Рядом с процессом усиленной колонизации Кавказа и усиленного роста его земледельческого населения шел также (прикрываемый этим ростом) процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности. Городское население Кавказа возросло с 350 тыс. в 1863 г. до ок. 900 тыс. в 1897 г. (все население Кавказа возросло с 1851 г. по 1897 г. на 95%). Нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит и в Средней Азии и в Сибири и т. д.» [1].

Глеб Успенский в «Письмах с дороги» с горечью, как народник, отмечает проникновение капитализма в девственные дебри Закавказья.

«В такие-то минуты, — писал Успенский, — я поистине с содро-

[1] Ленин. Соч., т. III, стр. 463—464.

ганием «во всех суставах» заприметил в этих девственных местах явный след «греховодника» («греховодником» Успенский называет здесь капитализм. — **Ем. Я.**). Заприметил я какую-то тоненькую, дюйма в два в диаметре, чугунную трубочку, которая по временам стала показывать свою змеиную спину в разных местах этих девственных долин.

«А ведь пробирается-таки, греховодник-то! Пробирается, анафема!» — с истинным ужасом и скрежетом зубов думалось мне всякий раз, когда мелькала железная спина железного червяка.

Увы, действительно пробирается железный червяк! Из рассказов фургонщика оказалось, что червяк этот уже довольно давно воткнул свой железный нос в недра земли верст за 80 от Новороссийска, в станице Ильской, и уже давно высасывает эти недра. В предгориях червяк этот поднимается от земли и лезет либо на пригорок, либо перегибается через вершину резервуара, откуда, при помощи парового давления, нефть гонится до самого Новороссийска через горы, и до Новороссийска же доползает и сам железный червяк. И здесь, по другую сторону бухты, против того веселого места, которое именуется Новороссийском, уже видны какие-то греховодниковы затеи: резервуары, заводы, черный, точно из ада, фыркающий дым—и нельзя не содрогаться всем существом, видя, что греховодник уже проложил дорогу. И насыпь железной дороги, к глубокому огорчению, кажется, почти уже готова до самого моря! Пришел, пришел-таки греховодник! И было бы до глубины души обидно за эти девственные места, если бы не существовало некоторых преград, самою природой противопоставляемых успешному шествию греховодника и дающих некоторое право задумываться над таким вопросом: «Да удастся ли еще и греховоднику-то затоптать и замусолить здешние девственные места?» Кое-что есть и против замыслов греховодника, и на этом-то «кое-что» только и отдыхает душа» [1].

Это были только народнические мечтания о том, что капитализм в Закавказье не проникнет, и следовательно, там не будет тех явлений, которые несет с собой проникновение капитализма. На самом деле капитализм развивался в Закавказье очень быстро, в особенности в нефтяной промышленности, и это быстрое развитие капитализма ускоряло и в Закавказье процесс формирования нового класса: самого революционного класса — промышленного пролетариата. То, от чего народник Успенский приходил в содрогание, ускоряло приближение революционной бури, в которой марксизм обрел самую благодарную почву для посева и жатвы.

Кавказ в то время имел сравнительно немного крупных промышленных центров. Самыми крупными промышленными центрами были Баку с его нефтяными промыслами, Тифлис, Кутаис и Чиатуры. Приобретали большое значение Грозный с его нефтяными промыслами и Батум с нефтеперегонными заводами и портом для вывоза нефти и керосина.

[1] Г. Успенский. Соч., т. XII, стр. 17. Изд. СПб. 1909.

В то время, когда открылись богатые нефтяные источники в Закавказье, сюда устремился иностранный капитал: империалисты вкладывали огромные капиталы в нефтяные промыслы. Они хотели «мирно» завоевать Кавказ, хотя уже в то время в различных штабах Англии, Франции и других стран вырабатывались планы далеко не мирного захвата Кавказа. «Отечественный» российский капитал также устремился на эти промысла. Нобели и Ротшильды конкурировали здесь с Тагиевыми, Гукасовыми, Манташевыми, Лианозовыми и другими российскими фирмами.

Вот цифры, которые показывают рост бакинской добычи нефти по сравнению с добычей нефти в Америке.

С начала 60-х годов XIX в. в Баку добывалось 500 тонн нефти, а к началу XX в. — уже около 11 млн. тонн. В 1870 г. в Баку добывалось всего 15 тыс. тонн нефти, в Америке — 462 тыс. Таким образом, в 1870 г. нефти в Баку было добыто почти в 31 раз меньше, чем в Америке. Затем идут такие цифры: добыча нефти за пятилетие, с 1880 по 1885 гг., в Баку — 646 тыс. тонн, в Америке — 3 млн. 518 тыс. тонн; разница почти в $5^1/_2$ раз. Пятилетие с 1890 по 1895 гг.: Баку — 4 млн. 617 тыс. тонн, Америка — 6 млн. 621 тыс. тонн; разница только в полтора раза. Пятилетие с 1900 по 1905 гг.: Баку — 10 млн. 230 тыс. тонн, Америка — 11 млн. 711 тыс. тонн, то-есть в начале XX в. в Баку добывалось почти столько же нефти, сколько в Америке.

За короткий период, с 1898 по 1903 гг., иностранные капиталисты вложили в бакинские нефтяные промысла около 47 миллионов золотых рублей. Развивавшееся в самой России железнодорожное строительство, речное пароходство и фабрично-заводские производства еще более увеличивали потребности в нефти, в горючем вообще. Да и русская деревня, несмотря на свою бедность и нищету, тоже стала переходить с лучины и сальной свечи на керосин. Керосиновая лампа стала широко проникать в деревню. А так как царское правительство увеличило таможенные пошлины на импортные нефтяные продукты и отменило акциз на внутреннее потребление, то очень скоро бакинская нефть и керосин вытеснили импортные нефтепродукты. Россия стала конкурировать с иностранными фирмами в отношении нефти не только на внутреннем рынке, но и на международном.

На международном рынке, конечно, русская нефть столкнулась с крупнейшими конкурентами в виде созданного уже тогда американского «Керосинового треста» (Standart Oil C-y) Рокфеллера. О борьбе между бакинской и иностранной нефтью писал Ленин в своей работе об империализме. В самом Баку происходила резкая концентрация производства крупнейших нефтяных промыслов. 10 крупных фирм в 1904 г. держали в своих руках 55,4 проц. всей добычи нефти в Баку. Громадные прибыли получали капиталисты: свыше 50 проц. прибыли было обычным явлением, прибыль довольно часто доходила даже до 62 и более процентов. Одна только фирма

Нобеля за два года — с 1902 по 1904 — получила почти 10 млн. рублей прибыли.

Таким образом, самым крупным промышленным центром был Баку. Вторым промышленным центром был Тифлис с его огромными железнодорожными мастерскими и депо, с городскими предприятиями — трамвай (тогда еще конка); в Тифлисе было несколько типографий, кожевенно-обувная фабрика Адельханова, фабрика Бозарджянца и целый ряд других более мелких предприятий.

Далее шел Батум с крупнейшими нефтеперегонными заводами и портом. Затем — Кутаис и Чиатуры.

Свою революционную деятельность товарищ Сталин начал среди учащихся Тифлисской духовной семинарии. Известна та затхлая атмосфера, которая царила в семинарии, ее монархическо-церковное направление. В семинарии процветали сыск, шпионаж, следили за каждым шагом учащегося. Но вопреки усилиям царизма превратить среднюю и высшую школу того времени в опору самодержавия, в крепость православия и национализма — этих трех китов царизма в деле идеологического воспитания, — и средняя и высшая школа в это время являлись рассадником революционного движения. Несколько позднее революционное движение среди учащихся приняло еще более широкий характер. В 90-е годы духовные семинарии считались далеко не безопасными с точки зрения проникновения в них революционной пропаганды. Как ни старались оградить учащихся от проникновения революционной «заразы», но воздух так был насыщен освободительными передовыми идеями, что они проникали даже и в такие учебные заведения, как духовные семинарии.

Ленин писал, что 90-е годы были годами почти повального увлечения молодежи марксизмом, который распространялся с «быстротой эпидемии». Вот это поветрие, это увлечение марксизмом не могло пройти бесследно и для кавказской молодежи. Кавказская молодежь жила в обстановке, которая с особой силой толкала ее на революционный путь. Кавказская молодежь, в особенности нерусская—грузинская, армянская, азербайджанская — испытывала на себе двойной и тройной гнет: к гнету общеполитическому и экономическому прибавлялся еще гнет национальный. Если русский империализм был средоточием всех отрицательных черт империализма, то по отношению к таким национальным окраинам, как Кавказ, он проявился в еще более отрицательной форме.

На Кавказе были сильны, пожалуй, как нигде в другом месте, всякого рода пережитки крепостничества, феодализма в отношениях между помещиками и крестьянами. Это создавало очень широкую почву для крестьянского движения.

II

Товарищ Сталин начал свою революционную деятельность с организации подпольных марксистских кружков среди учащихся. Эта деятельность в то время в силу необходимости ограничивалась

вначале теоретической и пропагандистской работой. Товарищ Сталин и его сверстники овладевали богатым, великим идейным наследством, изучали творения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова. Они изучали: «Капитал» Маркса, «Манифест Коммунистической партии», «К критике политической экономии», «Положение рабочего класса в Англии» — Энгельса, работы Плеханова—«Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», работы Ленина — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Эти работы Ленина товарищ Сталин прочел в юношеском возрасте.

«Особенно запомнился мне один примечательный факт, — пишет тов. Капанадзе, который учился тогда вместе с товарищем Сталиным в семинарии. — Это было в 1898 году. Однажды утром, после чая, я вышел из семинарии в Пушкинский сквер. Здесь я увидел Сталина, окруженного группой товарищей. Он горячо дискутировал с ними, критиковал взгляды Жордания...

И здесь, в саду, мы впервые услышали о Ленине.

Раздался звонок, мы стали расходиться, спеша на урок. Я подошел к Иосифу, пораженный его резкой критикой взглядов Жордания. Иосиф сообщил мне, что читал статьи Тулина (Ленина), которые ему очень понравились.

— Я во что бы то ни стало должен увидеть его, — сказал он мне тогда» [1].

Тов. Капанадзе напомнил товарищу Сталину при встрече с ним в 1926 г. эти слова, и товарищ Сталин вспомнил этот эпизод. Лишь через семь лет удалось товарищу Сталину осуществить свою мечту: в 1905 г. он встретился с Лениным на Таммерфорсской конференции. Но ленинцем он стал сразу же после того, как ознакомился с первыми произведениями Ленина.

Доставать книги, кроме имевшихся в семинарской библиотеке, можно было только тайком. Товарищ Сталин доставал книги от знакомых марксистов и, кроме того, записался, вопреки запрещению семинарского начальства, в «Дешевую библиотеку», откуда получал много книг по истории культуры, политической экономии, философии, социологии, истории и естественным наукам. Этой библиотекой, между прочим, пользовался и молодой А. М. Горький, когда его во время скитаний прибило к Тифлису. За чтение книг из этой библиотеки товарищ Сталин подвергался не один раз преследованиям, его сажали в карцер, ему выносили выговоры и т. д.

Знание естественных наук и особенно знакомство с дарвинизмом облегчали товарищу Сталину борьбу против влияния богословских наук, которые занимали большое место в воспитании и преподавании в семинарии. Богословские предметы были главными предметами в семинарии. Из воспоминаний Паркадзе известно, что

---

[1] Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине, стр. 26. Изд. «Молодая гвардия». 1937.

товарищ Сталин прочел в семинарии важнейшие работы Дарвина, Ляйелля, русского физиолога Сеченова, химию Менделеева. Из книг по политической экономии он прочел Адама Смита, Рикардо, книгу Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс», книгу Туган-Барановского; по философии прочел «Этику» Спинозы, Гегеля и Людвига Фейербаха — «Сущность христианства».

Чтобы понять, какое огромное значение для товарища Сталина имело знакомство с Гегелем и Людвигом Фейербахом, я напомню вам, что и в идейном развитии основоположников коммунизма — Маркса и Энгельса — исключительную роль сыграли Гегель и Фейербах. В философии Гегеля, как писал Герцен, заключалась «алгебра революции», но его идеалистическую концепцию надо было преодолеть. Именно Маркс, преодолев идеализм Гегеля, создал диалектический и исторический материализм.

В биографии Маркса, написанной Лениным, говорится о том, что молодой, 23-летний Маркс идейно еще не освободился от влияния Гегеля и что в освобождении от этого влияния сыграла громадную роль книга Фейербаха «Сущность христианства», вышедшая в 1841 г., и затем — работа Фейербаха «Основы философии будущего», изданная в 1843 году.

Впоследствии Энгельс писал об этих сочинениях, что они разрешили противоречия в философских взглядах, существовавшие тогда и у него, и у Маркса. Эти противоречия возникли у них под влиянием гегелевской философии.

«Тогда, — пишет Энгельс, — появилось сочинение Фейербаха «Сущность христианства». Одним ударом рассеяло оно это противоречие, снова и без всяких оговорок провозгласив торжество материализма. Природа существует независимо от какой бы то ни было философии. Она есть основание, на котором вырастаем мы, люди, ее произведения. Вне природы и человека нет ничего. Высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, это — лишь фантастические отражения нашей собственной сущности. Заклятие было снято; «система» была разбита и отброшена в сторону, противоречие разрешено простым обнаружением того обстоятельства, что оно существует только в воображении. Кто не пережил освободительного влияния этой книги, тот не может и представить его себе. Мы все были в восторге, и все мы стали на время последователями Фейербаха. С каким воодушевлением приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него, — несмотря на все его критические оговорки, — можно видеть из книги «Святое семейство» [1].

Ленин писал в биографии Маркса, что: «Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической ан-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 642.

глийской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще» [1].

Молодой Сталин знал уже философию Гегеля и Фейербаха, он знал, как и Маркс и Энгельс, классическую немецкую философию, классическую английскую политическую экономию, взгляды социалистов-утопистов. Он переработал в своем сознании, усвоил огромный научный материал естественных наук и социологии.

Товарищ Сталин был уже знаком с главнейшими работами самих основоположников марксизма — Маркса, Энгельса и Ленина. Он был знаком с марксистской ленинской критикой трех основных источников марксизма.

О том, как товарищ Сталин изучал «Капитал», он рассказал нам в 1938 г. на совещании пропагандистов. Единственный имевшийся в Тифлисе экземпляр «Капитала» члены кружка переписали от руки и по нему изучали «Капитал» Маркса. К этому надо добавить, что товарищ Сталин никогда не прекращал изучения «Капитала» Маркса. Во время редакционной работы над «Кратким курсом истории ВКП(б)» он, например, неоднократно обращался к «Капиталу» Маркса и другим трудам Маркса и Энгельса. Товарищ Сталин рассказал нам, что он, по крайней мере, четыре раза читал «Капитал» Маркса, каждый раз составляя новые выписки из отдельных глав и конспекты.

При аресте товарища Сталина жандармерия находила у него в записной книжке выписки из «Капитала» Маркса. К 1898 г. товарищ Сталин стал образованным марксистом.

Кроме двух подпольных кружков, которые товарищ Сталин организовал в семинарии, он создал также и подпольный рукописный журнал, в котором принимал активнейшее участие. В журнале велись дискуссии по разным общественным вопросам и обсуждались вопросы, поднимавшиеся в легальной печати.

Само собой разумеется, что эта деятельность товарища Сталина не могла пройти незамеченной. Подвергаясь постоянно репрессиям за чтение недозволенных книг, непочтительное отношение к руководителям семинарии, к начальству, к иезуитам-воспитателям, товарищ Сталин был на плохом счету у этого начальства. Но свои конспиративные связи с марксистами вне семинарии товарищ Сталин сумел настолько хорошо скрыть, что они не были обнаружены за все время его работы. Сверстники товарища Сталина вспоминают, что иногда они пытались узнать, откуда он достает нелегальные книги, но это им не удавалось. Товарищ Сталин уже тогда выработал и хорошо усвоил конспиративные навыки в революционной работе.

Окончилась деятельность товарища Сталина в семинарии 29 мая 1899 г., когда его исключили «за невзнос платы за учение». Это был лишь предлог: причина была иная. Товарищ Сталин в 1931 г. в анкете сталинской районной партийной конференции на вопрос о

---

[1] Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 8.

своем образовании ответил: «Вышиблен из православной духовной семинарии за пропаганду марксизма».

Находясь еще в семинарии, товарищ Сталин вошел уже в 1898 г. в группу «Месаме-даси». Вместе с Ладо Кецховели, вступившим в эту группу раньше его (в 1897 г.), и Сашей Цулукидзе они составили ядро революционных марксистов, которое послужило зародышевой ячейкой будущей организации революционных марксистов в Закавказье. Подробно об этой группе «Месаме-даси» рассказывается в книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Книга тов. Берия имеет большое значение в истории нашей партии, она открыла совершенно новые, в то время мало известные марксистам России, материалы о революционной деятельности в Закавказье.

Из этой книги мы узнаем, что во второй половине XIX столетия в Грузии существовали две общественно-политические литературные группы, из которых одна была феодально-прогрессивной группой, то-есть выражала взгляды либеральных помещиков во главе с писателем Ильей Чавчавадзе; другая группа во главе с Георгием Церетели выражала взгляды нарождавшейся либеральной буржуазии. В этих группах зародилось и грузинское и вообще закавказское народничество. Но уже в 90-х годах в газете «Квали» появляются одиночки, которые выступают с пропагандой марксистских идей.

Один из основоположников группы «Месаме-даси» — Сильвестр Джибладзе относит ее зарождение к 1893 г. В газете «Квали» за 1893 г. он формулировал основные положения третьей группы — «Месаме-даси». К чему сводятся эти положения? Члены этой группы отмечают прогрессивную роль нарождающегося капитализма, который на место старых сословий выдвигает на арену борьбы два основных класса капиталистического общества — буржуазию и пролетариат. Члены группы «Месаме-даси» отстаивали прогрессивность крупного капиталистического производства, конечно, по сравнению с феодально-крепостническим. Они говорили, что роль буржуазии прогрессивна постольку, поскольку она разрушает старые патриархальные отношения, поскольку она разрушает старые сословия и выдвигает два новых класса современного общества. Но в то же самое время они признавали, что эта буржуазия реакционна, поскольку она разоряет народ. «Месаме-даси» стремилась к просвещению масс.

Хотя большинство этой группы во главе с Ноем Жордания признавало наличие антагонистических классов в обществе и признавало на словах необходимость борьбы за идеи марксизма, но оно считало, что для Грузии важнейшим моментом является не противоречие классов, а общность национальных интересов, будто бы объединяющих всю нацию в одно целое, независимо от классовых различий. Большинство «Месаме-даси» по своим взглядам представляло собой группу «легального марксизма», которая по ря-

ду вопросов извращала и искажала марксизм, придавая ему националистический характер.

Против этого оппортунистического мелкобуржуазного направления «Месаме-даси» выступили товарищи Сталин, Кецховели, Цулукидзе. Перед марксистами Закавказья в центре борьбы встали те же самые вопросы, что и у Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Важнейшими вопросами были: во-первых, переход от легальной деятельности к нелегальной организации и нелегальной печати и, во-вторых, переход от кружковой пропаганды к массовой агитации, к открытой политической борьбе с царским самодержавием.

Большинство группы «Месаме-даси» во главе с Ноем Жордания и слушать не хотело о какой бы то ни было нелегальной деятельности. Они так же, как и легальные марксисты в Петербурге и других местах, стремились укрепиться в легальной печати, считали возможной деятельность только в рамках, разрешенных законом. Они стремились вести работу в различного рода вечерних курсах и других культурных учреждениях. Это обрекало их на культурническую, просветительную деятельность, на типичное «культуртрегерство». Сильвестр Тодриа в своих воспоминаниях рассказывает о том, как товарищ Сталин расспрашивал его о занятиях в кружке легалистов. Товарищ Сталин спрашивал:

«— Чему учат вас в воскресной школе?». Тодриа отвечал, «что там объясняют, как движется солнце...». Товарищ Сталин сказал ему:

«— С л у ш а й! С о л н ц е, н е б о й с я, н е с о б ь е т с я с п у т и. А в о т т ы у ч и с ь, к а к д о л ж н о д в и г а т ь с я р е в о л ю ц и о н н о е д е л о, и п о м о г и м н е у с т р о и т ь м а л е н ь к у ю н е л е г а л ь н у ю т и п о г р а ф и ю»[1].

Товарищ Сталин вместе с Ладо Кецховели в 1898—1899 гг. организовал нелегальные кружки, собрания, массовки, создал типографию, выпускал листовки. Таким образом, начиная с 1898 г., в довольно широких размерах совершался переход марксистов к нелегальной деятельности в Закавказье. В 1898 г. речь шла не только о создании подпольных кружков, но и об организации нелегальных типографий.

В 1899 г. товарищ Сталин очень остро поставил вопрос о переходе от кружковой пропаганды к массовой агитации и открытой борьбе с царским самодержавием, к организации стачек, демонстраций. Практически этот вопрос стал разрешаться в связи с приездом в 1900 г. в Тифлис Виктора Курнатовского, сыгравшего большую роль в жизни тифлисской организации. Товарищ Сталин всегда относился к нему с большим уважением, как к старшему товарищу, который имел большой революционный опыт. Курнатовский в молодости состоял в организации «Народной воли», но уже в 1890 г. примкнул к марксистскому движению, жил за границей,

[1] Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине, стр. 30. Изд. «Молодая гвардия». 1937.

принимал участие в работе международных социалистических конгрессов, состоял в группе «Освобождение труда» Плеханова. По возвращении в Россию Курнатовский вскоре был сослан в Сибирь. В ссылке он познакомился с Лениным и стал верным его последователем. После ссылки он приехал в Закавказье, где в 1900—1901 гг. вел большую революционную работу.

Таким образом, Сталин, Кецховели, Цулукидзе, Курнатовский и ряд других товарищей вели решительную и непримиримую борьбу против «легального марксизма», «экономизма», большинства «Месаме-даси» во главе с Ноем Жордания. В этой борьбе зародилась, оформилась и выросла та руководящая группа ленинско-искровского направления, которая положила начало большевистской организации в Закавказье.

Когда в 1898 г. товарищ Сталин начал работать пропагандистом в кружке рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе, ему было всего 19 лет. Товарищ Сталин в 1938 г. рассказывал, что ему сначала даже не хотели разрешить самостоятельно вести пропагандистский кружок рабочих, потому что усов у него не было. Работа в кружке шла по обширной программе, придерживались главным образом курса политической экономии Богданова. Товарищ Сталин рассказывал нам, что, когда он пришел в кружок рабочих, где до него занимались другие пропагандисты, он увидел, что пропагандиста довольно скучновато слушают в этом кружке. Слушатели не понимали, почему нужно начинать изучение развития человеческого общества с первобытного коммунизма и нужно ли к этому первобытному коммунизму вернуться, как к какому-то утраченному золотому веку, или не нужно. Слушатели оставались в недоумении: что же этот первобытный коммунизм — вещь хорошая или нет? После этого переходили к следующему экономическому укладу. Слушатели оставались неудовлетворенными.

Товарищ Сталин предложил свой план занятий; он предложил проводить занятия по следующим трем темам: первая тема — «Отчего мы бедны»; вторая тема — «Отчего мы бесправны» и третья тема — «Как преодолеть и бедность и бесправие». Товарищ Сталин нам рассказывал, как он занимался в этом кружке. На первом занятии кружка он поставил вопрос: почему мы бедны? Он нарисовал слушателям картину, знакомую по опыту самим рабочим. Он вопрос о причинах бедности и богатства поставил перед самими рабочими, чтобы они ответили на вопрос: почему мы бедны? Рабочие сначала стеснялись, не умели формулировать как следует свои мысли. Например, один рабочий говорил: мы бедны потому, что у нас денег нет, капиталов нет.

— А отчего же нет капиталов? Где эти капиталы?

— Капиталы эти находятся у Манташева, у Адельханова.

— А откуда у них взялись капиталы?

Начинают разбирать, откуда у промышленников, у капиталистов взялись капиталы. Когда рабочие затруднялись или стеснялись, товарищ Сталин им помогал. Таким образом, с первого же за-

нятия рабочие втянулись в анализ современного капиталистического общества, в разбор вопроса, откуда появляются богатые и бедные, откуда и на какой основе появляются и развиваются классы. Это очень заинтересовало рабочих. И когда была поставлена вторая тема: «Отчего мы бесправны при самодержавном строе и какова механика этого строя», то тоже при помощи самих рабочих, при помощи наводящих вопросов и ответов тема стала ясна рабочим. Это тоже очень заинтересовало рабочих. И когда был поставлен третий вопрос: «Как изменить это положение, как преодолеть эту бедность и бесправие?», вопрос был поставлен уже о средствах борьбы, о формах организации, о задачах организации. После этого товарищ Сталин перешел к первобытному коммунизму, показал, что уклады менялись и что на смену капитализму должен притти социализм.

Таким образом, первые три занятия в кружке помогли рабочим понять значение этих вопросов, а затем дали возможность поставить более углубленно занятия по политической экономии и другим вопросам.

Я привел этот замечательный рассказ товарища Сталина по памяти. Жаль, что он не записан и не опубликован. На этом примере видно, как самые сложнейшие вопросы можно сделать простыми, понятными, ясными. В этом ведь заключается задача нашей пропаганды в массах. Товарищ Сталин показал образец таких занятий. Все, кто вспоминают об этих занятиях товарища Сталина в кружке, говорят, что, во-первых, товарищ Сталин всегда очень тщательно готовился к этим занятиям. Он никогда не переходил к следующему вопросу, пока не убеждался, что все, о чем говорили прежде, усвоено слушателями.

В этот период молодой товарищ Сталин получил первую революционную закалку в рядах рабочих, о которой он впоследствии говорил в 1926 г. на собрании в железнодорожных мастерских:

«...Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Это было лет 28 тому назад. Я вспоминаю, как я на квартире у тов. Стуруа, в присутствии Сильвестра Джибладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Закро Чодришвили, Георгия Чхеидзе, Михо Бочоришвили, Нинуа и др. передовых рабочих Тифлиса, получил уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молокососом. Может быть, я был тогда немного больше начитан, чем многие из этих товарищей. Но как практический работник, я был тогда безусловно начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение. Здесь в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлисские рабочие» [1].

Один из этих рабочих, Георгий Нинуа, участник кружка, пи-

[1] «Заря Востока» от 10 июня 1926 г.

шет, что «товарищ Сталин был нашим учителем, но он часто говорил, что сам учится у рабочих».

В период с 1898 по 1900 гг. складывается и оформляется в Тифлисе центральная руководящая социал-демократическая группа тифлисской организации, в состав которой входили, кроме товарища Сталина, Л. Кецховели и Ал. Цулукидзе, М. Бочоридзе, З. Чодришвили, Вано Стуруа, Севериан Джугели и др.[1]. Это была центральная группа. Конечно, она в составе своем менялась, в нее входили впоследствии и другие товарищи. Но основу группы составили именно перечисленные товарищи.

Эта группа провела огромную агитационно-пропагандистскую работу. Руководящие товарищи вели кружки рабочих, причем некоторые из этих товарищей, как, например, товарищ Сталин, имели по 8 кружков одновременно, так что количество кружков было сравнительно очень большое.

Кроме организации кружков, центральная группа вскоре перешла к организации забастовочного движения. Впервые в 1898 г. в Тифлисских железнодорожных мастерских произошла крупная забастовка, которая кончилась только частичным удовлетворением требований рабочих, значительная часть участников забастовки была выслана из Тифлиса.

В 1899 г. уже была организована революционная маевка в Тифлисе, где выступал Ладо Кецховели с пламенным призывом к борьбе с царским самодержавием. Она была немногочисленна, на этой маевке было меньше 100 человек рабочих, но для Тифлиса в то время это было большим успехом.

В конце 1899 г. Ладо Кецховели организовал забастовку рабочих трамвая, вернее сказать — трамвайной конки, и вместе с товарищем Сталиным руководил этой забастовкой. Эта забастовка началась 1 января 1900 г. и закончилась победой рабочих. Чтобы понять значение этой победы, надо знать, в каких условиях тогда работали рабочие на этом предприятии — 13-часовой рабочий день, штрафы, отнимавшие большую часть заработка. Рабочие говорили: «За все, про все — штраф». Так, например, только 5 рабочих перед забастовкой за 15 дней работы получили по 15 рублей, 476 рабочих — от 1 до 10 руб., а 21 — меньше 1 рубля. Понятно, что при таком заработке можно было только по-нищенски жить, голодать. Полиция самым тщательным образом расправлялась со всеми, кто выражал малейший протест.

В 1900 г. под руководством товарища Сталина и Кецховели в Тифлисе проводится ряд забастовок: на фабрике Адельханова, на фабрике Бозарджянца, в типографии, среди рабочих конки (второй раз). В августе 1900 г. произошла стачка в железнодорожных мастерских, в депо с участием высланного в то время в Закавказье М. И. Калинина. Эта крупнейшая забастовка сыграла громадную роль в развитии революционного движения в Закавказье.

---

[1] Я беру эти данные из книги Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 20. Изд. 1938.

22 апреля 1901 г. в Тифлисе организуется первомайская демонстрация в самом центре города, на бывшем Солдатском базаре, в районе Александровского сада. Товарищ Сталин был организатором и руководителем этой демонстрации. В связи с организацией первомайской демонстрации тифлисская группа выпустила листовки, в которых разъясняла значение этого праздника и роль пролетариата и призывала к борьбе с самодержавием. В демонстрации участвовало уже около 2 тысяч рабочих.

Впервые в таком крупном центре, как Тифлис, на улицах появилась демонстрация организованных рабочих с красным знаменем. Правительство, конечно, всячески стремилось разогнать демонстрацию. Первомайская демонстрация вызвала столкновение с полицией и казаками, было арестовано больше 50, ранено 14 человек. Эта демонстрация произвела огромное впечатление на всех рабочих Кавказа. Сразу заговорили о том, что революционное движение уже вышло из узких рамок и приняло широкие размеры политического движения.

Ленинская «Искра» писала, что события 22 апреля в Тифлисе являются исторически-знаменательными для всего Кавказа и что на Кавказе начинается открытое революционное движение.

Некоторое время товарищ Сталин работал в Тифлисской обсерватории, где записывал метеорологические наблюдения. Но больше товарищ Сталин занимался, конечно, не метеорологическими наблюдениями, а политической работой. В комнате, где он жил при обсерватории, происходили нелегальные собрания, на которых обсуждались различные политические вопросы. Там читались и обсуждались все новинки революционной литературы, там товарищ Сталин встречался с Кецховели, Цулукидзе и другими товарищами по революционной работе.

В марте 1901 г. был произведен обыск в комнате товарища Сталина. Когда товарищ Сталин узнал, что есть распоряжение об его аресте и высылке, он перешел на нелегальное положение и продолжал в Тифлисе революционную работу, скрываясь под другим именем.

С возникновением в ряде городов искровских организаций и искровских комитетов РСДРП развертывается борьба за создание такого центра и в Тифлисе. Во главе этого движения стоял товарищ Сталин. В рабочих кружках обсуждался вопрос о создании партийного комитета; шла борьба за то, чтобы в этот комитет были выдвинуты наиболее выдержанные марксистские революционные элементы. 11 ноября 1901 г. в Тифлисе состоялась конференция социал-демократических организаций, на которой был избран первый Тифлисский комитет РСДРП. В него вошел и товарищ Сталин.

Несколько раньше, в сентябре 1901 г., стала выходить в Баку созданная по инициативе Сталина и Кецховели газета «Брдзола» на грузинском языке, что означает «Борьба». Орган «Брдзола» пе-

чатался бакинской типографией, организованной Ладо Кецховели по поручению Тифлисской организации РСДРП. «Брдзола» была боевым органом революционной социал-демократии искровского направления. После «Искры» это был самый значительный и выдержанный в искровском направлении орган революционной печати. «Брдзола» вела борьбу за расширение базы рабочего движения, за переход к политической работе. «Брдзола» вела непримиримую борьбу против «легальных марксистов», «экономистов» — будущих меньшевиков и либералов, против националистов Закавказья. С самого начала «Брдзола» была органом, непосредственно связанным со всероссийским рабочим движением. «Брдзола» сразу заявила, что рабочее движение в Закавказье есть часть всероссийского рабочего движения. Значение «Брдзолы» в развитии революционной мысли закавказских рабочих исключительно велико. «Искра» приходила нерегулярно. Бывали большие перерывы: получишь 20-й номер, а через некоторое время читаешь 25-й или 26-й, а остальные номера пропадали. Транспорт «Искры» был тогда организован двояко: посылали по «надежным» адресам по почте, скажем, какой-нибудь либеральный чиновник или купец давал свой адрес. По этим адресам присылалась из-за границы в конвертах «Искра», напечатанная на папиросной бумаге. Если адрес был исключительно надежный, то почта не вскрывалась, а чуть-чуть подозрительный — почта вскрывала конверт, и «Искра» конфисковывалась. Затем был налажен нелегальный транспорт через границу, привозили «Искру» чемоданами, тюками. В Закавказье самостоятельно организовали транспорт литературы через Батум и довольно часто получали нелегальную литературу, но не регулярно. Поэтому создание такого органа, как «Брдзола», имело громадное значение в революционной работе.

В конце ноября 1901 г. товарищ Сталин по поручению Тифлисского комитета едет в Батум.

Этим заканчивается первый период деятельности товарища Сталина, который можно назвать Тифлисским периодом.

Подводя итог первому периоду деятельности товарища Сталина, следует отметить, что, несмотря на молодость товарища Сталина, он в это время приобрел громадный революционный опыт подпольной работы. Он выработал в себе прекрасные конспиративные навыки, необходимые для профессионального революционера. Они помогали ему в последующие годы, когда он, умело скрываясь от преследований полиции и жандармерии, вместе с Лениным создавал и пестовал нашу большевистскую партию. Жандармы, особенно сыщики, жаловались, что им приходится часто сменяться, так как товарищ Сталин их быстро разгадывал и устанавливал, кто за ним следит. Конспиративные навыки имели для революционера громадное значение, но, конечно, не это было главным. Главное заключалось в том, что товарищ Сталин владел знаниями марксистской теории, что он уже в тот период был верным последователем Ленина. Все, что могло дойти в то время до Закавказья

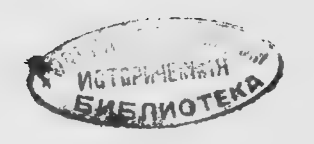
о Ленине, он знал. Многое он узнал о Ленине от В. Курнатовского.

Товарищ Сталин обладал широким научным кругозором, который давал ему возможность разбираться в самых сложных и разнообразных вопросах. У него был опыт пропагандиста, организатора, у него был большой опыт борьбы с оппортунистами, экономистами, националистами Закавказья. У него был опыт создания первых искровских организаций в Закавказье и, наконец, опыт создания нелегальной печати.

Это был период, когда шла ликвидация идейного разброда, идейных шатаний, существовавших тогда в революционных кружках, шло собирание сил для создания марксистской социал-демократической партии, собирание революционных сил марксизма под знаменем ленинской «Искры».

В этой борьбе за создание революционной социал-демократии в Закавказье товарищу Сталину принадлежала руководящая, ведущая роль.

ОГЛАВЛЕНИЕ

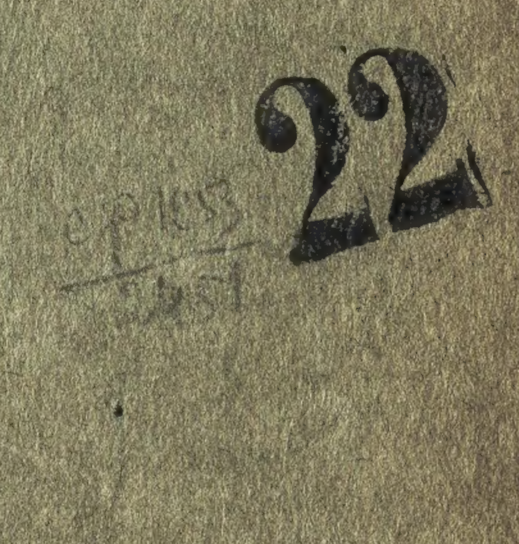

Отв. редактор **А. С. Богдасаров**

А33819 Зак. 2627. Тираж 7050

Набрано в типографии „Красное знамя“; Москва, Сущевская, 21.

Отпечатано в типографии Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б). Москва, М. Дмитровка, 6. Зак. 3009.

22